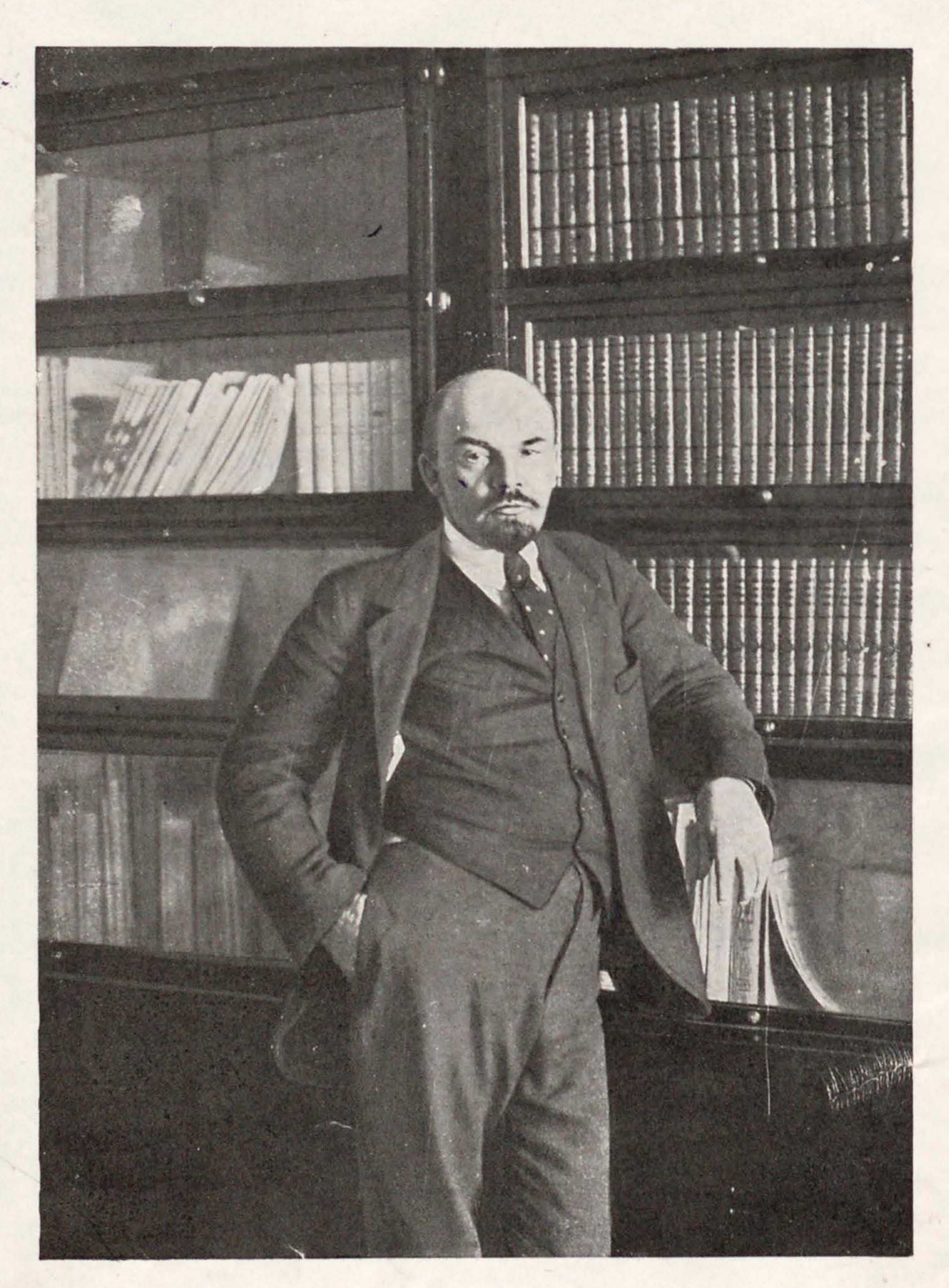
1 р. 75 к.

И. К. ЛУППОЛ

ЛЕНИН И ФИЛОСОФИЯ

1930
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. И. ЛЕНИН

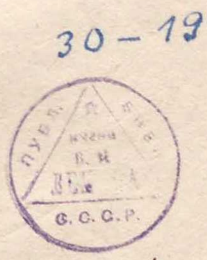
Октябрь 1918 г.

И. ЛУППОЛ

ЛЕНИН И ФИЛОСОФИЯ

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ФИЛОСОФИИ К РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

5

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Второе издание настоящей работы разошлось в течение трех месяцев. Столь краткий период распространения книги автор отнюдь не приписывает тем или иным качествам работы. В этом факте автор усматривает прежде всего глубоко отрадное явление значительного роста читательских масс. Партийный и рабочий актив многими десятками тысяч стал читать не только Ленина, но и литературу о нем. Если хоть одному десятку тысяч таких читателей настоящая работа помогла уяснить общетеоретические взгляды Ленина, а также оказала помощь в осознании отношения философии к революции, автор считает свою задачу выполненной.

Почти одновременно со вторым изданием книги вышел в свет долгожданный IX Ленинский сборник, содержащий конспект «Науки логики» Гегеля и заметки Ленина о нем. Это создало возможность кое-каких дополнений в книге. Количественно эти дополнения не велики и, кроме отдельных вставок, касаются, главным образом, проблемы практики, как критерия истины, и проблемы структуры логики. Дополнения не отразились ни на проблематике, ни на порядке расположения материала, ни сколько-нибудь значительно на об'еме книги.

Москва, 12 июня 1929 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Первое издание предлагаемой вниманию читателя работы было встречено в достаточной степени сочувственно. Это автор усматривает как в том, что книга разошлась в течение полутора лет по выходе ее и переведена на немецкий язык, так и в тех отзывах, которые появились в наших журналах. Три журнала не сделали автору ни одного замечания. «Печать и революция»

(1927 г., кн. 2) и «Под знаменем марксизма» (1927 г., № 1) выступили с некоторыми, имеющими более или менее принципиальное значение, возражениями. Автор удовлетворен последним, ибо в его глазах новая книга, не вызывающая ни у кого возражений, равно как и рецензент, не делающий никаких возражений, представляют собою явления, из ряда вон выходящие, а к таким явлениям автор свою работу отнюдь не причисляет.

Вместе с тем автор отказывается, по крайней мере в настоящее время, от полемики как по соображениям практического свойства (автор не считает предисловие к книге удобным местом для полемики), так и по соображениям своего рода теоретического порядка (автор утешает себя тем, что если его положения были недоказательны в глазах рецензентов, то возражения рецензентов недоказательны в его, автора, глазах) [1].

---

[1] Не скрою, что полемика вообще была бы затруднительна. Напр., «Печ. и рев.» из двух указываемых недостатков один (более существенный) формулирует так: «Совершенно правильно полемизируя против отождествления исторического материализма с социологией, автор перегибает палку, решительно отказывая историческому материализму в названии теории, считая его лишь методом... Приводя для пояснения теорию Дарвина, т. Луппол говорит, что она «есть та теория, к которой в области биологической науки приводит метод диалектического материализма». Но ведь теория Дарвина, являясь теорией общей биологии, служит в то же время и методом для всех частных биологических дисциплин. Точно так же обстоит дело и с историческим материализмом». Смею напомнить, что на той же странице после процитированных рецензентом моих строк у меня имеется следующая выноска: «К. А. Тимирязев, говоря о дарвинизме, справедливо рассматривал его как исторический метод в биологии. В известном смысле можно говорить о дарвинизме как методе и дарвинизме как теории; равным образом, краткости ради, о марксизме как методе и о марксизме как теории».

«Под знам. маркс.», напротив, считает, что исторический материализм может строиться и как социология. Выставив этот тезис, рецензент в дальнейшем оперирует термином «теория» и, покончив с аргументацией, пишет: «нет поэтому никаких причин отказываться от термина «социология». Далее, рецензент, выписав приводимые у меня слова Ленина: «Материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все об'яснить, а только на то, чтобы указать единственно научный, по выражению Маркса, прием об'яснения истории», следом за этим пишет: «Вывод автора (т. е. мой. — *И. Л.*), что «материализм в истории есть прежде всего метод познания, изучения, об'яснения...» крайне произволен и отнюдь из этой цитаты Ленина не следует». Весь секрет в следующем: рецензент слова «прежде всего» относит только к моему слову «метод» и возмущается: как прежде всего метод? Прежде всего исторический материализм есть теория, а потом уже метод. Уразумение контекста раз'ясняет все дело. Ленин говорит: материализм есть только прием

Однако, просматривая книгу, автор пришел к заключению о необходимости дополнить работу. Автор нашел в ней недостаток, не усмотренный ни одним из рецензентов. Этот недостаток заключался в отсутствии специальной главы об основах метода социального действия Ленина (наряду с имеющейся главой о методе социального знания). Этот недостаток посильно восполнен во втором издании. Кроме того значительно выросло и вылилось в отдельную главу изложение пути философского развития Ленина на фоне философской борьбы марксизма с народниками, неокантианцами и махистами.

К сожалению, так называемые философские тетрадки Ленина до сих пор не изданы. Благодаря любезности дирекции Института В. И. Ленина автор имел возможность по специальному поводу ознакомиться с этими тетрадками, за что автор, усматривая в этом не только любезность, но и услугу, — приносит Институту товарищескую благодарность. Однако, само собою разумеется, пока философские тетрадки не опубликованы Институтом, они не могут быть использованы автором. Только в исторической части работы, с разрешения Института, автор дает их, так сказать, внешнее описание, не выходя за пределы того, что о них известно, и оперируя этим в связи с темой главы.

Общая концепция автора была близка его столь рано ушедшему другу, Александру Яковлевичу Троицкому, сочувственно относившемуся к первым наброскам книги. Это дает автору смелость и право посвятить второе издание памяти покойного.

Берлин — Москва.
Сентябрь 1928 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

В основу настоящей работы положены четыре статьи, напечатанные автором в различных журналах на протяжении 1924 и 1925 гг.[1]. Эти статьи были просмотрены, а две из них значи-

---

об'яснения истории. Я, исходя не только из работы 1894 г. («Друзья народа»), а из всего Ленина, говорю: материализм прежде всего метод об'яснения, но не только об'яснения истории, а и действия в этой самой истории, и притом революционного, и т. д. Ясно, что при таких условиях полемика «прежде всего» и по меньшей мере трудна.

[1] «Ленин в борьбе за диалектический материализм» — «Молодая гвардия», 1924, № 2—3; «Ленин как теоретик пролетарского государства» — «Под знаме-

тельно переработаны и дополнены. В предлагаемой книге это уже не самостоятельные статьи, а звенья одной цепи — главы единой работы.

Необходимо сказать, что переработка коснулась не основных мыслей, а главным образом порядка расположения материала, и привела к существенным дополнениям его. Последнее необходимо вызывалось тем обстоятельством, что за последнее время, уже после напечатания статей, были опубликованы ценнейшие материалы из литературного, философского и политического наследия Ленина. Сюда относятся письма Ленина к А. Потресову и М. Горькому, его заметки о диалектике, планы ненаписанной брошюры о диктатуре пролетариата, материалы по культурной проблеме и т. д. Все эти материалы подтвердили ранее данную автором трактовку философско-культурного облика Ленина, все они были использованы в меру сил автора в настоящей работе.

К сожалению, ряд материалов из философского наследия Ленина все еще ждет своего опубликования. Речь идет о философских тетрадках-конспектах Ленина и его философско-полемическом письме А. Богданову. Несомненно, их отсутствие об'ективно не дает возможности представить облик Ленина-философа во всей полноте. Именно эту задачу ставил себе автор. Насколько она выполнена, очевидно, судить не ему, а компетентному читателю.

В наше время как будто все более и более широкого «признания» диалектического материализма, с одной стороны, а с другой стороны — все более и более учащающихся случаев скрытого, вольного или невольного, искажения, «исправления» и «дополнения» его, не говоря уже об открытых на него нападениях на Западе, автору представлялось во всех отношениях небесполезным и целесообразным представить читателю облик Ленина-философа, т. е. представить его отношение к философии и его решение основных философских проблем. Эта задача, поскольку речь идет о Ленине, совпадает с другой задачей, несомненно, гораздо более трудной — дать материал к вопросу об отношении философии к революции.

Друзьям и сторонникам диалектического материализма, в особенности приступающим к его изучению, автор пытался показать богатство и глубину идей Ленина-мыслителя, Ленина-теоре-

---

нем марксизма», 1924, № 2; «Основные моменты социальной методологии Ленина» — «Воинствующий материалист», 1925, кн. II; «Проблема культуры в постановке Ленина» — «Печать и революция», 1925, №№ 5—6 и 7.

тика, не имеющего ничего общего с нашими упростителями, вульгаризаторами и «упразднителями» философии марксизма. Врагам и противникам диалектического материализма автор хотел показать, что Ленин отнюдь не является философской quantité négligeable, что он поставил и разрешил ряд проблем, от которых никак нельзя отмахнуться высокомерным презрением.

Некоторых могут привести в недоумение проблемы государства и культуры, которые включены в работу, претендующую быть философским опытом. Однако включение этих проблем вытекает из той трактовки, какую автор, — как он думает, вслед за основоположниками марксизма и Лениным, — придает философии марксизма. Материалистическая диалектика для автора есть методология знания на основе действия и методология действия на основе знания. Справедливо будет здесь сказать, что значение материалистической диалектики как общей методологии ныне вполне закономерно выдвигалось и выдвигается А. М. Дебориным. Опубликование Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса «Диалектики природы» Энгельса и Институтом В. И. Ленина заметок «К вопросу о диалектике» Ленина лишь подтвердило правильность разработки этой методологической стороны марксизма.

Указанная формулировка значения и роли диалектики, которую дает автор, как представляется ему, заложена и развита Лениным во всех его произведениях и во всей его деятельности. Именно поэтому автор решился высказать ее в контексте изучения и анализа наследия Ленина. Между тем трактовка материалистической диалектики как методологии не только знания, но и действия неизбежно приводит к проблеме государства, на которое в обстановке капитализма прежде всего обращается действие пролетариата. Проблема культурной революции также является проблемой как знания, так и действия. Ею замыкается в нашу эпоху историческая культурно-философская задача. Культурная революция на основе своей материальной базы должна привести к тому осуществлению философии, которое является в то же время осуществлением коммунизма.

Железноводск.
12 августа 1926 г.

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Единство теории и практики.

По словам молодого Маркса, «подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие». Эти слова имеют не только логическое, но и историческое значение. Чтобы понять их, нужно мысленно перенестись в обстановку Германии 40-х годов прошлого столетия, когда философия младогегельянцев в лице К. Маркса и Ф. Энгельса все более и более обнаруживала свои революционные и коммунистические тенденции. В наши дни, однако, если не уточнить понятия философии, если не иметь в виду определенного направления в ней, то при современном разнообразии этих направлений и течений придется признать данное положение несколько широким: философия как форма умственной деятельности и коммунизм как движение пролетариата как бы лежат в двух различных плоскостях. И подобно тому, как далеко не всякий «философ» является социалистом, коммунистом, так и каждый социалист, коммунист вовсе не должен быть обязательно «философом» или философски образованным.

Но как только мы форму наполняем конкретным, определенным содержанием, как только, вместо философии «вообще», философии в абстракции, мы ставим философию марксистскую, диалектический материализм, вопрос приобретает иную постановку. Социалист, коммунист на практике не может быть в теории никем иным, как только диалектическим материалистом, т. е. марксистом, если только он хочет быть последовательным, если он хочет стоять на почве научного социализма, научного коммунизма.

Дело принимает еще более отчетливый, мы бы сказали, внутренне обязательный характер, когда налицо социалист, коммунист с теоретическими запросами, с возможностью их удовлетворить, с философской подготовкой. Такой коммунист, если он заботится о последовательности своего мировоззрения, может быть только диалектическим материалистом, как и наоборот — диалектический материалист при последовательном развитии своего мировоззрения должен притти к научному социализму. И если действительность обнаруживает иногда исключения из этого положения, то тем самым она подтверждает другое положение, по которому люди не всегда последовательны в своем мировоззрении. Научный социализм неразрывно связан с диалектическим материализмом, и эта связь обозначается одним словом: марксизм. И первое, что нам хотелось бы подчеркнуть в нашей работе, это — глубокая последовательность Ленина, его ортодоксальность, его монолитность. Диалектический материализм и научный коммунизм в теории и на практике оказались в нем тем, чем они по существу и являются: не двумя самостоятельными, независимыми областями, а конкретным единством, неразрывным и неразлучным.

Ленин не был автором многих философских трактатов, диссертаций, монографий, ибо он не был кабинетным ученым, навсегда и исключительно зарывшимся в книгах и в них нашедшим свой мирок. Однако, будучи не только практиком, но и теоретиком, он и здесь разрешил проблему единства, не будучи теоретиком ради теории. Как это было и у Маркса, практика теоретизируется Лениным, но теория создается ради практики. Таким образом теория не изгоняется из повседневного обихода революционера, не выкидывается за борт как нечто ненужное, но применяется в этом самом революционном обиходе и служит руководящей нитью. Читая в 1914 г. Гегеля, Ленин положительно отзывается о § 225 первой части «Энциклопедии философских наук», «где познание (теоретическое) и воля, практическая деятельность, изображены как две стороны, два метода, два средства уничтожения односторонности, и суб'ективности и об'ективности» [1].

Одна «стихийная» практика, одна, хотя бы и революционная, стихийность, если даже она проникнута искренним пафосом и истинным воодушевлением, недостаточна для выполнения истори-

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн. стр. 251.

ческого дела пролетариата. Стихийная революционная вспышка может быстро угаснуть, несмотря на то, что, казалось бы, сама действительность дает богатую пищу революционным выступлениям. Чтобы эти революционные вспышки не гасли, чтобы из отдельных кратковременных искр действительно могло возгореться пламя, необходимо, конечно, кроме самого источника огня, то, что было бы в состоянии принести известную устойчивость, необходимо то, что, черпая свое начало все из того же источника огня, связывало бы все искры в один огненный поток революции.

Таким началом, связующим, направляющим и придающим устойчивость стихийным выступлениям, является т е о р и я. На традиционном философском языке практика связывается с в о л е й, а т е о р и я с п о з н а н и е м. Стало быть, в этих выражениях, воля, хотя бы и революционная, оторванная от познания, оказывается лишенной корней, как бы висящей в воздухе. Воля, не связанная с познанием действительности, оказывается через это не связанной и с самой действительностью, не признающей эту последнюю; тем самым воля не в состоянии реализовать себя, она функционирует впустую. Это неправильное недиалектическое соотношение между теорией и практикой, познанием и волей Ленин формулирует следующим образом: «Познание находит перед собой истинно сущее как независимо от суб'ективных мнений наличную д е й с т в и т е л ь н о с т ь. Воля человека, его практика, сама препятствует достижению своей цели тем, что отделяет себя от познания и не признает внешней действительности за истинно сущее (за об'ективную истину). Необходимо с о е д и н е н и е п о з н а н и я и п р а к т и к и»[1].

Конечно, и теория не должна быть абстрактной, умозрительной; в последнем случае она превращается в свою противоположность, в голое, бесплодное философствование «по поводу». Речь может итти лишь о «познании действительности», о теории, направленной на д е й с т в и т е л ь н о с т ь, т. е. о теории в определенной конкретной обстановке. Если, например, перед нами, с одной стороны, Россия 90-х гг. прошлого столетия, а с другой — интеллигенция, именующая себя социалистической, то последняя, если только она желает оправдать принятое название, должна оставить свои столь же прекраснодушные, сколь и суб'ективные иллюзии, должна «искать опоры в д е й с т в и т е л ь н о м, а не

[1] В. И. Л е н и н, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 265

желаемом развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях». «Теоретическая работа ее должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками; она должна дать цельную картину нашей действительности как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплоатации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на которые указывает экономическое развитие»[1].

Такая конкретная установка теоретической работы могла привести только к марксизму. Об этой именно теории у Ленина идет речь всегда, когда он говорит о теории без дальнейшего определения. Именно она дает устойчивость отдельным революционным выступлениям, связывает их и направляет.

Уже из последних слов следует, что теория марксизма не есть то сокровище, которое должно быть запрятано под стеклянный колпак и поставлено на полку. Подчеркивая «необходимость, важность и громадность» теоретической работы, Ленин вовсе не хочет сказать, «чтобы эта работа ставилась на первое место перед практической, тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой». Это аргументируется тем, что «теоретическая работа дает только ответы» на те вопросы, которые пред'являет работа практическая. В этом смысле, — как выражается Ленин, — «практика выше теоретического познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности».

Итак, не одна стихийная «практика», но практика, проникнутая «сознательностью», осознаваемая теоретически; не одна теория, но теория, претворяемая в практику; не сначала практика, а потом, где-то на задворках и лишь для избранных — теория; наконец, не сначала теория, а затем как некий привесок, без которого можно было бы и обойтись, — практика, но всюду и везде единство теории и практики.

К этому единству теории и практики мы еще вернемся специально в контексте социальной методологии Ленина, а

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», стр. 207.

сейчас следует еще раз подчеркнуть со всей силой ту пропаганду теоретической работы марксистов, которую Ленин вел, можно сказать, из года в год, начиная со своих ранних работ 1894 года и кончая одним из самых последних выступлений 1922 года.

«Без революционной теории не может быть и революционного движения», — пишет Ленин в 1902 году. Русским марксистам того времени, по мысли Ленина, теоретическая работа была нужна еще в силу особых, специфических условий. Во-первых, социал-демократическая партия только еще складывалась; «она далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозившими совлечь движение с правильного пути». Во-вторых, в силу международного характера социал-демократического движения русские марксисты в то время должны были изучить опыт других стран; а так как в Германии уже обозначилось ревизионистское течение, то русским марксистам необходимо было «уменье критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его». В-третьих, самый размах предстоящей работы в необ'ятной крестьянской стране самодержавного царизма необходимо вызывал особую нужду в стройной и твердой революционной теории[1].

Если в отношении теории вопрос стоял так в 1902 году, то он не менее остро продолжал стоять и в 1907 году, в начале реакционной полосы, и в следующие годы идейного разброда, когда теоретическая крепость была крайне необходима; так же обстояло дело и в последующие годы революционного под'ема и, наконец, в момент захвата власти и после него.

В каждый из этих периодов в отношении необходимости революционной теории, — теории марксизма тож, — для революционной практики могла быть иная аргументация в деталях, в зависимости от политической «злобы дня», от характерных особенностей «текущего момента», но принципиальное положение оставалось одним и тем же: «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией».

Эти слова Ленина можно продолжить еще дальше: внутри партии роль передового борца может выполнить только тот, кто в совершенстве владеет революционной теорией. Ленин и был

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. V, «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» стр. 136.

передовым борцом партии, борцом, в совершенстве владевшим руководящей теоретической нитью.

Такой «ариадниной» нитью служил ему марксистский метод, материалистическая диалектика. Ленин знал диалектику, вполне владел диалектическим методом, знал и понимал его необходимость и обращался к нему, когда действительность ставила перед ним подчас трудно разрешимую задачу.

Не следует думать, конечно, что диалектику можно «выучить» или что у изучившего диалектическую логику она превращается в своего рода «Сезам, отворись!», в волшебную палочку, наконец, в открытую таблицу, найдя в которой соответствующую графу, можно прочесть правило поведения на каждый случай жизни. Напротив, диалектика именно требует всестороннего изучения всех сложившихся обстоятельств и вырешения вопроса лишь после такого учета. Мало «изучить» диалектический метод, нужно научиться владеть им. И Ленин умел им владеть и искусно применять его на практике.

Повторяем, Ленин не замыкался в теорию, свои теоретические положения он формулировал мимоходом, попутно с встретившейся на пути, почти всегда партийной, надобностью, какой-либо проблемой, которую нельзя было разрешить, не обратившись к теории, и решение которой нельзя было сделать наглядным, не указав на теоретические основы.

Видя в марксистской философии действительно духовное оружие пролетариата, Ленин весьма дорожил этим оружием, ибо понимал, что отбросить его значит остаться безоружным. С другой стороны, он, пожалуй, больше, чем кто-либо другой, заботился о том, чтобы никакая ржавчина не коснулась ни одной частицы этого оружия. Когда критика марксизма исходила из буржуазного лагеря, это мало его беспокоило: иначе и не могло быть. Как Ленин не полемизировал и не спорил на политические темы с противниками из «Союза русского народа», так он не полемизировал и не спорил на философские темы с противниками из богословского или ярко выраженного идеалистического лагеря: с самого начала такой спор был бы обречен на полную бесплодность и бесполезность одинаково для обеих сторон. Но когда он видел, что диалектический материализм, марксизм, в опасности, и замечал, что эта опасность надвигается из своего же лагеря социал-демократов-марксистов, он не мог оставаться в покое. Такая критика марксизма была во сто крат опаснее, безразлично, происхо-

дила ли она от забвения основ марксизма или от сознательного или бессознательного их извращения. И тогда, борец по натуре, Ленин выступал борцом за диалектический материализм, за марксизм. Так бывало неоднократно при разногласиях внутри русской социал-демократии по тактическим вопросам; так было в интернациональном масштабе, когда он, увидев забвение и извращение марксизма оппортунистами, выступил в 1917 году с восстановлением и развитием марксистского учения о государстве, так было на десять лет раньше, когда он выступил против философских уклонов в марксизме, за чистоту диалектического материализма.

Ленин болезненно чутко относился ко всяческим уклонам от диалектического материализма, вполне допуская и приветствуя дальнейшее развитие его, сам в процессе полемики подчеркивая недостаточно оттененные стороны марксизма и развивая его положения. Но отступления назад, уступки идеализму и фидеизму получали от него жестокий, резкий и своеобразно обоснованный отпор, причем в выражениях по адресу подобных философских ревизионистов Ленин не стеснялся.

Весь философский путь Ленина выявляет его, прежде всего, именно борцом за диалектический материализм, далее, борцом стойким и сильным, выступавшим во всеоружии марксизма, наконец — борцом, не жалевшим многих месяцев на солидную подготовку к борьбе.

II.

ФИЛОСОФСКИЙ ПУТЬ ЛЕНИНА.

1. Первый шаг: борьба с народниками — выступление против Н. Михайловского. — 2. Второй шаг: борьба с кантианцами — выступление против П. Струве. — 3. Философская учеба в связи с литературой народников и кантианцев. — 4. Борьба с махистами — «Материализм и эмпириокритицизм». — 5. Ленин в оценке буржуазных идеалистов. — 6. Ленин в оценке махистов. — 7. Ленин в оценке некоторых марксистов. — 8. Работа над Гегелем — «философские тетрадки». — Заключение.

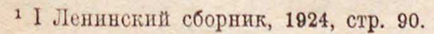
> «Идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к об'ективной истине все больше и больше, никогда не исчерпывая ее; идя же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи».
>
> Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм».

1.

К сожалению, у нас нет исчерпывающих данных о том, как Ленин начинал свою философскую учебу, нет данных о всех тех книгах, какие он читал. Тем не менее изучение марксистской, околомарксистской и антимарксистской философской литературы в соответствующие эпохи позволяет нам наметить этот путь философской учебы Ленина.

В письме к М. Горькому от 25 февраля 1908 г. Ленин писал, что он всегда внимательно следил за «партийными» прениями по философии, «начиная с борьбы Плеханова против Михайловского и К° в конце 80-х годов и до 1895 года» и далее за его же борьбой с кантианцами в 1898 году [1]. Именно на фило-

[1] I Ленинский сборник, 1924, стр. 90.

софско-полемических работах Плеханова в дополнение к основным сочинениям Маркса и Энгельса Ленин и заострял свои философские убеждения. Недаром эти работы Плеханова он ставил выше всей философской литературы послемарксо-энгельсовского периода. «Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать, — именно изучать, — все, написанное Плехановым по философии, ибо это — лучшее во всей международной литературе марксизма»[1].

Изучая ранние произведения Плеханова, мы можем довольно точно указать, какие именно сочинения его имел в виду Ленин, когда писал о философских «прениях» первого с народниками «в конце 80-х годов и до 1895 года». На первое место здесь, очевидно, нужно поставить «Наши разногласия», первое издание которых вышло, как известно, в 1885 году. Не говоря уже об общем теоретическом духе этого замечательного для своего времени произведения, нельзя было не обратить внимания на ряд специально философских положений, в частности на рассуждения Плеханова, в связи с Гегелем и Чернышевским, о методе и результатах исследования общественных явлений. «Ошибка в результатах, — писал Плеханов, — непременно будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких частных случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой частной истине». Далее Плеханов указывал на то, что серьезное отношение к методологическим вопросам «возможно лишь в обществе, получившем серьезное философское образование».

В духе взглядов Энгельса на естественно-научных материалистов шестидесятых годов и применяя эту его точку зрения на российскую писаревщину и базаровщину, Плеханов писал: «Недостаток философского развития с особенною силою сказался у нас в шестидесятых годах, когда наши «мыслящие реалисты», создавши культ естественных наук, открыли жестокое гонение на философскую «метафизику». Под влиянием этой антифилософской пропаганды последователи Н. Г. Чернышевского не могли усвоить себе приемы его диалектического мышления, а сосредоточивали свое внимание лишь на результатах его исследований»[2].

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, «Еще раз о профсоюзах», стр. 60.

[2] Г. В. Плеханов, Сочинения, т. II, стр. 151—152.

Дальнейшая мысль Плеханова заключалась в том, что народники, усвоив результаты исследований Чернышевского, повторяют букву его учения, подобно правым гегельянцам, истинными же наследниками Гегеля были те его ученики, которые «не оставили камня на камне в его системе, строго держась того самого метода, который завещал им великий мыслитель». Равным образом, очевидно, лучшими продолжателями дела Чернышевского могут быть лишь те, кто будет действовать по духу, а не по букве его.

К ранним же философским «прениям» Плеханова должна быть отнесена и статья 1889 г. «Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова», в которой, если не ошибаемся, Плеханов впервые писал в развернутой форме о том, что «количественные изменения, постепенно накопляясь, переходят, наконец, в качественные, эти переходы совершаются скачками и не могут совершаться иначе», и цитировал по этому вопросу «Науку логики» Гегеля.

Если говорить не только о философских прениях Плеханова с народниками до 1895 года, но о всех произведениях Плеханова этого периода, имеющих философское содержание, то нужно указать еще: первую статью о Н. Г. Чернышевском из «Социал-демократа» (1890, № 1), статью «К шестидесятилетней годовщине смерти Гегеля» из «Neue Zeit» (1891, февраль), предисловие и примечания к первому изданию «Людвига Фейербаха» Энгельса (1892), брошюру «Anarchismus und Sozialismus» (1894) и, наконец, книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (вышла в последних числах декабря 1894 года).

Таков круг произведений Плеханова, которые мог иметь в виду Ленин в своем письме к Горькому. Однако в этом письме Ленин весьма скромен. Вспоминая полемику Плеханова с народниками 90-х годов, он не указывает своей первой статьи из цикла «Что такое «друзья народа». Правда, эта работа написана в разрезе исторического материализма в собственном смысле слова, однако, как увидим впоследствии, в ней есть целый ряд положений принципиально методологического значения, рисующих Ленина 1894 года как далеко не заурядного марксиста-философа.

Чтобы понять историческое место «Друзей народа», равно как и условия и обстоятельства пути философского развития Ленина, нужно познакомиться с философской обстановкой, в ко-

торой принуждены были действовать русские марксисты девяностых годов прошлого столетия. Само собою разумеется, в нашу задачу не входит обрисовка состояния вообще рабочего движения той эпохи.

В начале девяностых годов марксистские кружки существовали уже в изрядном количестве, и притом не только в столице, но и в провинции. Предметом суждений в этих кружках не могли не быть и вопросы материалистического понимания истории. В этом отношении очень любопытна статья народника Чешихина-Ветринского «Модная теория» [1], написанная еще до выхода книги Бельтова-Плеханова. Статья начинается с рассказа об увлечении московской молодежи гегельянством в конце тридцатых годов XIX века.

«С увлечением гегельянской философией, — продолжает Ветринский, — мы сравнили бы теперешнее увлечение так называемым экономическим материализмом, увлечение, захватывающее, насколько нам приходилось наблюдать, как и в тридцатые годы, нашу молодежь, особенно в провинции. Сходство усиливается еще и тем обстоятельством, что экономический материализм, своим догматическим видом близкий к догматической метафизике Гегеля, близок к ней и по своему происхождению. Писатель, впервые высказавший эту гипотезу, причисляется к так называемой левой школе последователей Гегеля» [2]. В этом отрывке все характерно: и описательное наименование Маркса, и непонимание его исторической и философской роли (Маркс — только левый гегельянец и метафизик), и пренебрежительное отношение народника к историческому материализму, и, наконец, легкое беспокойство по поводу «увлечения» «молодежи» марксизмом.

В такой обстановке, в обстановке, когда революционные марксисты не имели возможности изложить свои взгляды в подцензурной прессе, теоретический вождь народников Н. К. Михайловский в октябрьской книжке «Русского богатства» за 1893 год написал: «Марксисты прямо настаивают на необходимости разрушить нашу «экономическую организацию», обеспечивающую трудящемуся самостоятельное положение в производстве». Эти слова возводили на марксистов обвинение в стремлении ухудшить положение трудящихся, «свободных производителей», в

---

[1] «Новое слово», 1894, № 11, стр. 215—228.

[2] Там же, стр. 216.

своего рода симпатизировании грядущему капиталистическому порядку.

Вместе с тем эти, казалось бы, малозначащие слова послужили поводом к бурной полемике марксистов с народниками, полемике, сыгравшей громадную роль в развитии марксизма, в частности философии марксизма в России. Не имевшие возможности отвечать легально, марксисты начали с Михайловским своеобразную полемику-переписку. Как бы в ответ на свои слова Михайловский получил несколько писем, в том числе одно от Н. Е. Федосеева, другое за подписью «Марксисты».

Письмо Федосеева до нас не дошло. Ленин писал о нем следующее: «Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению. Помню, что на этой почве началась его полемика с Н. К. Михайловским, который отвечал ему в «Русском богатстве» на одно из его нелегальных писем. На этой почве началась моя переписка с Н. Е. Федосеевым... Насколько я помню, моя переписка с Н. Е. Федосеевым касалась возникающих тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения» [1]. Переписка эта, к сожалению, также не сохранилась.

Второе письмо было издано в свое время нелегально. Авторы его протестовали против приписывания Михайловским марксистам активной деятельности в сторону разрушения существующей «экономической организации». Основное разногласие с Михайловским авторы письма формулировали следующим образом: «С начала 70-х годов вы доказываете существование в России особых условий, благодаря которым она может миновать капиталистическую стадию развития. Мы отрицаем наличность этих условий. Мы находим, что ход экономической эволюции как до сих пор состоял в разрушении экономической организации, унаследованной от крепостного права, так и впредь будет неизбежно отличаться тем же характером. Этот взгляд наш неразрывно связан с убеждением, что экономическая эволюция при настоящих условиях может совершаться только инстинктивным путем так, как она совершалась до сих пор повсюду в Западной Европе, и что сознательная деятельность интеллигенции не может изменить характера этой эволюции» [2].

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. I, стр. 462.

[2] Письмо воспроизведено в «Былом» за 1924 г., № 23: «Письма марксистов к Н. К. Михайловскому», стр. 99—131.

В ответ на эти письма Михайловский написал целую статью в № 1 «Русского богатства» за 1894 год, статью, которую обычно считают началом классического периода полемики марксистов с народниками. В этой статье Михайловский выдвинул как бы следующие пункты обвинения «экономического» материализма: у Маркса нет специальных сочинений об экономическом понимании истории, в которых он «пересмотрел бы все известные теории исторического процесса»; сами Маркс и Энгельс признавались, что в 1845 году, когда уже складывались их теоретические взгляды и были открыты основные пункты научного социализма, «нужные для такого дела познания у них были слабы»; марксизм родился вне науки, в недрах гегелевской философии; в стремлении спасти экономическое об'яснение истории Маркс и Энгельс «производство» человека человеком должны были об'явить экономическим фактом.

«Марксисты», написавшие уже одно письмо Михайловскому, не замедлили ответить ему вторично, но прежде чем они успели отправить это второе письмо, вышла февральская книжка «Русского богатства» с новой полемической статьей Михайловского. В этой последней теоретик народников, отправляясь от статьи М. Филиппова «Гальванизм и гегелизм» [1], подверг критике некоторые философские принципы диалектического материализма. На этот раз он обрушился на гегелевскую триаду, сводя к ней суть диалектики. Логические полярности, о которых писал М. Филиппов, Михайловский усматривал и у О. Конта, и у Луи Блана. «Тайну» гегелевской триады Михайловский глубокомысленно находил в простых понятиях прошедшего, настоящего и будущего. Этим по существу исчерпывалась февральская его статья в «Русском богатстве».

Мы остановились на этих статьях Михайловского потому, что именно они послужили об'ектом критики двух важнейших выступлений: Ленина в первой статье о «Друзьях народа» и Плеханова в «Монистическом взгляде». Книга Плеханова писалась осенью 1894 года, первая статья Ленина в апреле; второе же письмо «марксистов» (ответ на январскую статью Михайловского) — в феврале и в марте.

Это письмо характерно в том отношении, что свидетельствует о достаточном единстве в лагере марксистов. Авторы останавли-

---

[1] «Научное обозрение», 1894, № 3.

ваются на некоторых из тех вопросов, на которых почти одновременно заостряет свое внимание и Ленин. Возражая Михайловскому против приписывания Энгельсу взгляда на «производство человека» как на «экономический факт», авторы пишут, что производство и воспроизводство непосредственной жизни Энгельс считает «определяющим моментом» с точки зрения материалистического воззрения, а не «экономического» материализма, что не одно и то же; они вообще возражают против определения марксизма как «экономического» материализма.

Равным образом они протестуют против плоского понимания Михайловским диалектики: «Вам часто, вероятно, приходилось сталкиваться у марксистов со словами «диалектический метод», но вы, очевидно, не дали себе труда вдуматься, что это такое. Мы имеем в виду тут не гегелевскую триаду, с которой мы не согласны, а ту сторону диалектического метода, которая ниспровергает понятие «вещи» и ставит на его место понятие «процесса», в силу чего природа оказывается не «комплексом вещей», а «комплексом процессов». Диалектический метод ведет к пониманию истории не как ряда событий, а как беспрерывного процесса развития, имеющего в каждый момент определенную тенденцию.

Это понимание применимо к истории так же, как и ко всей природе, взятой в ее целом» [1].

Вообще если по этому письму судить о философско-марксистском уровне тогдашних кружков, то придется признать, что этот уровень был достаточно высок. По крайней мере тогда были ясны многие из тех вопросов, которые некоторыми «марксистами» механического толка оспариваются в последние годы. Так, например, у авторов письма мы находим следующее замечательное место по вопросу о случайности: «Вы приписываете марксистам отрицание случайности в исторических событиях. Нет, мы не отрицаем наличности этой случайности, мы настаиваем только на том, что исторический процесс всегда имеет определенное направление, пробивающееся сквозь различные случайности, и что для переживаемого нами периода это направление определяется бессознательно изменяющимся экономическим элементом... Разве различные научные теории не обязаны были своим появлением более или менее случайным причинам, и разве процесс развития

---

[1] «Былое», 1924, № 23, стр. 118.

человеческой мысли не отличался тем не менее известной правильностью и последовательностью?» [1].

Если письма «марксистов» свидетельствуют о достаточно высоком уровне непосредственно марксистской философской культуры авторов, то нужно сказать, что они написаны целиком в оборонительном тоне, отличаются еще известной долей уважения к Михайловскому как теоретику и общественному деятелю и не ставят самостоятельно в положительной форме ни одной проблемы.

В этом отношении неизмеримо выше их стоит ленинская статья апреля 1894 года. Ленину также приходится защищаться, вернее, защищать марксизм. Но, обороняясь, он немедленно и по каждому вопросу переходит в наступление. Он не считается с тем, что перед ним, 24-летним юношей, стоит «семидесятник»; теоретическая истина марксизма для него дороже, и он с силой и с сознанием этой силы каждый раз ударяет по рукам маститого народника. Он издевается над непониманием Михайловским марксизма, он разоблачает полемические вольности и подтасовки последнего, он высмеивает его стилистические ляпсусы. По целому ряду вопросов Ленин, исходя из принципов исторического материализма, развивает марксистские взгляды и обогащает их новыми конкретными положениями.

Статья его, вышедшая, как известно, нелегальной брошюрой весной 1894 года, шаг за шагом идет по статьям Михайловского. Начав с январской статьи последнего, Ленин сразу же парирует его «отвод» Маркса на том якобы основании, что Маркс нигде не изложил своего материалистического понимания истории. «Капитал» — вот то произведение, которое для имеющих глаза, чтобы видеть, является в равной мере и экономическим, и социологическим трудом. Попутно Ленин раз'ясняет величайшую заслугу Маркса, отошедшего от абстрактного понятия «общества вообще» и сформулировавшего конкретное понятие «экономической общественной формации». Второе обвинение Михайловского в том, что Маркс и Энгельс, по собственному их признанию, не знали экономической истории, когда открывали свой закон экономического развития общества, легко парируется Лениным путем воспроизведения подлинных слов Энгельса: «Решение Маркса и Энгельса не публиковать работы историко-философской (речь

[1] «Былое», 1924, № 23, стр. 119.

идет о «Немецкой идеологии». — *И. Л.*) и сосредоточить все силы на научном анализе одной общественной организации характеризует только высшую степень научной добросовестности. Решение г. Михайловского поломаться над этим добавленьицем, что, дескать, Маркс и Энгельс излагали свои воззрения, сами сознаваясь в недостаточности своих познаний для выработки их, характеризует только приемы полемики, не свидетельствующие ни об уме, ни о чувстве приличия» [1].

По вопросу о «производстве самого человека», «экономический» смысл которого Михайловский навязывал Энгельсу, Ленин принужден раз'яснять, как это делали и анонимные марксисты, что Маркс и Энгельс, характеризуя свое миросозерцание, называли его не экономическим материализмом, а просто материализмом.

Покончив с январской статьей Михайловского, Ленин переходит к его февральской статье и снова шаг за шагом теснит Михайловского. Марксизм вовсе не основан на триаде Гегеля. «Диалектическим методом, — дает Ленин свою первую раннюю, еще не полную, формулировку, — в противоположность метафизическому Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии, организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим об'ективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [2].

В настоящем историческом эскизе мы не предполагаем касаться всего богатства мыслей Ленина в этой его ранней работе. Это удобнее будет сделать при систематическом изложении и анализе философской концепции Ленина. Здесь же нам остается лишь подчеркнуть, что уже в своей первой общетеоретической статье Ленин выказал себя вполне сформировавшимся философом-марксистом. Нужно только иметь в виду, что философские убеждения Ленина 1894 года были основаны, так сказать, непосредственно на марксистской литературе; они не были еще опо-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. I, стр. 67.
[2] Там же, стр. 82.

средованы самостоятельным изучением классиков философии. Поэтому-то «Монистический взгляд» Бельтова-Плеханова, уступая «Друзьям народа» в живости, актуальности и остроте критики, имел известное преимущество: он давал критику Михайловского и обоснование материалистического понимания истории на солидной историко-философской основе.

2.

Еще до книги Бельтова-Плеханова в сентябре 1894 года вышла в свет книга П. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», под знаком которой и развивалась в ближайшие месяцы журнальная полемика народников с марксистами, полемика, нужно сказать, односторонняя, ибо марксисты не располагали журналами для адекватного изложения своих взглядов.

Думается, что появление этой книги было неожиданным для народников. Они полагали, что упомянутые нами статьи Н. Михайловского подытожили в теоретической области не только более ранние произведения Н. — она (Н. Ф. Даниельсона) и В. В. (В. Воронцова), но и односторонний, поскольку речь шла о легальной прессе, спор с марксистами. По крайней мере, уже цитированный нами Ветринский в той же статье «Модная теория» [1] после «сокрушительной» критики материалистического понимания истории, свидетельствовавшей о непонимании автором предмета, писал, что «материалистическая философская доктрина в чистом виде никем у нас не защищается». Заключительным аккордом его статьи был следующий глубокомысленный и дальновидный вывод: «Полемика эта, в сущности, говорит об умственной отсталости читающей публики, потому что самый предмет спора, в сущности, исчерпан тем, что общая материалистическая вера уже потеряла кредит, чего эта публика как будто и не заметила».

На самом деле полемика только разгоралась. Книга Струве вызвала ряд статей и рецензий. Уже в № 10 «Русского богатства» отвечал Н. Михайловский. В №№ 47—49 «Недели» со статьей «Немецкий социал-демократизм и русский буржуаизм» выступил В. В. Правда, В. Воронцов не затрагивал в своей статье философ-

---

[1] «Новое слово», 1894, № 11, стр. 215—228.

ских проблем. Мысль его сводилась к тому, что на Западе марксизм привел к социал-демократизму; у нас же условия иные — пролетарий тонет в массе крестьянства. Применение социологического учения Маркса у нас его учениками приводит к проповеди «буржуаизма».

Нужно сказать, что В. Воронцов, со своей народнической точки зрения, уловил действительный буржуазный оттенок книги П. Струве и поэтому был не совсем неправ, когда писал об авторе «Критических заметок», что он опирается на терминологию Маркса и «втирает очки нашему интеллигенту». «Сам материалистический фатум, — писал В. В., — бросает этого интеллигента в об'ятия буржуаизма, и заслуга струвизма заключается в том, что, пытаясь создать идеологию для новой буржуазии и обратившись для этого к социологической и экономической системе Маркса, истрепав в клочки это знамя современного немецкого демократизма, ища в нем опоры для российского капитализма, он окончил тем, что по существу оперся на Мальтуса и Листа «с некоторыми соображениями из Рошера», а подливку к этому существенному содержанию предлагаемого яства состряпал из терминов Маркса. По крайней мере всем угодил: и пава, и ворона!» [1].

В настоящем контексте мы проходим мимо других откликов на «Критические заметки» (например, статья Н. — она «Апология власти денег как признак времени» в №№ 1—2 «Русского богатства» за 1895 год, рецензия С. (Слонимского) в № 12 «Вестника Европы» за 1894 г. и некоторые другие), потому что они, не обладая философским содержанием, не имеют прямого отношения к нашей теме, но должны сказать, что книга Струве оживила на ряд месяцев оба лагеря, как народников, так и марксистов.

Первые не могли не видеть, что марксизм не разбит, а только поднимает голову. Иные были готовы признать книгу Струве едва ли не новым евангелием, отзвуком чего явились стихи:

Старый друг народа в вечность отошел,
И ему на смену Пе фон-Струве шел.

Другие, революционные марксисты, равным образом не могли не видеть, что марксизм Струве не есть подлинный ортодоксальный марксизм. Из этих последних на первом месте оказался Ленин.

---

[1] «Неделя», 1894, стр. 1591.

Вскоре после выхода в свет «Критических заметок», осенью же 1894 г., на квартире А. Потресова Ленин читал уже критический реферат «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Для Ленина уже тогда Струве был одним из буржуазных демократов, «для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас (т. е. для Ленина и революционных марксистов. — *И. Л.*), а к буржуазному либерализму» [1].

Книга Струве критиковала народничество, в том числе и его социологию, но критиковала недостаточно, не с подлинно-марксистской точки зрения. Сам автор об'являл в предисловии: «Примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам, он (автор) нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен».

Уже мимо этих слов Ленин не мог пройти равнодушно, тем более, что эти слова отражали и сущность книги. Он поставил себе задачу дать одновременно анализ содержания народничества и анализ критики народничества со стороны Струве. Этот анализ должен был быть дан «с точки зрения человека, «примыкающего» по всем (а не по «некоторым» только) основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам», т. е. с точки зрения ортодоксального революционного марксизма.

Этот анализ и был дан Лениным сперва в его реферате «Отражение марксизма в буржуазной литературе», а затем, в несколько измененном и расширенном виде, в большом очерке «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Очерк этот был написан в конце 1894 г. и должен был появиться в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (май 1895 г.), который был, однако, уничтожен царской цензурой.

Вторая глава очерка «Критика народнической социологии» представляет большой историко-материалистический интерес. Ленин проводит свою двойную критику (и народников, и Струве) привычными для него приемами: он шаг за шагом следит за изложением Струве и останавливается на требующих критики местах.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VIII, предисловие к сборнику «За 12 лет», стр. 474.

По аналогии с «Друзьями народа» мы оставляем содержание этой главы до систематической части нашей работы, здесь же, в историческом эскизе, укажем лишь на те вопросы, которые привлекли внимание Ленина.

Ленин ставит Струве в минус слишком абстрактную идеалистическую характеристику народничества. Струве имеет дело с «социологическими идеями народничества», но не заботится о том, чтобы вскрыть их классовую сущность. Между тем именно этого требует та доктрина, к «некоторым основным» положениям которой примыкает Струве. Старое народничество, это — крестьянский социализм, новое народничество, это — мещанский социализм.

Высмеивая абстрактную ничего не говорящую формулу народников: «личности создают историю», Ленин и по этому вопросу требует классовой точки зрения, требует анализа антагонистических отношений производства, в которых находятся и действуют «личности». Проблема роли личности в истории может быть решена только, так сказать, в связи с проблемой класса и общественно-экономической формации.

Возражая народникам-суб'ективистам, Струве стоит сам на об'ективной точке зрения. Об'ективизм, конечно, необходим, но чистый об'ективизм граничит с простым констатированием «непреодолимых исторических тенденций», сопряжен с пассивностью и созерцательностью, а отнюдь не с действенностью. Действенность на об'ективной основе — вот позиции материализма.

«Незараженность автора ортодоксией» не могла не сказаться в книге. Правда, в «Критических заметках» это проявлялось лишь в недостаточности критики народников и в некоторых оговорках вроде того, что чисто философское обоснование марксизма еще не дано. Откровенная «критическая струя» Струве была еще впереди, хотя и не за горами. Но и эти оговорки не могли укрыться от внимания Ленина. Об этом свидетельствуют как общая оценка, так и отдельные замечания Ленина в самом очерке (например, критика струвистского определения государства как «прежде всего организации порядка»).

Вспоминая о своем очерке, не увидавшем света в 1895 году, через 13 лет, Ленин правильно оценивал его значение. Свой очерк он называет образчиком, который «показывает практически политическую ценность непримиримой теоретической полемики». За якобы излишнюю склонность к такой полемике революционных

марксистов упрекали не раз. Чрезмерное пристрастие к полемике и расколам имеют-де русские вообще, социал-демократы в частности, большевики в особенности. Но, — пишет Ленин, — «у нас любят... забывать о том, что чрезмерную склонность к перескакиванию от социализма к либерализму порождают условия капиталистических стран, вообще, условия буржуазной революции в России в частности, условия жизни и деятельности нашей интеллигенции в особенности» [1].

В этом отношении «Экономическое содержание народничества» представляет собою важнейший исторический документ. Эту его историческую важность следует усматривать не в том обстоятельстве, что он предназначался к печати в одном сборнике вместе с ответом Струве «Моим критикам» (ради союза с легальным марксизмом для совместной борьбы против народничества), а в том, что при этом совместном выступлении уже шла размежевка. «Экономическое содержание народничества» показывает, «из каких небольших (на первый взгляд небольших) расхождений произошло полное политическое размежевание партий» [2].

Замечателен этот документ и еще в одном отношении. В своем ответе «Моим критикам» (весна 1895 г.), раз'ясняя смысл слов о том, что «чисто философское обоснование» марксизма еще не дано, Струве писал: «Пока экономическое понимание истории не будет обосновано на принципах критической философии... до тех пор я не могу считать экономический материализм вполне обоснованным» и далее: «До меня никто из марксистов не обращался к критической философии: наоборот, марксисты обнаруживали по отношению к этой философии не только полное равнодушие, но даже скептицизм, на мой взгляд недостаточно мотивированный (см., например, статью Бернштейна о Фр. Альб. Ланге в «Neue Zeit», X, 2)». Издавая свой ответ «Моим критикам» в сборнике «На разные темы» (1902 г., подготовлен к печати в 1900 г.), Струве к этому добавил: «Высказываясь так в 1895 году, я не знал, что являюсь пионером целого нового направления критической разработки историко-философских воззрений Маркса. Направление это характеризуется стремлением сочетать идеи новейшей критической философии с

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VIII, предисловие к сборнику «За 12 лет», стр. 471.

[2] Там же, стр. 475.

жизнеспособными основными теоретическими и практическими идеями Маркса»[1].

Итак, Струве об'являет себя, и с полным основанием, пионером, родоначальником кантианского ревизионизма в марксизме. Кантианцем в марксизме он выступил еще до Э. Бернштейна и Конрада Шмидта. Если так, а это так на самом деле, то пионером борьбы с этого рода ревизионизмом должен быть признан не Плеханов, который выступил против Бернштейна и Шмидта в 1898 г., а Ленин, который выступил против Струве в 1895 году.

В то время как печатался «Монистический взгляд» Бельтова-Плеханова, острием своим направленный против народников, Ленин уже шел дальше: он писал «Экономическое содержание народничества», направленное одновременно и против народничества, и против уже зараженного неокантианством Струве.

В отношении второй главы «Экономического содержания народничества» необходимо сказать то же, что и в отношении первой статьи «Друзей народа»: ленинская философская критика, защищая, обосновывая и развивая марксизм, исходит непосредственно из классических произведений Маркса и Энгельса, она еще не опосредована самостоятельным изучением истории философии и великих философских систем. Это изучение пришло несколько позже.

3.

Из воспоминаний Н. К. Крупской и Ф. В. Ленгника мы знаем, что Ленин читал французских материалистов, Канта и Гегеля, в сибирской ссылке.

Опубликованные в IV Ленинском сборнике письма Ленина к Потресову подтверждают правильность воспоминаний тт. Крупской и Ленгника. Теперь становится очевидным, что именно в сибирской ссылке Ленин прошел серьезную философскую школу. В письме к А. Н. Потресову от 2 сентября 1898 г. он обращает внимание адресата на статью Н. Г. (Х. Житловского) «Материализм и диалектическая логика», помещенную в «Русском богатстве». «Преинтересно ведь, — пишет Ленин, — с отрицательной стороны. Я должен сознаться, что не компетентен в поднятых автором вопросах».

---

[1] П. Струве, На разные темы, стр. 5, СПБ, 1902.

Статья Х. Житловского была напечатана в июньской и июльской книжках «Русского богатства» за 1898 г. Основная мысль автора сводилась к тому, что материализм не совместим с диалектикой; основания в защиту диалектики в значительной мере возможны только на почве гегелевского идеализма и теряют всякий смысл на почве современных воззрений, не исключая и марксизма. По существу же Х. Житловский выступал как против материализма, так и против диалектики. С его точки зрения, диалектическая логика явилась в результате нескольких философских предпосылок, которые утратили теперь свое значение.

Нужно сказать, что новая статья народника делала известный шаг вперед по сравнению со статьями Михайловского 1894 г. Во всяком случае она свидетельствовала о большей философской эрудиции автора. Однако эта эрудиция причудливо сочеталась с невежеством и путаницей.

Для характеристики философского фона конца 90-х годов можно указать, что статья Х. Житловского не осталась без ответа. В «Научном обозрении» в декабрьской книжке за тот же 1898 г. появилась статья Н. Х. «Опровергнута ли диалектика?»[1]. Эта статья гораздо любопытнее и ценнее статьи Житловского.

В качестве философских предпосылок, притом несостоятельных, вызвавших к жизни диалектику, Житловский указывал на теоретико-познавательный дуализм, или учение о том, что рядом с обыденным мышлением мы имеем еще и необыденное, которое управляется совершенно другими законами, чем повседневная человеческая мысль. На это Н. Херсонский справедливо указывал, что различия в мыслительном процессе автор превращает в «двойственность организации» нашей мыслительной способности: рассудка и разума. Это различие автор понимает не в духе Гегеля, а как две внешние друг к другу деятельности. По Гегелю, нет дуализма рассудка и разума; первый момент — различие отдельных предметов, их формальное определение; второй момент — снятие формальных разграничений. Дуализм был бы, если бы диалектика начисто отрицала формальную логику, но этого на деле нет. Рассудок с его отвлеченными односторон-

[1] По утверждению В. И. Невского, с которым мы советовались, статья принадлежит Ник. Хрисанф. Херсонскому. Кстати сказать, эта статья осталась неизвестной автору примечаний к письмам Ленина Потресову (Ленинский сборник, IV), который, как на ответ на статью Житловского, указывает только на краткую заметку (М. Филиппова?) в августовской книжке «Научного обозрения».

ними определениями должен быть не отброшен, не уничтожен, а сохранен и превзойден в «разумном» мышлении. Более того, если диалектику свести только к второму моменту, то она превратится в метафизику.

Попутно Н. Херсонский давал удачное определение диалектики: «Диалектика — это логика, знающая, что ее твердые и неизменные при каждой логической операции формы (без этого она не могла бы составить ни одного суждения) движутся и пересоздаются в нашем уме, знающая, что на смену одних твердых норм и инертных устойчивых конструкций идут новые нормы, упраздняющие старые».

Второй предпосылкой диалектики Житловский считал учение о познаваемости сущности вещей. Херсонский опять-таки правильно указывал, что диалектика не есть следствие учения о познаваемости вещей в себе, напротив, это последнее учение вытекает из диалектики, поскольку сущность вещи не отрывается метафизически от явления, не противополагается ему, а понимается как «существенное явление» (явление же есть явленная сущность), как один из моментов единой вещи.

Третья предпосылка Житловского свидетельствовала о полной путанице у автора: предпосылкой диалектики является учение о тождестве мышления и бытия. Онтологический монизм-де дает возможность диалектикам перейти от логики к метафизике. По этому вопросу и у автора ответа Н. Херсонского была неправильная точка зрения. По существу дело заключается в том, что единство (а не тождество) бытия и мышления обусловливает диалектику. У диалектиков-материалистов «переход» совершается не от «логики» к «метафизике», а от бытия к мышлению. Диалектика бытия является предпосылкой диалектики мышления, или диалектической логики, и обусловливает ее. Беда Житловского заключалась в его скрытом и ошибочном постулате: диалектика и материальное бытие несовместимы.

Наконец, четвертой предпосылкой диалектики, по Житловскому, являлось реалистическое (в средневековом смысле) учение Гегеля о понятии. Теперь, через тридцать лет, можно сказать, что непонимание диалектики или неспособность ее понять приводит к одним и тем же плачевным результатам. Как народник Житловский, так и современные механисты, не понимая диалектического учения о конкретном понятии, обвиняют диалектиков в средневековом реализме. Н. Херсонский принужден был

раз'яснять: по Гегелю, понятие движется и переходит в свое противоположное, потому что самое определение односторонне и, взятое в отдельности, несостоятельно; согласно же псевдоинтерпретации Житловского, гегелевское понятие якобы дает начало нескольким более частным понятиям с меньшим об'емом и большим содержанием, потому что заключает в себе несовместимые признаки. По Гегелю, понятие переходит в свое противоположное, чтобы об'единиться с ним в более глубоком единстве; согласно же псевдоинтерпретации Житловского, происходит простой аналитический процесс: распадение понятия на несколько исключающих друг друга понятий.

Вскрывая свою идеологическую сущность, Житловский писал, что человеческий *дух может* проникнуть в тайны мирового духа, но неясно, что человеческий мозг *должен* знать, что происходит в других частях мировой материи. В ответ на это Херсонский иронизировал: почему дух «может» знать, а мозг «должен» знать, почему автор от мозга требует больше, чем от духа? «Ведь... «мировой дух», будучи властен открывать человеческому духу свои тайны, равным образом мог бы и скрывать их от него (и что тогда мог бы поделать бедный, слабый, обманутый дух человеческий?)».

С другой стороны, писал он: «В руках последовательного материалиста и самое знание превратилось бы в явление материальное, а в таком случае он мог бы опереться в своем утверждении познаваемости субстанции на положение, научно обоснованное, по которому каждая частица материи, где бы она ни находилась, действует на каждую другую частицу и, в свою очередь, со стороны этой другой также претерпевает некоторое действие» [1].

Коротко говоря, в этой полемике Х. Житловский показал, что он обладает некоторой формальной эрудицией, но абсолютно не способен понять диалектики и пребывает в путах идеалистического эклектизма с некоторым кантианским оттенком. Напротив, Н. Херсонский не только обнаружил эрудицию, но выявил себя как диалектик. Однако нужно заметить, что этот последний, признавая, что Маркс и Энгельс были не только «экономическими» материалистами, но и материалистами по всему своему мировоззрению, не усматривал в этом факте необходимости и, относясь

---

[1] «Научное обозрение», 1898, № 12, стр. 2045—2067.

к нему, как к исторической случайности, сам об'являл себя лишь «экономическим» материалистом.

Такова та философская полемика, которая привлекла внимание Ленина в ссылке, по крайней мере в отношении одного из авторов. Хотя он и писал Потресову: «я должен сознаться, что не компетентен в поднятых автором (Житловским) вопросах», но по всему видно («преинтересно ведь — с отрицательной стороны»), что автор «Друзей народа» и «Экономического содержания народничества» по достоинству оценил выступление Житловского.

Плеханов отозвался на статью Житловского значительно позже: только в 1905 году, в предисловии ко второму изданию «Людвига Фейербаха» Энгельса, он уделил «Н. Г.» страничку в связи с диалектическим решением проблемы движения [1].

В том же письме Ленин пишет: «Меня крайне удивляет, почему это автор «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников». Действительно, полемика между С. Булгаковым и П. Струве касалась не основных противоположений кантианства и марксизма, а лишь некоторых второстепенных вопросов внутри «марксизма», уже зараженного кантианством.

Строго говоря, ни того, ни другого нельзя было даже назвать ревизионистами, ибо они никогда не были последовательными марксистами. Мы знаем уже признания П. Струве 1900 г. о том, что он был у нас «пионером» критицизма. С. Булгаков, перепечатывая в 1903 году свои старые статьи, писал не менее откровенно: «В связи с полемикой против Штаммлера, а также и помимо нее я ставил себе более общую и широкую задачу, состоявшую в том, чтобы внести в марксизм прививку кантовского критицизма, подвести под него гносеологический фундамент, придав критическую формулировку основным его социологическим и экономическим учениям... Должен сознаться, что Кант всегда был для меня несомненнее Маркса, и я считал необходимым поверять Маркса Кантом, а не наоборот» [2].

[1] Впоследствии статья Житловского появилась отдельной брошюрой (1907).

[2] С. Булгаков, От марксизма к идеализму, СПБ 1903 г. стр. 11.

Вполне понятен поэтому весь тон и характер философской полемики двух кантианцев в марксизме по поводу некоторых положений третьего неокантианца — Р. Штаммлера.

В одной из статей Струве прямо присоединялся к словам Булгакова: «Мы оба одновременно — сторонники критической философии и материалистического понимания истории». Отсюда реверансы обоих перед Марксом и указания на необходимость восполнить «пробелы» марксизма, на необходимость его критического «обоснования».

В чем же спор? Штаммлер утверждает два «направления» сознания — познание и волю — и соответственно два единства представлений — причинность и целесообразность, одно для природы, другое для общества. С этим не согласен Булгаков: кантовское «единство трансцендентального сознания не выносит двух непримиримых и в то же время равноправных точек зрения». Это абсурдно. Булгаков склоняется к первому единству — причинности, но, конечно, понимает эту категорию как априорную категорию рассудка. Утверждая эту гносеологическую природу причинности, он как «марксист», переходя к учению об обществе, доказывает, что «связь между правом и хозяйством (вопреки мнению Штаммлера. — *И. Л.*) должна мыслиться не по категории целесообразности, а по категории причинности». Дальше все следует «как у Маркса»: «изменения права идут в причинной последовательности за изменениями хозяйства».

Таким образом в наиболее общей форме основная точка зрения Булгакова заключается в следующем: исходя из положения, что единство трансцендентального сознания есть основное условие возможности всякого опыта (основной принцип трансцендентального идеализма Канта) и что с признанием у Штаммлера возможности двух «направлений» сознания в понимании общественных явлений это единство нарушается, следует признать, что равнозначащее существование понятия и воли является гносеологически несостоятельным; при признании же единства сознания доказывается и единство космоса, и универсальное значение закона причинности, и единство закономерностей социальных явлений и явлений внешнего мира. Марксизм критически «обоснован», и истина материалистического, каузального понимания истории торжествует.

Однако с такой аргументацией в корне не согласен другой «марксист», П. Струве. Единство опыта не мирится, конечно, с

двоякой закономерностью, но С. Булгаков неправильно расширяет единство опыта до единства трансцендентального сознания Канта. Как раз в трансцендентальном сознании существуют непримиримые противоречия, которые сам Кант назвал «естественной антитетикой». Единство опыта не тождественно с единством трансцендентального сознания, которое в сущности есть единство «я» в смене восприятий и представлений. Тезис Булгакова о невозможности двух непримиримых и в то же время равноправных точек зрения должен быть заменен другим, ему противоположным: «в трансцендентальном сознании всегда налицо две непримиримые идеи: свобода и необходимость, соответствующие двум направлениям сознания: познанию и воле». Именно эта точка зрения гносеологически состоятельна. Но как же тогда быть с общественными явлениями, под какой категорией их рассматривать, под категорией причинности или целесообразности? Целесообразность, — писал Струве, — связывает средство и цель как следствие и причину. «Целесообразно то средство, которое по закону причинности, согласно данным опыта, необходимо должно привести к поставленной цели»[1].

Нужно сказать, что Струве был более прав в истолковании Канта и стоял ближе к истине в понимании отношения между причинностью и целесообразностью. Однако, и в этом суть, оба полемиста, как мы уже писали, рассматривали проблему причинности и целесообразности, необходимости и свободы исключительно в плоскости кантианской гносеологии. Как для того, так и для другого причинность по природе своей была априорна, и единство или антитетичность сознания были условиями единства или антитетичности бытия. Можно сказать, что по этому вопросу Струве больше приближался к диалектике, но к диалектике исключительно суб'ективной, идеалистической. Вместо того, чтобы отправляться от «антитетики», от противоречивости бытия

[1] Первая статья С. Булгакова «О закономерности социальных явлений» была напечатана в «Вопросах философии и психологии», 1896, кн. V (35) и перепечатана им же в сборнике «От марксизма к идеализму», СПБ, 1903, стр. 1—34. Ответная статья П. Струве «Свобода и историческая необходимость» появилась в том же журнале, 1897, кн. 1 (37); статья эта перепечатана в сборнике «На разные темы», СПБ, 1902, стр. 487—507. Булгаков отвечал статьей «Закон причинности и свобода человеческих действий» в журнале «Новое слово», 1897, апрель (перепечатана в том же сборнике «От марксизма к идеализму», стр. 35—52). Последняя статья — ответ Струве «Еще о свободе и необходимости» появилась там же.

и в этом видеть основание антитетики сознания, вместо об'ективно материалистического исходного пункта, он пребывал целиком на почве критической метафизики Канта. Поэтому-то и его аргументация нисколько не «обосновывала» материалистического понимания истории.

Ленин видел все это и, не чувствуя себя еще достаточно подготовленным к чисто философской полемике, «крайне удивлялся», почему Плеханов, написавший к тому времени свои «Очерки по истории материализма», не высказывался против С. Булгакова и П. Струве[1].

Все в том же письме от 2 сентября 1898 г. Ленин указывает, что его живо интересует полемика Плеханова с Бернштейном и Конрадом Шмидтом в «Neue Zeit». Он спрашивает Потресова о том номере теоретического органа германской социал-демократии, в котором была напечатана статья Плеханова «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля».

В письме от 27 апреля 1899 г. он вновь возвращается к тогдашним неокантианцам в марксизме — Струве и Булгакову. Увлечение их «новой критической струей» в марксизме представляется ему крайне подозрительным. Он считает, что у этих авторов налицо «громкие фразы о «критике» против «догмы» и пр. — и ровно никаких положительных результатов критики».

Действительно, занесенная с Запада «критическая струя» в молодом русском марксизме становилась в то время опасным идеологическим явлением. Ленин принимает близко к сердцу эту опасность. В письме к тому же Потресову от 27 июня 1899 г. он снова пишет, что приходит все в большее и большее возмущение от «сногсшибательных открытий русских учеников и их нео-

---

[1] Позже, в 1908 г., Плеханов рассказывал об этом так: «Я помню, как Ленин, увидевшись со мной летом 1900 года, спрашивал меня, почему я оставил эту статью («Свобода и историческая необходимость» Струве) без внимания. Мой ответ Ленину был очень прост: «Мысли, высказанные г. Струве в статье «О свободе и необходимости», были заранее опровергнуты мной в книжке «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Тому, кто прочел и понял мою книгу, должно было быть ясно, в чем заключалась новая ошибка автора «Критических заметок». С теми же, которые моей книги не прочитали или не поняли, мне толковать было некогда... Далеко ушел бы я вперед в теории, если б я «отзывался» на все то, на что у меня требовали и требуют «отзыва» («Materialismus militans», письмо первое. Соч., т. XVII, стр. 7). Ответ несколько высокомерный и обнаруживающий яркое различие между зрелым Плехановым и молодым Лениным.

кантианства». Он вновь перечитывает «Очерки по истории материализма» Плеханова, читает его статьи против Бернштейна и К. Шмидта, читает «восхваленного нашими кантианцами» Р. Штаммлера («Хозяйство и право») и приходит от последнего в решительное возмущение. Приняв в споре материализма с неокантианством сторону Плеханова, он отказывается видеть у Штаммлера «хоть намек на что-либо свежее, содержательное, сплошная erkenntnistheoretische Scholastik».

Прочитав и изучив все эти материалы, Ленин приходит к выводу, «что с неокантианством необходимо посчитаться серьезно». Однако он сознает еще «свою философскую необразованность» и не собирается писать сам на эти темы, «пока не подучится».

Он допускает только беглые «вылазки»; так, в статье «Еще к вопросу о теории реализации» он писал, что те ученики Маркса, которые взывают: «назад к Канту!», «не дали до сих пор ровно ничего, что доказывало бы необходимость такого поворота». Они не опровергли отрицательной оценки, какую дал Канту Энгельс. Напротив, те ученики, которые «пошли назад» к философскому материализму и диалектическому идеализму, «дали замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма». Здесь же Ленин указывает, кого он имеет в виду — Бельтова «Монистический взгляд» и «Очерки по истории материализма» на немецком языке, т. е. того же Плеханова.

Сам он был занят в это время изучением классической философии по первоисточникам: «Теперь именно этим и занимаюсь, начав с Гольбаха и Гельвеция и собираясь перейти к Канту. Главнейшие сочинения главнейших классиков философии я достал, но неокантианских книг не имею (выписал только Ланге). Сообщите, пожалуйста, нет ли их у вас и ваших товарищей и не могли бы вы поделиться ими» [1].

Таким образом при изучении философии Ленин идет по исторической столбовой дороге диалектического материализма. Он начинает с французских материалистов XVIII века и от них переходит к классическому немецкому идеализму с его отрицательными (идеализм) и положительными (диалектика) сторонами. Нетрудно видеть, что в этом плане своей философской учебы Ленин следует плану основных историко-философских работ Плеханова: «К во-

[1] IV Ленинский сборник, 1925, стр. 9.

просу о развитии монистического взгляда на историю» и «Очерки по истории материализма».

Итак, именно к концу этого периода (1897—1900) Ленин оказался уже вполне философски сформировавшимся материалистом-ортодоксом. Он был уже не только социал-демократом, историческим материалистом, но и материалистом-эрудитом в общефилософских вопросах; он прекрасно понимал, что научный социализм не может быть соединен ни с какой другой философией, кроме диалектического материализма. «Критическая струя» Струве, Булгакова и им подобных в молодом русском марксизме самого конца XIX века уже встретила в его лице отрицательное отношение.

4.

Книга А. Богданова об «Историческом взгляде на природу» (1899) также привлекла внимание Ленина еще в ссылке. Эта книга обнаружила, что автор находится под влиянием энергетиста В. Оствальда. Как правильно пишет Ленин, «для Богданова эта позиция была лишь переходом к другим философским взглядам», именно к взглядам эмпириокритиков Маха и Авенариуса.

Л. И. Аксельрод говорит, что в самом начале XX столетия, ознакомившись с эмпириомонистическими работами А. Богданова и по справедливости усмотрев в них отход от философского материализма и в то же время желание автора остаться историческим материалистом, Ленин квалифицировал точку зрения автора как «новую разновидность буржуазно-«критических» стремлений». Будучи сам занят всецело партийными делами, он обращался к Г. В. Плеханову и к Л. И. Аксельрод с предложением выступить против новой «критики» марксизма, что последняя и сделала в 1904 году[1].

Но Ленин, видно, и сам не отбросил мысли подвергнуть рассмотрению новую «критику». Однако время судило иначе. Настал 1904 год, канун первой революции. Ленин и Богданов, тоже в то время большевик, заключили «молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок», в целях дружного проведения в революции тактики большевизма.

---

[1] Л. Аксельрод-Ортодокс, Философские очерки, СПБ, 1906, стр. 171, «Новая разновидность ревизионизма».

Летом 1906 года Ленин прочел третий выпуск «Эмпириомонизма» А. Богданова. «Прочитав, — пишет Ленин, — озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, немарксистским»[1]. Тогда Ленин написал Богданову «об'яснение в любви», — как он выражается, — «письмецо по философии в размере трех тетрадок». Таким образом это было первым философским выступлением Ленина, причем дебют, надо полагать, был полемическим. К сожалению, тетрадки эти до сих пор не опубликованы.

Политические соображения, — нежелание демонстрировать разногласия хотя бы и по философским вопросам в среде большевиков, — заставляли Ленина некоторое время воздерживаться от публичного выступления против русского махиста. Однако в 1908 году Ленин принужден был вернуться к осуществлению своего намерения. Ближайшим и последним толчком послужил целый дождь книг, принадлежавших перу так или иначе связанных с социал-демократией философских ревизионистов[2]. Оставить их без ответа Ленин не мог.

Эти книги знаменовали собой генеральный поход русских махистов. Но походу этому предшествовал период собирания сил. Если, как уже можно было заметить, начало русского махизма в марксизме относится к самым первым годам XX столетия, если в самую революцию ни марксистам, ни махистам (независимо от того, к какой фракции — большевиков или меньшевиков — они принадлежали) было не до философии, то как только схлынула революционная волна и началась реакция, махизм стал довольно широко распространяться среди русской социал-демократии.

Революция окончательно оттолкнула в идеалистический лагерь тех буржуазных интеллигентов, которые в конце девяностых годов либо заигрывали с марксизмом, либо частично принимали его. Буржуазная критика марксизма, и в особенности его материализма, проводилась по всему фронту. Реакционная полоса добавила к этому еще мистические и богоискательские тенденции. Все эти умонастроения питались невидимыми соками мелкой буржуазии, мещанства.

---

[1] I Ленинский сборник, стр. 91

[2] «Очерки по философии марксизма» Базарова, Богданова, Бермана, Юшкевича и др., СПБ, 1908; «Материализм и критический реализм» Юшкевича, СПБ, 1908; «Диалектика с точки зрения современной теории познания» Бермана, М., 1908; «Философские построения марксизма» Валентинова, М., 1908.

Часть социал-демократии, сама того не сознавая, подпала под большее или меньшее влияние этих умонастроений. Это сказалось прежде всего в отходе от материализма. На сцену была выдвинута старая, изрядно уже потрепанная концепция: исторический материализм есть истина, но марксизму в целом нехватает теоретико-познавательного, вообще философского, обоснования. Философским обоснованием кантианство служить не может. Интуитивистское направление идеализма, которое овладело буржуазной и дворянской интеллигенцией, также не может служить обоснованием марксизма. Таковое должно быть найдено в позитивной философии, поскольку сам марксизм есть глубоко позитивное направление. Материализм несостоятелен, это — метафизическое учение. Если Маркс и Энгельс и были (или называли себя) материалистами, то это об'ясняется исторически — вполне понятной реакцией против гегелевского идеализма. Самая антитеза материализма и идеализма метафизична и устарела.

Какова же та «позитивная» философия, которая фактически должна была притти на смену диалектическому материализму? Это — философия опыта, притом критического, философия живого опыта. Отсюда и различные варианты внутри одного и того же существа: эмпириокритицизм, эмпириомонизм, эмпириосимволизм, общими родоначальниками которых в новое время были Мах и Авенариус, в качестве своих философских предков имевшие чистого сенсуалиста и суб'ективного идеалиста Беркли и феноменалиста и скептика Юма. Картина представляется такая: Мах и Авенариус вытесняют не только материализм, но и диалектику.

Но к этому уродливому явлению присоединяется и другое. Диалектический материализм атеистичен по самому существу своему: материализм неразрывно связан с атеизмом. С отходом от материализма об'ективно создаются предпосылки и отказа от атеизма. Но что означает отказ от атеизма в XX столетии и притом, как-никак, в лагере социал-демократии? Этот отказ не может означать принятия какой-либо конкретной религии, какого-либо определенного церковного вероисповедания. К этому последнему обращается дворянская интеллигенция в лице Бердяева, в ортодоксальном православии находящая свое успокоение после марксистского грехопадения юности. Более критически настроенная буржуазная интеллигенция «ищет» бога, она занята богоискательством. Социал-демократии, исповедующей, с одной стороны, «по-

зитивную» философию феноменального опыта, а с другой стороны, еще пытающейся удержать позиции материалистического понимания истории, такое занятие не пристало. Искать можно то, что уже лежит, а это обстоятельство в отношении бога требует еще доказательства, требует в свою очередь обоснования. Бога следует не искать, а строить. Обоснование, стало быть, приходит в богостроительстве.

Таким образом к 1907 г. в социал-демократическом лагере начинается подлинное брожение. Одни оспаривают материализм, другие — диалектику, третьи, присоединяясь к первым и вторым, дополняют их работу конструированием если не непосредственно бога, то социал-демократической религии.

Правда, против этого ревизионистского лагеря выступает ряд ортодоксальных марксистов: Г. Плеханов, А. Деборин, Л. Аксельрод. Один из них, А. Деборин, рассказывает следующее: «В конце 1907 и первой половине 1908 г. в эмигрантских колониях — особенно в Женеве, но отчасти и в Берне — читаются доклады и устраиваются публичные диспуты между махистами и материалистами при огромном стечении местной и даже приезжей социал-демократической публики. Осенью 1908 г. Луначарский выступил в Женеве с рефератом, на котором Дубровинский (один из членов редакции «Пролетария») выступил, по предложению Ленина, против реферата... Мой (т. е. А. Деборина. — *И. Л.*) реферат в той же Женеве явился, если память мне не изменяет, ответом на это выступление т. Луначарского. На моем реферате от материалистов выступал Плеханов, а со стороны махистов — Богданов и Луначарский. Ленина в это время в Женеве не было» [1].

Кстати сказать, Ленин лично составил для Дубровинского перечень вопросов, которые тот в развернутой форме должен был задать референту [2].

Эти заданные в упор вопросы должны были поставить все точки над i. Большинство вопросов было составлено таким образом, что на них должны были последовать отрицательные ответы референта; вместе с тем эти отрицательные ответы должны были воочию показывать отход референта и его единомышленников от марксизма.

---

[1] А. Деборин, К истории «Материализма и эмпириокритицизма», «Под знаменем марксизма», 1927, № 1.

[2] «Десять вопросов референту» опубликованы в III Ленинском сборнике, стр. 532.

В то же время развивалась и литературная полемика. Плеханов выступил против А. Богданова с двумя открытыми письмами-статьями «Materialismus militans» («Голос социал-демократа», № 6—7 и № 8—9, с мая по сентябрь 1908 г.). Богданов ответил на них брошюрой «Приключения одной философской школы» (СПБ, 1908 г.). Третья статья Плеханова появилась позже, только в 1910 г., в сборнике «От обороны к нападению».

Такова была обстановка на марксистском философском фронте, достигшая своего апогея в 1908 году. В этом году, именно в связи с выходом в самом начале года махистских «Очерков по философии марксизма», Ленин усиленно занимался философией. Свою книгу он писал упорно на протяжении нескольких месяцев. Закончена она была осенью 1908 г., а вышла в свет весной 1909 года.

Личные переживания Ленина во время подготовки «Материализма» чрезвычайно характерны. Они показывают, как близко принимал он судьбы диалектического материализма, как остро чувствовал отход некоторых большевиков от этих позиций. Но если Сократ был другом, то истина была дороже Сократа.

В цитированном уже письме к Горькому он писал: «Теперь вышли «Очерки по философии марксизма». Я прочел все статьи, кроме суворовской (ее читаю), и с каждой строкой прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонисты, эмпириосимволисты в болото. Уверять читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедывать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм), учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию высших человеческих потенций» (Луначарский), об'являть мистикой энгельсовское учение о диалектике (Берман), черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов», — агностиков или метафизиков, чорт их поберет, с «символической теорией познания» (Юшкевич), нет это уже чересчур».

В этой искренней эмоциональной тираде заключается уже как бы конспект всей будущей книги. Оценка, которую дает здесь Ленин каждому из авторов «Очерков», сохраняется и в «Материализме».

Характерно, что Ленин свою критику философии русских махистов не хотел связывать со страницами издававшегося в то

время «Пролетария». Напротив, он возражал против организации партийного журнала с философским отделом, в котором неминуемо должна была разразиться философская «драка» между ним и авторами «Очерков». А к «драке» этой он готовился усиленно.

16 марта 1908 г. он пишет Горькому: «Из-за философии этой с Ал. Ал. (Богдановым) мы вроде как в ссоре. Газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра — другого — и матерными» [1]. Философское выступление, таким образом, расценивалось в условиях момента так, что ради него можно было «неглижировать» партийной газетой.

С другой стороны, это выступление требовало углубленных философских разысканий, необходимо было установить философскую родословную авторов «Очерков», а для этого приходилось обращаться к классикам чистого сенсуализма — Беркли и Юму. Из воспоминаний лиц, близко стоявших в то время к Ленину, мы знаем, что он засел на несколько месяцев в библиотеку и специально ездил в Лондон в Британский музей именно для того, чтобы проследить первоисточники своих противников, а также взять их в философско-идеалистическом окружении.

В одном из писем к Горькому мы находим отзвуки и этой работы Ленина. Об'ясняя причины того «шума», какой он не мог не поднять по поводу соединения марксизма с эмпириокритической философией, он пишет: «Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и вреде известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шума, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К°), что книга их нелепая, вредная, филистерская, поповская вся, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов всецело прав против них по существу, только не умеет или не хочет, или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало

---

[1] I Ленинский сборник, стр. 97. В одном из апрельских писем Ленин признается: «Я еще никогда так не неглижировал своей газетой: читаю по целым дням распроклятых махистов, а статьи в газету пишу неимоверно наскоро».

скажу это по-своему»[1]. И Ленин сказал свое слово в вышедшей вскоре книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Это «по-своему» означало страстность и резкость полемики. Та страстность, с которой Ленин готовился к своей книге, та страстность, которая окрашивает эту книгу, осталась непонятной для многих русских социал-демократов. Исключения не составлял и М. Горький. Уже спустя некоторое время после выхода книги в свет выразил свое недоумение по этому поводу А. Потресов. Ленину пришлось таким образом и post factum раз'яснять смысл своего выступления и об'ективные причины, вызвавшие этот его шаг.

Противники Ленина не понимали «живой реальной связи между философским спором и марксистским течением» русского революционного движения. То, что было азбучной истиной в глазах Ленина, то требовало раз'яснений для этих людей. И Ленин, по ироническому его выражению, почтительнейше указывает им по пунктам на ряд обстоятельств и соображений. Если бы «марксистское общественно-политическое течение», — т. е. на легальном языке, революционное рабочее движение, — не было связано живой связью с диалектическим материализмом, то оно было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением.

Далее Ленин выдвигает глубокие, так сказать, социологические основания философского спора в марксизме. «При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что и в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма». Например, в Германии накануне революции 1848 года имело место философское формирование марксизма; самый 1848 год выдвинул политическую сторону марксизма; следующий исторический этап, 50-е и 60-е годы, — экономическую его сторону.

В России наблюдался обратный процесс: до революции на первом плане стояло применение экономического учения Маркса к российской социальной действительности; во время революции, само собою разумеется, — политическое учение марксизма и, наконец, после революции — его философская сторона. «Это не значит, — добавляет Ленин, — что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только,

[1] I Ленинский сборник, стр. 98. Имеются в виду письма Плеханова против Богданова — «Materialismus militans».

что не от суб'ективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит преобладание интереса к той или другой стороне»[1].

Время общественной и политической реакции, неизбежно связанное с эмиграцией части революционеров, с их в известном смысле «досугом», об'ективно является тем временем, когда «перевариваются «уроки революции», когда основные теоретические и в том числе философские вопросы для всякого живого направления выдвигаются на одно из первых мест».

Развитие русского революционного движения в силу исторических условий оказалось лишенным той философской традиции, какая, по крайней мере исторически, имелась у французов и у немцев, в лице материализма XVIII века у первых и классической философии от Канта через Гегеля к Фейербаху — у вторых. Философская «разборка», по выражению Ленина, в России запоздала; тем более неизбежной и необходимой являлась она после революции 1905 года, в которой русский рабочий класс показал себя вполне созревшим для самостоятельной исторической роли.

Но русская «философская разборка» вовсе не имела узкого национального значения. Хронологически позднее выступление сыграло и положительную международную роль. Последние десятилетия поставили, например, в области физики ряд вопросов, имеющих и философское значение. Часть естествоиспытателей свихнулась в идеализм. С этими вопросами должен был «сладить» диалектический материализм. Подоспевшая русская «философская разборка» и принялась за это дело. «Европа, — говорит Ленин, — дала материал для освежения философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908 — 1910 гг. особенно «жадно» бросилась на этот материал».

Таким образом Ленин социологически обосновывает свое философское выступление. Марксистский метод в руках Ленина позволил ему не только разобрать по косточкам философский ревизионизм в марксизме (логический момент), но и подвести социальный базис под этот самый анализ (исторический момент), представив его как необходимое и причинно-обусловленное социальное явление.

Свое выступление Ленин охарактеризовал как «товарищескую войну». «Мы воюем, — писал он, — пока еще есть почва для това-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2. «Наши упразднители», стр. 207.

рицеской войны». Если бы эта почва исчезла, если бы авторы открыто заявили себя идеалистами, для Ленина пропал бы весь смысл литературно-философского выступления, во всяком случае форма его была бы в корне иной. Но в данном случае философские ревизионисты заявляли о том, что они выступают также под знаменем марксизма и лишь хотят заменить несколько устаревшие части этого здания новым материалом, улучшить и достроить здание в целом. Самое название их главного коллективного труда «Очерки по философии марксизма» знаменовало поход на марксизм изнутри самого марксизма, поход против основных философских устоев марксизма. Уже в предисловии к своей книге Ленин давал оценку такому выступлению: «На деле — полное отречение от диалектического материализма, т. е. от марксизма. На словах — бесконечные увертки, попытки обойти суть вопроса, прикрыть свое отступление, поставить на место материализма вообще когонибудь одного из материалистов, решительный отказ от прямого разбора бесчисленных материалистических заявлений Маркса и Энгельса. Это — настоящий «бунт на коленях».

Против этого-то «бунта на коленях» и восстал Ленин. Критика определенных авторов, связанных во всяком случае у истоков своего мировоззрения одними и теми же философскими предпосылками, несомненно, ставила определенные рамки ответной работе Ленина. В своей книге он не развивал в положительной форме принципов диалектического материализма, но излагал их в форме отрицательной критики философских ревизионистов марксизма. Полемическая задача определяла метод и характер построения книги Ленина. Для каждого из основных положений ревизионистов он находит корни в идеалистической философской литературе Запада и, вскрыв таким образом их идеалистический антимарксистский характер, противополагает кратко материалистические тезисы, черпая их не только у Маркса и Энгельса, но и у таких материалистов, как Дидро, Фейербах, Иосиф Дицген, Плеханов. Иногда, в случае если в прежней материалистической литературе отсутствуют данные по тем или иным вопросам, выдвинутым ревизионистами марксизма, Ленин сам, исходя из принципов диалектического материализма, дает свое решение вопроса. В подобных случаях мы имеем, несомненно, *дальнейшее раскрытие и развитие философии марксизма*. Проделав на протяжении нескольких сот страниц такую подчас весьма кропотливую работу, Ленин правильно переименовывает

«Очерки по философии марксизма» в «Очерки против философии марксизма».

По принятому обыкновению философское содержание книги Ленина мы рассмотрим в систематической части нашей работы. Но, предполагая у читателя уже знакомство с этой книгой, мы считаем необходимым здесь же подробно остановиться на том приеме, который встретила она при своем появлении. Это позволит увидеть тот философский фон, на котором приходилось действовать Ленину, выделить, дабы более к ним не возвращаться, основные взгляды махистов и, наконец, — что мы считаем совершенно необходимым в историческом эскизе, — еще более полно представить историю основного философского труда Ленина, как он преломлялся в критических возражениях и отзывах.

5.

Эти отклики, возражения и отзывы, являясь в наши дни, не в пример самой книге, достоянием только истории, интересны при условии их взаимного сопоставления и изучения. Сопоставления показывают подчас любопытнейший переплет мыслей критиков Ленина, принадлежащих к различным философским лагерям. Оказывается, например, что критик из буржуазного лагеря, отнюдь «не запятнанный» ни с какой стороны марксизмом, сумел в своей общей оценке книги быть более об'ективным, чем критик, считающий себя марксистом. Оказывается, далее, что у некоторых ортодоксов имелись весьма существенные точки соприкосновения с ревизионистами, против которых выступал Ленин.

Прежде всего необходимо отметить, что при нашей бедности по части философской литературы появление «Материализма» прошло далеко не бесследно. Откликнулись не только те, против которых непосредственно была направлена книга, но и марксисты плехановской, как тогда говорили, школы, и философы из буржуазного лагеря. «Материализм» вызвал критику и в книгах, и в журналах, и в газетах. Эти направления исчерпывают в основном линии возможной критической литературы.

Наш обзор удобнее всего начать с самого дальнего конца — с рецензий, принадлежавших перу буржуазного толка идеалистов. Нам известны две таких рецензии: М. Булгакова в «Критическом обозрении», в сентябрьском (V) выпуске за 1909 год (вместе с ре-

цензией на первый выпуск «Очерков философии коллективизма»), и Ив. Ил-на в «Русских ведомостях» № 222 от 29 сентября 1909 года[1].

Общий характер и тон этих рецензий легко предвидеть. Авторы относятся к Ленину несколько свысока и во всяком случае как к профану в философии. Конечно, те, для которых философия вообще равнозначна идеализму, не могли найти в отношении автора «Материализма» иного тона. Обоих шокирует ленинская «партийность» в философии, партийная квалификация того или иного философского направления. Ил-н пишет об упрощении у Ленина идей Авенариуса и об их вульгаризации. Он требует другого отношения к философии. «При таком (т. е. другом, не-ленинском. — *И. Л.*) отношении выводы могли бы получиться иные и во всяком случае представляли бы не чисто суб'ективный или партийный интерес». Вульгаризацию вопроса Ил-н усматривает, между прочим, в полемическом стиле Ленина, его «литературной развязности и некорректности».

Эти два момента — страстность полемики и партийную точку зрения — одновременно ставит в упрек Ленину и М. Булгаков: «Неприятную сторону книги г. Ильина (т. е. Ленина. — *И. Л.*), кроме многочисленных ругательств, представляет рассмотрение вопросов не только и не столько по существу, сколько с точки зрения, так сказать, социал-демократической благонадежности». Ирония М. Булгакова насчет «социал-демократической благонадежности» опять-таки понятна в устах махрового идеалиста, для которого материалистическая философия есть вообще quantité négligeable, а теория и практика социал-демократии — нечто бессмысленное, утопическое и забавное, к чему можно относиться лишь с презрением.

Для обоих остается абсолютно непонятным, что философия есть столь же земное порождение, в классовом обществе классовое по своему существу, как и другие виды идеологий, как и вся социальная надстройка, что при анализе того или иного философского направления классовая и партийная точка зрения столь же необходима, сколь и об'ективно неизбежна, что, наконец, спор ортодоксов с махистами есть спор внутри социал-демократии.

---

[1] Рецензию Ив. Ил-на, в котором нетрудно угадать И. А. Ильина, нам любезно указал т. А. Я. Троицкий.

И если, по Ил-ну, книга Ленина представляет лишь партийный интерес, то, во-первых, это не совсем верно, а во-вторых, она и не была рассчитана автором для читателей, напр., мистиков, интуитивистов, неокантианцев, а обращалась прежде всего к марксистским и около-марксистским кругам.

С этим связаны два упрека, которые делал Ил-н по существу книги. «Признание учения Авенариуса, — пишет он, — за идеалистическое, материалистическое или смешанное зависит от тех двух посылок, которых автор не дает в своем сочинении: в первой посылке должно содержаться развитое определение материализма вообще и его разновидностей, во второй — должна быть дана добытая внимательным и отнюдь не вульгаризирующим исследованием формулировка наиболее существенных и центральных в этом отношении пунктов эмпириокритического учения, и прежде всего вопроса об отношении элементов E в системе C».

В отношении первого упрека Ил-н абсолютно неправ, ибо Ленин, как известно, неоднократно давал определения материализма, перечислял признаки материалистической точки зрения, наконец разграничивал материализм Маркса и Энгельса, материализм Фейербаха, старый материализм XVIII века, указывал на особенности материализма Дицгена, останавливался на материалистических моментах Э. Геккеля и т. д.

Что касается второго упрека, то, во-первых, в задачу Ленина не входил детальный анализ философии Маха и Авенариуса, а во-вторых, он брал у них лишь те моменты (и многократно их подчеркивал), которые свидетельствовали об их идеализме. В этом отношении характерно и показательно мнение другого буржуазного критика, М. Булгакова, более об'ективного, чем Ил-н. В то время как для Ил-на ленинская квалификация эмпириокритиков и примыкающих к ним авторов как идеалистов недоказательна, М. Булгаков прямо писал: «г. Богданов, эмпириомонизм которого, несомненно, представляет идеалистическую систему...» В отношении Маха и Авенариуса М. Булгаков писал более осторожно, но тоже достаточно ясно и недвусмысленно: «В общем отрицание реальности (у Ленина речь шла, конечно, не о расплывчатой «реальности», а о признании внешнего материального мира. — *И. Л.*) нельзя приписывать эмпириокритицизму, хотя к этому дают повод отдельные части воззрений Авенариуса (в особенности некоторые замечания в первом его труде «Философия как мышление о мире по принципу наименьшей меры

сил» и так называемая эмпириокритическая принципиальная координация), а также обмолвки Маха. Все это широко использовано г. Ильиным». Итак, немарксист и далеко нематериалист М. Булгаков согласен с тем, что Мах, Авенариус и Богданов идеалисты; он же писал об «Очерках философии коллективизма», что статьи Базарова и Луначарского «мало характерны для марксизма».

Вообще рецензия М. Булгакова гораздо интереснее и содержательнее пустой заметки Ил-на. Он, как увидим дальше, гораздо об'ективнее марксистов, писавших о «Материализме». Так, например, он писал: «Книга г. Ильина выгодно отличается от «Очерков философии коллективизма» хорошим языком, ясностью и толковостью изложения»; он не мог только простить автору «ругательств по адресу неугодных философов». Что и говорить, «Материализм» в этом отношении сильно отличается от академических диссертаций! Но он только продолжает традиции Энгельса и Плеханова. Партийная, хотя бы и философская, полемика не может не быть резкой и страстной. Далее, с точки зрения М. Булгакова, ленинская «критика эмпириокритицизма или, точнее, его сводка замечаний немецких, французских и английских критиков представляет несомненный интерес».

С М. Булгаковым случилось то, что происходит часто с недостаточно вдумчивыми критиками марксизма: материализм они представляют себе непременно как вульгарный, метафизический материализм и потому, встретившись с материализмом диалектическим, становятся втупик. Все богатство диалектики остается для них за семью печатями, они видят только то, что диалектический материализм не является тем чортом, которого они предварительно намалевали себе.

Излагая позицию Ленина следующими словами: «Без нас существующий мир и есть вещь в себе, которая об'ективно реальна, вполне познаваема, посюстороння, ничем принципиально не отличается от явлений», М. Булгаков заключает: «Эти положения обыденного мышления г. Ильин упорно называет, вслед за Энгельсом, материализмом, хотя они обычно характеризуются термином реализма, материализмом же называются более спорные положения, — что подлинная сущность действительности и в том числе психических явлений материальна». Оставляя в стороне недостаточную четкость формулировок, скажем, что для М. Булгакова всякий материалист обязательно должен

измерять мысль аршином и взвешивать ее на фунты. В таком случае, действительно, расправиться с материализмом не составляло бы большого труда.

Что касается термина «реализм», то давно известна его расплывчатость, и потому марксисты охотно дарят его хотя бы махистам, оставаясь сами диалектическими материалистами. Наконец, отождествление марксизма с обыденным мышлением совершенно не выдерживает критики, ибо их единственная точка соприкосновения заключается в признании об'ективного существования материальной действительности. Но что же делать, если «обыденное мышление» в этом пункте не расходится с мышлением научным?

Часть возражений М. Булгакова основана на недоразумении. Так, например, выписав ленинскую характеристику агностика: «не знаю, есть ли об'ективная реальность, изображаемая нашими ощущениями, об'являю невозможным знать это», М. Булгаков заявляет, что агностицизм не отрицает об'ективной реальности; он «отрицает только возможность познания подлинной действительности, вещи в себе». Нетрудно видеть, что у Ленина логическое ударение лежит на словах, подчеркнутых нами разрядкой, что слова агностика: «об'являю невозможным знать это» — и означают: об'являю невозможным знать, изображают ли наши ощущения и представления об'ективную реальность, т. е. «подлинную действительность»; это ясно в особенности из критического изложения Лениным точки зрения агностика типа Юма в главе II, § 1, «Материализма» [1]: «можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм)».

Таков был прием книги Ленина со стороны буржуазно-идеалистической критики.

6.

Из русских махистов на книгу Ленина откликнулись трое, против которых главным образом и выступал Ленин. А. Богданов возражал Ленину в большой статье «Вера и наука» [2], П. Юшке-

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 80.

[2] А. Богданов, Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии), «Вера и наука» (О книге г. В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»), М., 1910.

вич — в бойко написанном памфлете «Прикажут — и стану акушером, или г. В. Ильин на страже материализма» [1] и, наконец, В. Базаров в предисловии к сборнику своих статей «На два фронта» [2].

Самое заглавие статьи Богданова взывало о том, что в противоположность «научной» точке зрения автора позиция Ленина есть «вера». С ним солидаризировался Юшкевич, говоривший о «марксистской теократии» и требовавший «разрушить китайскую стену предрассудков, открыть доступ чужим идеям, усвоить все завоевания культуры, признать свободу мнений». Это означало новое подчеркивание того принципа, под знаком которого оформились «Очерки по философии марксизма», а после выступлений Ленина и Плеханова — и окончательный и формальный отход от философии марксизма.

Согласно выставленной в заглавии статьи антитезе Богданов и построил свою критику. Ленин, видите ли, как и подобает верующему, намерен был в своей книге открыть «истину абсолютную, вечную». В этом своем стремлении он повторяет Н. Бердяева, который раньше уже утверждал абсолютную истину, абсолютное добро, абсолютную красоту. Наука же, персонифицированная в Богданове, заявляет, что абсолютных истин нет. Утверждение, что «Наполеон умер 5 мая 1821 года», не есть абсолютная истина, так как-де: 1) приходится верить нескольким свидетелям, 2) точно определить момент смерти пока невозможно, 3) календарь есть вообще вещь условная.

Однако страшен сон, да милостив логический бог. Во-первых, вообще нелепо говорить, что Ленин полагал в своей книге вечную, абсолютную истину. Он лишь теоретически намечал в ней единственно научное соотношение абсолютного и относительного, — соотношение, базирующееся на материалистической диалектике. Во-вторых, в своей критике Богданов, гордый заблуждением, что ему удалось выйти за пределы ограниченных понятий материи и духа, умышленно подменил материализм Ленина идеализмом Бердяева. В самом деле, абсолюты Бердяева: добро, красота, истина в бердяевском смысле слова, есть идеалистические абсолюты, ни от чего не зависимые, безусловные, внепространственные, вечные в смысле вневременности основания вещей,

---

[1] П. Юшкевич, Столпы философской ортодоксии, СПБ, 1910.

[2] В. Базаров, На два фронта, СПБ, 1910.

à la «в-себе-бытие» Платона, абсолютное «Я» Фихте или «тождество» Шеллинга. Абсолютное Ленина не имеет с ними ничего общего, оно прежде всего материально, пространственно и вечно в смысле бесконечности во времени. Уже у Спинозы абсолютной была природа. Для Ленина же, как для диалектического материалиста, абсолютное есть диалектически развивающаяся вселенная, движущаяся материя, которая раскрывается нам в процессе познания. Для Богданова абсолют есть только идеалистический абсолют, к которому ему как человеку «науки» нет доступа. Абсолютное же в материалистическом смысле, очевидно, не исключает относительного, условного, единичного, временного, не отгорожено от них, ибо пребывает не вне их, а в них, поскольку само составляется из их совокупности. Это абсолютное, очевидно, об'ективно, поскольку слагается из частных об'ективностей.

Идеалист Богданов не может этого признать, как не может он признать и об'ективной истины. Для него «всякая истина слагается из п о н я т и й», в то время как на деле истина слагается из соответствия наших представлений и понятий вне нас существующим материальным вещам и отношениям, процессам между ними.

В-третьих, софистикой является подмена общетеоретической проблемы абсолютного теми вечными истинами, по поводу которых шутил еще Энгельс. Рассуждения Богданова об определении момента смерти фигурируют и у самого Энгельса, на позициях которого стоит и Ленин. Об утверждении «Наполеон умер 5 мая 1821 года» Ленин говорит как об абсолютной и вечной истине ч а с т н о г о х а р а к т е р а. Софистические разговоры Богданова насчет разнообразия календарей и условности эры нисколько не помогают делу, ибо суть в том, что, — если по грегорианскому календарю Наполеон умер 5 мая, а по юлианскому 23 апреля, — то п р и о д н о м о п р е д е л е н н о м и с ч и с л е н и и в р е м е н и он не мог умереть и 5 мая и 23 апреля. Эта истина есть абсолютная истина в том смысле, что она не может быть опровергнута в будущем (и даже отказ от старой эры не изменит ее), но, конечно, она является относительной истиной в отношении всего познания человеком всей природы и истории.

Наконец, свидетельства очевидцев смерти Наполеона, их показания для диалектического материализма отнюдь не являются критерием истинности того явления, которое называется смертью Наполеона. Как раз для Богданова, как известно, критерием

истинности являлась «общезначимость» «высказываний» «сочеловеков». Для марксизма же критерий этот в данном случае заключался в том, что живой Наполеон уже 6 мая 1821 года не был дан в опыте в материалистическом понимании этого слова.

Размышления об абсолютной и об'ективной истине у Богданова были лишь присказкой к сказке о небытии об'ективной, материальной действительности. Как известно, гордыню русских махистов составляло утверждение о преодолении ими ограниченных понятий материи и духа или даже, если взять старый термин, субстанции.

Приведя слова Ленина о том, что физическое и психическое, материя и дух, являются предельно широкими понятиями и что только «крайнее скудоумие может требовать такого «определения» этих двух «рядов», которое не состояло бы в «простом повторении»: то или другое берется за первичное», Богданов демонстрировал упомянутое Лениным качество. Он писал: «И физическое и психическое п о з н а ю т с я, т. е. образуют м а т е р и а л п о з н а н и я, или, что выражает ту же мысль, — одинаково принадлежат к миру о п ы т а. Вот вам уже одно «более общее понятие». Если этот опыт анализировать, то мы придем к «элементам опыта». Эти элементы опыта — о д н и и т е ж е и для «физического» и для «психического» (предусмотрительно оба понятия уже заключаются в кавычки). «Итак, — говорит Богданов, — мы имеем еще одно «более общее понятие»: элементы опыта».

Опыт для Богданова есть совокупность ощущений, таким образом в ощущении, т. е. в психическом, он растворяет физическое и называет это преодолением последнего в более общем. Равным образом его «элементы опыта» психичны по своей природе, однако в них он растворяет физический, т. е. материальный, об'ект ощущения. И вся эта спиритуализация материи прикрывается громкими словами об узости и односторонности точки зрения Ленина.

П. Юшкевич в своем памфлете пошел еще дальше. Он полагал, что вовсе освободился от понятия субстанции. «Материализм, — писал он, — признает основной физическую субстанцию (материю), идеализм — психическую (дух); реализм отрицает оба эти вида субстанции, и поэтому его так же мало можно смешивать с берклиевым идеализмом, как и с гоббсовым материализмом». Но отрицание словесное не всегда является отрицанием об'ективным, почтенное же слово «реализм» нисколько не облег-

чает положения. Символы П. Юшкевича, коими исчерпывается, по его мнению, действительность, столь же идеалистичны по своему существу, сколь и элементы опыта Богданова.

Можно не согласиться со старым словом «субстанция», но смысла его отвергнуть нельзя. Это доказывал и сам П. Юшкевич. Желая показать, что махисты не происходят от Беркли и стало быть ленинская критика Беркли бьет мимо цели, он писал: «Ощущение — не часть моего сознания, моего «я», они не во мне, как думают идеалисты, они там, где они являются, они вне меня. Выражаясь схематически: не ощущения во мне, а я в ощущениях, — в этом состоит коперниканский переворот, произведенный современной научной философией, — переворот, отнявший всякую почву у идеалистического учения о мире как представлении суб'екта».

Известен «коперниканский переворот» Канта, переместивший весь материальный мир в сознание суб'екта. Новый «коперниканский переворот» Маха не лучше кантовского. Он перемещает материальный мир в ощущения. Разница лишь в том, что первый «переворот» был учинен на почве рационализма и априоризма, а второй — на почве чистого сенсуализма.

Что означает: «я в ощущениях»? Это означает, что материальная действительность, физические предметы без остатка растворены в психических актах, в ощущениях. Совокупность ощущений, какие бы названия им ни давались (напр., «элемент, как слитное единство ощущения — вещи»), выступает как новая разновидность идеалистической субстанции. И после этого наш автор имел смелость писать о «старых мифологических терминах «духа» и «тела», которые якобы «элиминирует современный позитивизм», т. е. махизм, и иронически сожалеть, что Ленина «оторвали от аграрной сохи».

В общем Богданов, Юшкевич и Базаров наступали на Ленина единым фронтом. Аналогично Юшкевичу с его «я в ощущениях» и Базаров занимался тем же об'ективированием ощущений. «Ощущение, — писал он, — находится там же, где и ощущаемая вещь, и по содержанию своему совпадает с этой последней в известной ее части». Если серьезно относиться к словам, то будет очевидно, что ощущение, т. е. психический акт, имеющий место в суб'екте, не может быть пространственно «там же», где и ощущаемая вещь, т. е. материальная вещь, находящаяся вне нашего сознания. Но дело в том, что Базаров, как и его коллеги,

предварительно растворил уже вещь в ощущении. После такой операции немудрено, что ощущение у него находится «там же», где и вещь, т. е. ощущение вещи находится там же, где и ощущение вещи, и кроме этого ощущения или этих ощущений ничего больше не остается. Мировоззрение, как в свое время говорили, оказывается без мира.

Курьезно читать, как наши махисты в полемике с Лениным, совершив предварительно указанный фокус, пытались уверить автора «Материализма», что он сам вступил на почву махизма или, говоря словами Юшкевича, сам подменил «сладчайшую Дульцинею материализма грубой Альдонсой махизма».

«Вещь в себе», — писал Юшкевич, — для Ильина не отличается от явления: неуловимую, непознаваемую кантовскую вещь — ноумен — он отвергает. Весь мир принципиально познаваем, а фактически он все более и более познается. Этот рост познания и есть превращение «вещи в себе» в «вещь для нас». Правильно передав мысль Ленина, Юшкевич заявил, что «ведь махисты говорят по существу то же самое, избегая только употребления слова «вещь в себе», с которым связаны в истории философии очень определенные и дурные ассоциации».

Базаров, приведя слова Ленина: «Каждый человек миллионы раз наблюдал простое и очевидное превращение «вещи в себе» в явление, «вещь для нас», — утверждал, что это положение есть положение его, Базарова, высказанное иными словами. Раз вещь в себе превращается в вещь для нас, то это значит, что «чувственное представление и е с т ь вне нас существующая действительность».

Наконец Богданов излагал мысль Ленина так: «Вещи в себе» принимаются за бытие чувственное, т. е. за комплексы элементов, подобно чувственным элементам опыта. Эти комплексы «действуют» одни на другие и отражаются в других, и между прочим — в человеческом сознании. Эти последние «отражения» представляют из себя чувственные комплексы элементов и образуют то, что мы называем «восприятиями вещей и представлениями о них». После этого Богданов заявлял, что Ленин целиком принимает «э м п и р и о м о н и с т и ч е с к у ю т е о р и ю п о д с т а н о в к и».

Как же быть? Не поддался ли в самом деле Ленин, гуляя по эмпириокритическим лабиринтам, махистской точке зрения? Или, наоборот, не преувеличил ли он в пылу полемики расхождений между двумя школами? Правда, можем мы сказать сразу,

что если бы дело обстояло так, то Ил-н и Булгаков обратили бы уже на это внимание.

В действительности дело обстояло совсем не так, как это представлялось махистам. Юшкевич неправ, говоря, что разница лишь в том, что махисты избегают слова «вещь в себе». В том-то и дело, что, отрицая принципиальное различие между, — в кантовских и гегелевских терминах, — вещью в себе и явлением, Ленин утверждал, что вещь в себе превращается в процессе познания в вещь для нас. Для Юшкевича же вещь в себе превращена уже в ощущение, в чувственное представление, в символ, как угодно, но в психический акт, окончательно перестав тем самым быть материальной вещью. Именно это и выражали слова Базарова: «чувственное представление и есть вне нас существующая действительность». Здесь именно налицо отождествление материального об'екта с психическим явлением. Представление предмета, всемерно приближаясь к предмету представления в порядке его отражения, очевидно, никогда не может с ним совпасть. Махисты же на глазах у публики этот фокус совершали. Вместо единства предмета представления и представления предмета, единства, в котором не может не сохраниться различие, они постулировали их тождество.

Наиболее прозрачную подстановку учинил Богданов. В первой же строчке изложения Ленина он подменил чувственное бытие вещей в себе комплексами элементов, т. е. совокупностями ощущений. Далее «действуют» и «отражаются» уже не вещи в себе, т. е. материальные предметы, а эти самые совокупности ощущений. «Эмпириомонистическая теория подстановки» в подлинном смысле выступает на практике, но Ленин в ней был совершенно неповинен. Так рушились замыслы обойти Ленина с махистского тыла.

В тесной связи с вопросом об отношении вещи в себе к явлению стоял чрезвычайно важный вопрос о «теории копий» и «теории символов».

В 1899 г. Плеханов в полемике с К. Шмидтом употребил неудачное выражение, заявив, что «наши представления о формах и отношениях вещей не более, как иероглифы», т. е. что они ничего общего не имеют с самими вещами, а являются лишь условными знаками, символами. В 1905 г. во втором издании своего перевода «Людвига Фейербаха» Энгельса он оговорил свою ошибку и отказался от неправильной терминологии. В сборнике «Критика наших критиков» (1906), перепечатывая полемическую статью про-

тив К. Шмидта, Плеханов не счел удобным вносить в нее изменения, и таким образом вновь появились на сцену «иероглифы». Это было подхвачено махистами и использовано для обвинения Плеханова в метафизическом материализме.

Поскольку это нападение было сделано, Ленин в «Материализме» не мог обойти вопроса молчанием. В тактичной в отношении Плеханова форме он отмежевался от теории иероглифов, символов, знаков тож, сформулировав теорию копий, отображений, снимков. Историю с иероглифами Плеханов подробно раз'яснил в своем втором письме Богданову («Голос социал-демократа» № 8—9, 1908), пройдясь насчет Ленина гораздо более резко и нетактично, чем это следовало бы. «Мне очень жаль, — писал он, — что даже противник идеализма Вл. Ильин счел нужным пройтись в своей книге «Материализм» и т. д. против моих иероглифов: нужно же было ему ставить себя в этом случае за одну скобку с людьми, давшими самые неоспоримые и очевидные доказательства того, что порох выдуман не ими» [1].

Эти «копии» и «символы» сыграли значительную роль в статьях махистов против Ленина. Нужно сказать, что полного единодушия у них по этому вопросу не было. Так, Богданов, выступив против теории иероглифов или символов, заявил, что тем самым Плеханов признает нечувственную, внепространственную и вневременную (!) кантовскую вещь в себе, что, стало быть, он является самым от'явленным метафизиком. Ленин же с его теорией копий и есть, как мы видели, самый отчаянный богдановец. Для Ленина нет иного бытия, кроме чувственного, и вещи в себе принципиально однородны с явлениями; это не метафизическая, как у Плеханова, а эмпирическая теория отражений.

По существу, во всяком случае с 1905 г., Плеханов стоял на той же точке зрения, что и Ленин, утверждая единство (не тождество) вещи в себе и явления.

Большей сложностью отличались возражения Юшкевича и Базарова. Первый писал: «Эту формулу об ощущениях, копирующих, отображающих, фотографирующих и т. д. внешние об'екты, г. Ильин повторяет десятки раз, не догадываясь даже, как она гибельна для его материализма!» Секрет этой «гибельности» заключается в том, что Юшкевич смешивает понятия тождества и

[1] Плеханов, Сочинения, т. XVII, стр. 39.

единства. Для него вещь и ее копия, об'ект и его отображение тождественны, поэтому он заявляет, что точка зрения Ленина есть «наивнейший реализм», т. е. худшая разновидность наивного реализма Маха. «Для Маха нет зеленого стола, с одной стороны, и его зеленой копии в сознании, с другой: для него есть только один нераздельный стол». Коротко говоря, Мах — монист, Ленин же первобытный дуалист, полагающий, что от тела отделяются маленькие частички и проникают в глаза и уши познающего суб'екта. Излишне говорить, что Мах если и монист, то идеалистического толка, Ленин же — монист-материалист, а именно: диалектический материалист; для него существуют не два стола, а один материальный стол вне его головы и затем отображение, копия этого стола в представлении. Сам Юшкевич по существу склоняется к иероглифической теории символов. «Единственно возможное отношение, — говорит он, — это отношение знака к означаемому, символа к символизируемому, отношение того порядка, которое называется однозначным сопряжением». Ленина-де пугает, что «символ есть условный знак и что, значит, в вопросе об отношениях между ощущениями и внешним миром врывается грозный призрак условности и произвола, могущий нарушить об'ективность и детерминизм природы». Все это, конечно, не пугает Юшкевича, который знает, что «условность не есть непременный признак символической связи».

Путь критики Базарова несколько иной. По Юшкевичу, теория копий приводила к наивнейшему реализму. По Базарову, теория копий, излишняя и противоречивая, «совершенно не может ответить на вопрос: где же именно находятся те оригиналы, копиями которых в «нашем» пространстве и времени являются чувственно воспринимаемые вещи?». Для Базарова всякая вещь вне наших ощущений есть уже трансцензус, мистика! В мозгу человека нет решительно ничего похожего на какие бы то ни было копии или изображения внешнего мира. Уничтожив этот внешний мир, сведя его к ощущениям, Базаров, конечно, не может признать ни отражений этого внешнего мира, ни философии, отправляющейся от него. Базаров усматривает только два выхода: «или последовательный реализм, или последовательный иероглифизм, т. е. идеализм! Теория копий есть лишь жалкий компромисс, несостоятельность которого не затушуешь никаким «языкоблудием». «Последовательный реализм» — это базаровская разновидность махизма. Иероглифизм же, — правильно отмечает Базаров, — несомненно, при

логическом мышлении может привести если не к полному идеализму, то к феноменализму и агностицизму.

Нарисовав картину мира, согласно теории иероглифов, Базаров говорил, что «вопрос заключается только в том, какая из этих двух сфер (сфера символов-иероглифов или того, что символизируется) есть подлинная реальность и какая представляет систему наших «символов». Он приходил к правильному выводу, что раз наши ощущения насквозь иероглифичны, то и механические схемы, символизируемые в иероглифах, также не суть подлинная реальность и что, стало быть, эта последняя совершенно недоступна нашему познанию. Этот неизбежный вывод из иероглифического материализма необходимо запомнить для дальнейшего.

Теория же копий, или отображений, защищавшаяся Лениным и принятая уже в 1905 году Плехановым, легко разрешает проблему познания в смысле реальности его, поскольку чувственный материальный мир не отделяется непроходимой пропастью от познающего суб'екта, а дан ему полностью в качестве об'екта не только теоретического познания, но и практического воздействия. Против этого диалектического материализма критика махистов осталась бессильной. В своих возражениях на книгу Ленина они только показали, что, как истые Бурбоны, они ничего не забыли и ничему не научились.

7.

Из лагеря марксистов-ортодоксов на книгу Ленина, не считая Плеханова, слова которого мы привели выше, отозвались двое: Ортодокс, т. е. Л. Аксельрод, рецензией в июльской книжке «Современного мира» за 1909 г. и А. А-ов, также рецензией в № 2 «Возрождения» за 1910 г.[1].

О второй рецензии много говорить не приходится. Ознакомив читателей с двумя философскими течениями в марксизме, автор аттестовал Ленина как «горячего сторонника философии диалектического материализма». Далее А-ов внимательно и довольно подробно изложил все содержание «Материализма». А-ов, единственный из всех критиков и рецензентов, не поставил Ленину в упрек его страстного тона и резких эпитетов по адресу

[1] На рецензию А. А-ова (Авраамова) дружески обратил наше внимание А. Я. Троицкий.

противников. Обращает на себя внимание, что автор дважды, в начале рецензии и в конце, повторяет о том, что Ленин «приходит к... выводу, уже хорошо знакомому русскому читателю из статей на эту тему видного ученика Плеханова Л. Аксельрод-Ортодокс». Это немудрено, если принять во внимание, что и Ленин и Л. Аксельрод в области философии в то время стояли в общем на одной позиции. Мы говорим «в общем», ибо, как дальше увидим, между ними были и достаточные разногласия. Кроме того известно, что ряд моментов в аргументации Ленина, материал, им привлекаемый, наконец самые проблемы, поднимаемые им, отнюдь не повторяли никого из марксистов, писавших против махистов ранее Ленина.

Свою рецензию А. А-ов заканчивал так: «Рекомендуя философский труд Вл. Ильина всякому желающему познакомиться с тем, как действительно марксистская философия, т. е. диалектический материализм, опровергает «новейший позитивизм» русских махистов-марксистов и раскрывает его незаконную связь с исторической и экономической теориями Маркса, мы считаем своим долгом, однако, прибавить, что читатель будет сильно разочарован, если будет искать в нем новое более глубокое трактование диалектического материализма, чем то, какое мы имеем в глубоко продуманных «Философских очерках» другого вдумчивого и серьезного философского ученика Плеханова Л. Аксельрод (Ортодокс). Полный многочисленных цитат, имен и названий философских книг, труд Ильина может оказаться весьма полезным руководством для знакомящихся с философией марксизма».

В приведенных заключительных фразах наряду с об'ективной оценкой имеются, как видит читатель, те суб'ективные нотки, о которых мы только что говорили. Автор рецензии отказывает Ленину в «новом более глубоком трактовании диалектического материализма», чем у Л. Аксельрод. Это не вяжется с содержанием книги Ленина даже в изложении самого А. А-ова.

Мы не собираемся здесь предпринимать опыт сравнительного изучения книги Ленина со статьями Л. Аксельрод, но должны все же сказать, что широта постановки вопроса Лениным, привлечение им работ естествоиспытателей в контексте критики эмпириокритицизма было уже новой трактовкой философии марксизма по сравнению с Плехановым и автором, указываемым А-овым. Кроме того ряд вопросов, напр., об абсолютной и относительной истине, о теории иероглифов и копий, о перенесении энергетических

категорий в социальные науки, ставился Лениным более глубоко, чем это делали до него русские марксисты.

Л. Аксельрод, как писала она сама, разделяла общие положения книги. Тем не менее общий тон ее отзыва имел резко отрицательный характер, согласуясь подчас в оценке философских качеств автора «Материализма» с тоном рецензии Ив. Ил-на и далеко превосходя не только А-ова, но и М. Булгакова.

Сообщив главные положения книги Ленина, Л. Аксельрод начала с того, с чего и А. А-ов, но так как в данном случае автором рецензии была она сама, то мысль А-ова приняла иную форму: «Вдумчивый, внимательный и незабывчивый читатель, следивший за философской полемикой различного рода эклектиков-марксистов с ортодоксальными марксистами, сразу заметит, что по существу Ильин не сказал ничего такого, что не было бы высказано раньше последними». Но, оказалось, беда Ленина заключается не только в том, что в его книге не было новых мыслей, а в том, что она не отличалась «серьезной, вдумчивой» и тонкой аргументацией. В аргументации автора, — писала Л. Аксельрод, — «мы не видим ни гибкости философского мышления, ни точности философских определений, ни глубокого понимания философских проблем». Эта характеристика, очевидно, весьма отличается от характеристики буржуазного идеалиста М. Булгакова, который, как мы видели, писал о «хорошем языке, ясности и толковости изложения» книги Ленина.

Перейдя к сути дела, Л. Аксельрод отмечала ряд, по ее мнению, главных ошибок Ленина. Центральное место в рецензии занимала критика ленинской теории копий или отображений, снимков тож. Эта критика шла под знаком защиты Плеханова с его теорией иероглифов или символов. Аргументация Л. Аксельрод настолько странная и вызывает такие недоумения, что на ней стоит остановиться.

Во-первых, по меньшей мере оригинальна была самая защита Плеханова от Ленина после того, как сам Плеханов еще в 1905 году признал все неудобства и всю двусмысленность теории иероглифов. В 1908 году, как мы уже знаем, Плеханов во втором письме Богданову подробно остановился на этом вопросе и показал себя противником иероглифов или символов в материалистической теории познания. После этого в середине 1909 г. Л. Аксельрод, «вдумчивый и серьезный философский ученик Плеханова», по аттестации А-ова, не только не отошла от теории сим-

волов, но приписала эту ошибочную точку зрения самому Плеханову.

Ленин писал: «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними, то... подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры таких знаков или символов», и в другом месте: «Изображение необходимо и неизбежно предполагает об'ективную реальность того, что «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма». С этим единственно правильным материалистическим решением вопроса Л. Аксельрод была в корне несогласна. «Сказано весьма решительно, — писала она, — но энергическая форма этого рассуждения нисколько не мешает ему быть ошибочным от начала до конца». Теория символов, по Л. Аксельрод, не подвергает сомнению существование вещей. Допустим, что эта теория сопряжена с феноменализмом и агностицизмом. Автор рецензии соглашается, что символы возможны по отношению к мнимым предметам, но,— спрашивает она, — «разве галлюцинации, сновидения и всяческие иллюзии и заблуждения суть образы или копии предметов?» Нелепый вопрос, бьющий мимо цели, ибо ведь никто и не утверждает, что галлюцинациям и иллюзиям соответствуют внешние материальные предметы. Сторонники теории отображений не смешивают образы действующих на их органы чувств материальных предметов с содержанием галлюцинаций. В том-то и дело, что в то время как символы в отношении мнимых предметов возможны (с этим согласна и Л. Аксельрод), отображения и снимки с этих «предметов» невозможны.

«Отвергая теорию символов, — писала далее Л. Аксельрод, — и считая ощущения образами или «неточными» копиями вещей, критик Плеханова (в «Материализме» Ленин выступал не критиком, а как раз защитником Плеханова, защитником содержания его воззрений одновременно от его же терминологии и от нападения махистов. — *И. Л.*) становится на дуалистическую почву...

Если бы ощущения были образами или копиями вещей, то на какого дьявола, спрашивается, понадобились бы нам вещи, которые в таком случае действительно оказались бы вещами в себе в абсолютном смысле этого слова?»

Приведенная аргументация настолько чудовищна, что ставит все дело на голову. Прежде всего, старая, со времен Энгельса ставшая азбучной, материалистическая истина, что ощущения отображают материальную действительность, об'является дуалистической точкой зрения. Дуализм усматривают в наличии вне сознания материальной вещи и в отражении (по Энгельсу, зеркальном отражении) этой вещи в нашем сознании[1]. При таком ответе монизмом, очевидно, может явиться только тождество вещи с ощущением. Но это как раз и есть махистский, идеалистический монизм. Именно в таком «монизме» и именно в этом пункте и начинался отход русских махистов от марксизма.

Далее, если ощущения — образы или копии вещей, то «на какого дьявола, спрашивается», нам тогда вещи! Какова самая постановка вопроса?! Спрашивают, для чего нам вещи, если у нас есть ощущения-символы. На примере Базарова и Юшкевича мы видели, что это и есть как раз коренной вопрос махистов. Вещи ими упраздняются, поскольку есть ощущения, между тем ведь ощущения есть постольку, поскольку есть вне их вещи.

Критик Ленина и неудачный защитник Плеханова не замечает, что, обвиняя Ленина в ошибке, он сам совершает коренную ошибку и переходит в лагерь махистов.

Наконец, совершенно непонятен ход мыслей автора рецензии, когда он говорит, что если бы ощущения оказались образами вещей, то последние «оказались бы вещами в себе в абсолютном смысле этого слова». Только теория образов или копий является теоретическим обоснованием познаваемости вещей в себе, потому что эти вещи познаются в их отображениях. Как раз иероглифы, или символы, которые не суть отображения, а суть лишь знаки, закрывают доступ к вещам в себе, каковые и приобретают поэтому значение абсолютно недосягаемых метафизических сущностей.

---

[1] К этому ср. Плеханова: «Действуя на нас, вещь в себе вызывает в нас ряд ощущений, на основании которых составляется наше представление о ней. Раз явилось это представление, существование вещи удваивается: она существует, во-первых, в себе, во-вторых, в нашем представлении. И совершенно так же ее свойства, скажем, ее строение, существуют, во-первых, сами по себе, а, во-вторых, в нашем представлении». «Но это дуализм, — говорят нам люди, склонные к идеалистическому монизму à la Мах, Ферворн, Авенариус и другие. Нет, милостивые государи! — отвечаем мы, — тут дуализмом даже не пахнет!» и т. д. (Второе письмо Богданову).

Общий итог, к которому по этому вопросу пришла в своей рецензии Л. Аксельрод, гласил: «Теория символов связана, следовательно, с материалистическим об'яснением природы самым тесным и неразрывным образом. А отсюда следует, что не Г. В. Плеханов, а Ильин «сделал явную ошибку при изложении материализма». Несомненно, эта фраза в 1909 году звучала забавно, так как Плеханов к тому времени уже открыто признал свою ошибку [1].

Об'ективный же итог полемики вокруг этого вопроса сводился к тому, что Л. Аксельрод в союзе с Юшкевичем и Базаровым, вопреки взглядам Плеханова, выступила против теории отображений Энгельса и Ленина. Л. Аксельрод в союзе с Юшкевичем и отчасти Базаровым против Плеханова и Ленина выступила за теорию символов и махистский «монизм». Но Юшкевич и Базаров знали, что им нужно. Л. Аксельрод же, приняв их аргументацию против копий, силою логики должна была принять их аргументацию за символы. По Базарову, это означало иероглифический идеализм, по Юшкевичу — было два выхода: или метафизический «иероглифический» материализм, связанный, как мы говорили, с феноменализмом и агностицизмом, или символизм типа Юшкевича.

Прочие возражения Л. Аксельрод Ленину были не более сильны. По вопросу о понятии опыта (средство познания — предмет исследования) Л. Аксельрод снова пыталась защищать Плеханова от Ленина, но и в этой защите ее ждала та же роковая неудача. Ленин писал, что «ни определение опыта как предмета исследования, ни определение его как средства познания ничего еще не решает» в вопросе о материалистическом или идеалистическом понимании опыта. Ленин требовал, чтобы при самом определении опыта уже было указано на отношение бытия к сознанию. Для него опыт был «воздействием внешних предметов на наши органы чувств». Во втором письме А. Богданову Плеханов дал такое определение: «Опыт есть результат взаимодействия ме-

[1] К этому ср. Плеханова: «По вашему (Богданова) примеру теперь уже многие из моих противников, принадлежащих к идеалистическому лагерю, «критикуют» мои философские взгляды, придираясь к слабой стороне той терминологии, которую я сам об'явил неудовлетворительной, прежде чем они взялись за свои «критические» перья. Очень возможно, что иные из этих господ от меня же в первый раз услыхали, почему собственно названная терминология неудовлетворительна» (второе письмо Богданову).

жду суб'ектом и об'ектом: но об'ект не перестает существовать и тогда, когда нет никакого взаимодействия между ним и суб'ектом, т. е. когда опыт не имеет места». Таким образом и в этом пункте «защита» Плеханова от Ленина была неуместна.

Чрезвычайно не понравился Л. Аксельрод тон полемики Ленина и весь стиль его письма. Это, конечно, дело вкуса, а о вкусах, как известно, не спорят. В данном случае вкусы Л. Аксельрод сошлись с вкусами Ив. Ил-на и М. Булгакова. Кроме того, — что в контексте рецензии имело значение, — стиль плехановских писем Богданову («Materialismus militans») не так уж отличался от ленинского стиля. Маленький пример: слова Ленина: «Вопрос о причинности имеет особенно важное значение для определения философской линии того или другого новейшего «изма» Л. Аксельрод снабдила замечанием: «Какой жаргон!» Интересно, не требовала ли у рецензента такого же замечания фраза Плеханова (из первого письма Богданову), в которой он писал о «современных увлечениях всякими модными антиматериалистическими «измами». Очевидно «жаргон» этот был не исключительно достоянием Ленина.

В последнем абзаце Л. Аксельрод несколько сменила гнев на милость: «Положительно и важно, — писала она, — в этой книге прежде всего то, что автор горячо и страстно защищает истину. Во-вторых, книга не лишена отдельных метких и остроумных замечаний. В-третьих, в этой книге чувствуется живой, свежий, бодрый и революционный тон».

Таковы те отклики, возражения и отзывы, которые встретил «Материализм и эмпириокритицизм» в русской печати в первый год своего появления.

8.

Бесспорно, своим «Материализмом и эмпириокритицизмом» Ленин сделал большое партийно-философское дело. Однако к нему менее всего могут быть применены слова: «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти».

Написав книгу, Ленин не забросил философских занятий, несмотря на громадное партийное дело, выполняемое им. Сменивший годы реакции, — когда приходилось бороться за самое партию и в особенности против отступлений от теории марксизма,— новый под'ем революционного рабочего движения требовал особо большой работы по укреплению большевистского руководства в ра-

бочих организациях и по усилению нелегальных партийных организаций. Казалось бы, в эти годы должно было быть вновь «не до философии». Однако именно в эти годы мы видим, как отдельные статьи Ленина, даже на самые, казалось бы, злободневные политические темы, отличаются глубокой философской культурой и носят на себе следы философских занятий автора.

Причина этого обстоятельства понятна. Для Ленина, как мы уже знаем, теория не оторвана от практики, а философия, философия диалектического материализма, есть служанка революции.

Следует сказать более: именно после «Материализма и эмпириокритицизма» занятия Ленина приобретают еще более углубленный характер. Если он читал Гегеля еще в ссылке в последние годы XIX столетия, если он частично пользовался Гегелем в полемике против махистов, то теперь после этой полемики он переходит к систематическому, планомерному и вместе с тем критическому штудированию основных сочинений великого диалектика. Гегель прочно овладевает вниманием Ленина.

Документы этого штудирования дошли до нас в виде так называемых «философских тетрадок» Ленина. Это — обычные школьные тетрадки, с которыми он неизменно читал Гегеля. В них он выписывал особенно обратившие на себя его внимание цитаты, в них же на полях он заносил свои критические, подчас весьма резкие и бранные, а подчас восторженные заметки, в них же выписывал названия книг, которые считал необходимым прочесть; в них же, наконец, в связном виде набрасывал свои мысли, которые предполагал использовать впоследствии.

В. Сорин, написавший об этих тетрадках статью в одном из номеров «Правды» за 1926 г., совершенно прав, когда говорит, что «у Ленина было намерение написать книгу о философии Гегеля и диалектике». Известно, что К. Маркс в свое время собирался «вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой» Гегеля, предполагая написать о диалектике специальную работу. В письме Энгельсу 14 января 1858 г. он писал: «...мне очень хотелось бы в об'еме 2—3 печатных листов сделать доступными общему человеческому рассудку то разумное в методе, что Гегель открыл и вместе с тем затемнил». Можно с уверенностью сказать, что аналогичную или почти аналогичную задачу намеревался поставить себе Ленин.

В качестве аргументации В. Сорин приводит прежде всего внешний вид записок. Он весьма напоминает вид тех записок

при чтении литературы, которые полагались обычно Лениным в основу будущей книги (например, записи перед «Империализмом», перед «Государством и революцией»). Далее характерны заметки Ленина на полях тетрадок против тех или иных записей: «это требует пояснений и развития», «этот афоризм надо бы выразить популярнее, без слова диалектика», «разработать» и т. п. Любопытно и то, что все книги и брошюры, записи о которых имеются в тетрадках, так или иначе связаны с Гегелем (диалектикой, логикой) и его, — по крайней мере по названию книг, — возможной материалистической переработкой.

К этому необходимо добавить и еще одно обстоятельство: если внимательно и по порядку просматривать тетрадки, то нельзя не обратить внимания на то, что сперва Ленин только выписывает цитаты, делает различные пометки для наиболее выпуклого представления об их содержании и ограничивается краткими критическими замечаниями. Затем начинают встречаться, обычно обведенные чертой, определения, общие формулировки диалектики, ее задач, ее содержания, ее роли. По мере вчитывания в Гегеля эти формулировки становятся ярче, полнее, конкретнее. От общих определений Ленин переходит к подчеркиванию отдельных важнейших сторон ее, как логики, как теории познания. Уже в самом конце конспектирования «Науки логики» Ленин, подытоживая прочитанное и продуманное и как бы набрасывая план будущей работы, пишет заглавие «Элементы диалектики» и далее заносит шестнадцать кратко сформулированных пунктов. В тетради более позднего происхождения, где конспектируются работы 1912 и 1914 гг., Ленин заносит в выпуклой графической форме «План диалектики (логики) Гегеля». Наконец, в одной из тетрадок, между Лассалем и Аристотелем, он проводит черту и под заглавием «К вопросу о диалектике» в почти законченной литературной форме записывает ставший уже широко известным фрагмент о диалектике.

Таким образом по мере проработки источников и литературного материала мысли Ленина концентрируются вокруг основной темы, и он начинает уже набрасывать все более и более крупные и законченные фрагменты будущей работы.

Когда Ленин занимался этим делом и какие работы успел он привлечь в качестве материала?

Судя по датам выхода в свет отдельных прочитанных Лениным книг, эти работы должны быть отнесены уже ко второму

десятилетию нашего столетия. Есть книги, вышедшие в 1911, 1912, 1913 и, наконец в 1914 годах (напр., «Kantstudien», 1914, № 3). В конце записок стоит дата: 17 декабря 1914 года. Стало быть, Ленин, о котором нельзя сказать, что в его сознательной жизни был хоть один день, когда бы он не принадлежал рабочему классу, партии, большевизму, Ленин считал возможным заниматься философией уже посреди громов империалистической войны, когда партийное руководство требовало особого напряжения. Однако, видимо, эти же обстоятельства — подготовка к Циммервальдской конференции и вся прочая работа его до революции и в процессе ее — в конце концов не позволили Ленину осуществить свое намерение...

Все книги, более или менее подробно отраженные в философских тетрадках этого периода, могут быть разделены на три группы. Во-первых, это Гегель и Фейербах. Из Гегеля в это время Лениным были проштудированы с пером в руках «Наука логики», «Лекции по философии истории» и «Лекции по истории философии». Более всего подробно законспектирована «Наука логики». Большинство замечаний, на которые нам не раз придется ссылаться, относятся именно к этому труду. Последнее заключительное замечание гласит: «Замечательно, что вся глава об «абсолютной идее» почти ни словечка не говорит о боге, едва ли не один раз случайно вылезло — «божеское понятие», и кроме того, — это NB — почти не содержит специфически идеализма, а главным своим предметом имеет диалектический метод. Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть диалектический метод — это крайне замечательно. И еще одно — в этом самом идеалистическом произведении Гегеля всего меньше идеализма, всего больше материализма. Противоречиво, но факт!»

«Философия истории» отражена значительно более бегло. Оценка ее у Ленина была сдержанной, и понятно почему: «именно в этой области, в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед. Здесь Гегель наиболее устарел, антикварован». «История философии» законспектирована довольно подробно в части античной (греческой) философии. В особенности Ленин останавливается на античной диалектике. Интерпретация Гегелем Аристотеля вызывает у него возмущение: «Идеалист Гегель трусливо обошел подрыв Аристотелем (в его критике идей Платона) основ идеализма». Он отмечает, что у Гегеля по существу нет ничего о Демокрите, в то время как о Платоне «тьма размазни мистиче-

ской». В особенности возмущает его обращение Гегеля с Эпикуром; именно по поводу Эпикура Ленин награждает Гегеля весьма нелестным замечанием вроде: «Вздор! Ложь! Клевета!», «Образец извращения и оклеветания материализма идеализмом». В отношении послеэпикуровой философии Ленин весьма скуп: он уделяет лишь несколько слов неоплатоникам. По всей видимости, эти эпохи мало интересовали Ленина.

Из Фейербаха Ленин штудировал в то же время «Лейбница», изучая его, видимо, именно по Фейербаху. Здесь мы встречаем преимущественно цитаты с отдельными замечаниями вроде: «Лейбниц через теологию подходит к принципу неразрывной (и универсальной, абсолютной) связи материи и движения. Так, кажись, надо понимать Фейербаха». Второй работой Фейербаха были «Лекции о сущности религии». Оценка их у Ленина коротка: «Выходит, что природа — все, кроме сверхприродного. Фейербах ярок, но неглубок. Энгельс глубже определяет отличие материализма от идеализма».

Вторую группу прочитанных в эту пору Лениным книг составляют философские работы, так или иначе связанные с Гегелем, его диалектической логикой и Фейербахом. Сюда относятся: Ж. Ноэль, «Логика Гегеля» [1], довольно подробно законспектированная Лениным. Читая эту французскую книгу, Ленин составил табличку философских терминов Гегеля параллельно на французском и немецком языках. По принятому обыкновению он дает краткую оценку прочитанного автора: «Автор идеалист и мелкий. Пересказ Гегеля, защита его от «современных философов», сопоставление с Кантом, etc. Нет интересного, нет глубокого. Ни слова о материалистической диалектике, автор, должно быть, понятия о ней не имеет». К этой же группе книг относится и «Философия Гераклита Темного из Эфеса» Ф. Лассаля, конспект которой занимает 14 страниц. Известен отзыв Маркса об этой работе: «это — «широковещательная» работа ученика, который навострился «проделывать мыслительный процесс только согласно предписанному рецепту и в формах, уже выработанных»; «учености» в виде греческих цитат с их филологической критикой выставлено напоказ несметное количество». Отзыв Ленина целиком совпадает с мнением Маркса: Лассаль просто повторяет Гегеля по поводу отдельных положений Гераклита, сдабривая эту работу «невероятной

---

[1] Georges Noël, La logique de Hegel, Paris, 1897.

бездной ученейшего, гелертерского архибалласта». Тем не менее, с точки зрения Ленина, полезно было бы, сократив работу Лассаля раз в десять, издать на русском языке небольшую брошюру о Гераклите «по Лассалю».

«Метафизика» Аристотеля интересует Ленина также в аспекте диалектической логики. Он высоко ценит Аристотеля, его запросы, искания. Материал у него живой, интересный, свежий, вводящий в философию. Об'ективная логика у него везде смешивается с суб'ективной, но так, что при этом всегда видна об'ективная. В об'ективности познания он не сомневается, но он оказался неспособным разрешить проблему общего и отдельного понятия и чувственно воспринимаемой реальности отдельного предмета; в этом его беда. Средневековая поповщина убила в Аристотеле все живое и увековечила мертвое: «Логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к «Логике» Гегеля, — а из нее, из логики Аристотеля (который всюду, на каждом шагу ставит вопрос именно о диалектике) сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов».

Докторская диссертация П. Генова о теории познания и метафизике Фейербаха [1] вызывает у Ленина краткую оценку как чисто ученической работы, состоящей почти исключительно из цитат.

Третью группу составляют книги по теоретическим и историческим вопросам естествознания. Как известно, этого рода литературу Ленин привлекал и для «Материализма». Считая, что материалистическая диалектика должна итти рука об руку с современным материалистическим естествознанием, Ленин, видимо, полагал использовать и для своей новой работы литературу по смежным областям философии и естествознания. Книги с соответствующими заглавиями находят отражение в его тетрадках. Однако заглавия упорно оказывались обманчивыми: под многообещающими заголовками авторы преподносили идеалистическую сущность и в большинстве случаев изрядную философскую мешанину.

П. Фолькман не мог удовлетворить Ленина своей книгой «Теоретико-познавательные основы естественных наук» [2], несмотря на некоторый материалистический уклон.

[1] P. Genoff, Feuerbachs Erkenntnistheorie und Methaphysik, Zürich, 1911.

[2] P. Volkmann, Erkenntnistheoretische Grundzüge der Naturwissenschaften, Leipzig, 1910.

М. Ферворн со своей книгой «Die Biogenhypothese» (Jena, 1903) не имеет никакого представления о диалектическом материализме. От себя мы должны сказать следующее: Ферворн был занят чрезвычайно важной проблемой — связи между химией и биологией, проблемой превращения химического в жизненное. Эта проблема не может быть разрешена ни силами чисто механического воззрения, ни потугами витализма. Путь ее решения лежит исключительно в материалистической диалектике: высшая форма движения (биологическая) возникает из низшей формы движения (химической), но, раз возникнув, она уже не может быть сведена ко второй и, обладая специфическими особенностями, не может быть понята, исходя из понятий только химических. Познание ее, отправляясь от физико-химии, должно быть имманентным ей, именно данной форме движения материи. Вместо этого М. Ферворн вовсе отказывается от материализма и ищет спасения в гипотетических «биогенах».

Последняя из этой серии книг: Липпс, «Естествознание и мировоззрение»[1], также ничего не дает Ленину; автор — «идеалист кантианско-фихтевского толка» — проглядел материалистические тенденции современного естествознания, в котором он видел только феноменалистические, энергетические и виталистические тенденции. Материя для него как для неокантианца есть непознаваемый X.

Таково содержание черновых философских тетрадок Ленина. Империалистическая война и последовавшие за ней революционные события помешали, как сказано, выполнить намерение написать специальную работу по диалектике. Это, несомненно, чрезвычайно печальное и непоправимое обстоятельство. Однако и те черновые заметки и наброски, которые дошли до нас, в руках несколько искушенного в области философии марксиста дают очень много; прежде всего они свидетельствуют о необходимости изучения и разработки не только материалистической стороны философии марксизма, но и ее имеющей методологическое значение диалектической стороны. Из этих тетрадок видно, что Ленин подверг переоценке именно под углом зрения диалектики и старые боевые работы ортодоксальных марксистов. Ныне они его полностью уже не удовлетворяли. Для него умный

[1] Theodor Lipps, Naturwissenschaft und Weltanschauung, Heidelberg, 1906.

(диалектический) идеализм теперь ближе к умному (диалектическому) материализму, чем глупый (вульгарный, метафизический, механический) материализм.

Задним числом он посылает упрек Плеханову в недостаточном внимании к «Науке логики» Гегеля. «Плеханов, — замечает Ленин, — написал о философии (диалектике), вероятно, до 1 000 страниц (Бельтов + против Богданова + против кантианцев + «Основные вопросы» и т. д., и т. д.). Из них ноль большой логике, по поводу нее, ее мысли, т. е. собственно диалектика, как философская наука, nil!» В другом месте он возвращается к тому же: «Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (по-бюхнеровски), чем по-гегелевски» [1].

В этих замечаниях Ленин безусловно прав. Однако этому обстоятельству есть и об'яснение. Как народники, так и ревизионисты — кантианцы и махисты — оспаривали главным образом вопросы материалистического мировоззрения, а не диалектического метода. У народников в центре стояло «опровержение» материалистического понимания истории, «экономического», как они выражались, материализма. У кантианцев на первом месте (в области философии) стояли «опровержение» познаваемости вещи в себе и связанные с этим некоторые вопросы гносеологии в узком смысле слова — феноменализм, априоризм форм созерцания и категорий рассудка. Наконец, у махистов равным образом спор вращался вокруг вещи в себе и понимания природы внешнего мира.

Поэтому-то у марксистов-ортодоксов критика противников сосредоточивалась по преимуществу, если не исключительно, на тех же вопросах понимания истории, мировоззрения и гносеологии в узком смысле слова. Вопросы научной методологии оставались в стороне. Больше того, всплывавшие на поверхность полемики отдельные работы по вопросам диалектики оказывались как-то в тени и не привлекали всеобщего внимания. Так было с известными нам статьями Житловского и Херсонского, а также и со статьей Б-ского (Брусиловского) «Нечто о диалектическом методе» [2] в годы битвы с народниками; так было и с книгой Я. Бермана «Диалектика в свете новейшей теории познания» (если

[1] В. И. Ленин. Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 199.
[2] «Русское богатство», 1895, № 4.

не считать ответа А. Деборина в «Современном мире») в годы борьбы с махистами. Несомненно, полемика была бы более эффективной, если бы ортодоксы черпали больше из арсенала материалистической диалектики, но, повторяем, эпоха была такова, что на первый план выдвигала вопросы мировоззрения.

Новый под'ем рабочего движения с 1912 года знаменовал уже иную, революционную, эпоху. Такие эпохи всегда выдвигают на первый план вопросы методологии знания и действия, вопросы формы и методов мышления. Не случайно и то, что в наши дни именно вопросы диалектики приковывают к себе особое внимание. В этом отношении замечательно опять-таки то, что Ленин первый, еще в своих тетрадках до 1914 года, выдвинул вперед именно эти вопросы диалектики, как логики, так и методологии.

Старые, казалось бы, давно и навсегда решенные, вопросы предстали пред ним в новом аспекте. Когда-то он сам писал против Михайловского, что упрек в отсутствии у Маркса социологических работ совершенно не основателен: «Капитал» является не только экономической работой, но и социологической. И это, конечно, было правильно. Но теперь тот же «Капитал» предстал ему с иной стороны, со стороны истинно философской. «Если Маркс, — записывал он в тетрадке, — не оставил «Логики» (с большой буквы), то он оставил л о г и к у «Капитала»... В «Капитале» применена к отдельной науке логика, диалектика и теория познания (не надо трех слов: это одно и то же) материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед». В другом месте он выражается еще более решительно: «Нельзя вполне понять «Капитал» Маркса и особенно его 1 главы, не проштудировав и не поняв в с е й логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя» [1].

Таким образом, предполагавшаяся работа Ленина должна была открыть собою воочию и для всех как бы новый этап развития философии марксизма. Но этим, так сказать, молекулярным, невидимым для других, процессам не суждено было реализоваться в той форме, в какой предполагал это сделать Ленин до империалистической войны. Первые годы революции, естественно, выдвинули политическую доктрину материализма, доказательством чего явились «Государство и революция» и «Пролетарская

---

[1] В. И. Л е н и н, Конспект «Науки логики» Г е г е л я, IX Ленинский сборник, стр. 199.

революция и ренегат Каутский». Реализация проблемы диалектики наступила позже и в несколько иной форме, чем предполагалось раньше.

Здесь не место говорить о путях философской мысли в стране советов. Ограничимся лишь несколькими словами. С ликвидацией фронтов гражданской войны философия диалектического материализма пустила новые побеги. Внешними выразителями этого оживления на фронте марксистской философии были: открытие философского отделения Института красной профессуры (1921 г.); реорганизация на основах марксизма работы Института научной философии; создание философского по преимуществу журнала «Под знаменем марксизма» (1922); наконец, выход нескольких новых книг по философии марксизма. Ленин не только не стоял в стороне от этого движения, но живо интересовался им. Это будет вполне понятно, если вспомнить весь жизненный философский путь его. Философия, материалистическая диалектика, врывалась у него в политическую жизнь, казалось бы, в самые неожиданные моменты.

Когда, например, и по поводу чего приводит Ленин следующие краткие формулировки н е к о т о р ы х принципов диалектики?

«Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и омертвения. Это во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-третьих, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов».

Эта цитата взята нами не из «изложения философии Гегеля», не из философской работы, а из в значительной степени полемической брошюры «Еще раз о профсоюзах...», написанной во время дискуссии о роли профессиональных союзов, в январе 1921 года. Исходя из конкретной обстановки того времени и при свете указанных только что принципов диалектики, Ленин и приходит к выводу, что «не с одной стороны — школа, а с другой

нечто иное, а со всех сторон при данном споре, при данной постановке вопроса Троцким, профсоюзы суть школа, школа об'единения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления». Такое разрешение данной задачи является блестящей иллюстрацией к одному из принципов диалектики (хотя Ленин и не говорит об этом), именно к так называемому «переходу возможности в необходимость».

Профсоюзы, взятые абстрактно, возможны и как «школа», и как «аппарат», и как «организация трудящихся», и как «организация по производствам», и т. д., и т. п., но при данной сложившейся обстановке все возможности, за исключением одной, снимаются; тем самым одна оставшаяся возможность переходит в необходимость.

24 июня 1921 года Ленин обращается к библиотекарше с просьбой достать ему Гегеля. Среди громадной творческой государственной работы в первые месяцы новой экономической политики, когда все внимание его поглощено руководством первым в мире пролетарским государством, мысль его обращается к Гегелю, он находит отрывки времени для чтения гегелевской «Логики».

Весной 1922 года он пишет для редакции «Под знаменем марксизма» свое знаменитое письмо «О значении воинствующего материализма». Оставив уже по занятости мысль самому написать философскую книгу, он кратко и выпукло формулирует идейные и организационные задачи философии наших дней. Задачи эти вкратце следующие:

1. Борьба с идеализмом: «неуклонное разоблачение и преследование всех современных дипломированных лакеев поповщины, все равно, выступают ли они в качестве представителей современной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя демократически-левыми или идейно-социалистическими публицистами».

2. Пропаганда атеизма, борьба за атеизм; в частности переиздание атеистических работ французских материалистов XVIII века.

3. Союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму.

4. Материалистическая переработка диалектики Гегеля, разработка материалистической диалектики, проникновение ее в современное естествознание.

Это письмо, к которому нам не раз придется еще возвращаться в нашей работе, было последним выступлением Ленина специально по вопросам философии; таким образом оно является как бы философским завещанием Ленина.

Таков философский путь его жизни, бегло, несовершенно, но, по возможности, документально представленный нами.

Однако было бы неверно думать, что философия Ленина заключена только в специально философских работах. Материалистическая диалектика пронизывает всю его жизнь, все работы, все книги, статьи и речи. Поэтому-то и нам при систематическом изложении его общетеоретических взглядов придется пользоваться многими работами, которые на первый взгляд как будто и не имеют философского значения.

В дальнейшем мы попытаемся, на канве различных работ Ленина, представить в положительной форме его философские воззрения, особенно подчеркивая те моменты, в которых он дал дальнейшее развитие принципам диалектического материализма.

III.

ПРОБЛЕМА БЫТИЯ И МЫШЛЕНИЯ.

1. Партийность в философии. — 2. Два основных направления в философии: материализм и идеализм. — 3. Вещь в себе и явление. — 4. Практика как критерий истины. — 5. Знание как процесс. — 6. Истина об'ективная и суб'ективная, абсолютная и относительная. — 7. Понятие материи, движения, пространства и времени. — 8. Материализм диалектический и метафизический. — 9. Естествознание и материалистическая диалектика.

1.

Реакционная философия! Некоторым, а быть может, и весьма многим, покажется нелепым соединение этих слов. Как может быть философия реакционной, прогрессивной или революционной? Философия, если она не просто мировоззрение, а прежде всего научная методология, учение о методе научного познания, не может быть ни реакционной, ни революционной; она, это высшее проявление человеческого интеллекта, научна, а потому беспристрастна, беспартийна. Философия — не политическая доктрина, и навязывание ей тех или иных политических тенденций неправомерно.

Против этого взгляда выступает марксизм и в лице своих основоположников и в лице Ленина. В классовом обществе не может быть внеклассовой общественной науки. Беспристрастной, беспартийной не может быть не только социальная философия, но даже, выражаясь старыми терминами, философия природы. В этой последней партийность в широком смысле слова труднее прощупать, но социальная тенденция проступает и здесь, коль скоро мы поставим вопрос о предельных элементах бытия, коль скоро мы затронем, например, космогоническую проблему. Средневековое положение: «философия есть служанка теологии» — является в этом смысле уже партийным положением. Отношение

философии к теологии, как бы мыслители ни маскировали свое мнение по данному пункту, является пробным камнем для зачисления философии по линии реакции или революции, говоря схематически.

«Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, — пишет Ленин, — умели открывать отступления от материализма и поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших направлениях». По этому пути идет Ленин.

Интеллектуальная борьба есть борьба классовая. Идеологами определенного класса выказали себя в философии так называемые «вольнодумцы» в Англии XVII века, выступившие с критикой церковной ортодоксии; французские материалисты XVIII века в своих философских и атеистических работах также отражали точку зрения революционного класса; немецкие младогегельянцы XIX века, и в их числе Маркс и Энгельс, не были «беспартийными» в философии. Их философия, и чем дальше, тем глубже и больше, была революционной философией пролетариата; наконец, Ленин, а с ним и ортодоксы марксизма, в XX столетии, в своей философии и в борьбе за нее осуществляют и ведут все ту же классовую борьбу.

Партийность в философии необходима и неизбежна. Гносеология, теория познания, которая у Ленина правильно выступает как одна из сторон диалектики и принимает более широкое значение научной методологии познания, — для него наука партийная не меньше, чем политическая экономия.

Иногда классовый характер философской борьбы проявляется особенно отчетливо. Когда Э. Геккель опубликовал свои «Мировые загадки», как бы буря разразилась над Европой. Несмотря на то, что лично Геккель не отвергал религии и отрекался от материализма, все содержание и дух его работы ясно доказывали неискоренимость естественно-научного материализма, непримиримость его с теологией и идеалистической философией. И против него подняли поход не только богословы, но и «беспристрастные и беспартийные» казенные профессора философии. В этом примере Ленин видел яркое подтверждение своего тезиса. «Буря, — писал он, — которую вызвали во всех странах «Мировые загадки» Э. Геккеля, замечательно рельефно обнаружила партийность философии в современном обществе, с одной стороны, и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и агностицизмом — с другой».

Можно было, в данном случае, не соглашаться с Геккелем в деталях, можно и даже должно было видеть в нем недостатки, некоторую недоговоренность, но не менее должно было в этой буре стать на его сторону, примкнуть к его материалистической позиции. В этом споре сквозь видимость материализма и идеализма просвечивали революционный класс, с одной стороны, и реакционная буржуазия и духовенство — с другой. И хотя в каждом лагере были свои течения, их различия сглаживались и имели второстепенное значение по сравнению с основной противоположностью принципиальных позиций. Так и для марксистов разница между русским идеалистом Лопатиным и эмпириокритиком Махом есть лишь разница между протестантским и католическим богословами. «Война против Геккеля, — пишет по этому поводу Ленин, — доказала, что этот наш взгляд соответствует об'ективной реальности, то есть классовой природе современного общества и его классовых идейных тенденций».

Эти классовые идейные тенденции марксизм должен вскрыть в том или ином философском направлении; нельзя полагаться на представителей подобных направлений, дело вовсе не в том названии, какое усвоила себе та или иная философская школа. «О человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по делам его. О философах надо судить не по тем вывескам, которые они на себя навешивают («позитивизм», философия «чистого опыта», «монизм» или «эмпириомонизм», «философия естествознания» и т. п.), а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей» [1].

Для Ленина вопрос об оценке той или иной философской школы решается их ответом на те вопросы, какие он вслед за Энгельсом считает основными: вопросы о «материи» и «духе» и их взаимоотношениях. И как только получается ответ, очевидно идеалистический, вопрос о данной философии для Ленина решен.

Название школы, внешнее, ничто без содержания школы, внутреннего. Единство внешнего и внутреннего, один из принципов диалектики, постоянно руководит Лениным.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 178.

Ленин видит коренное несчастье русских философских ревизионистов марксизма, в подавляющем большинстве последователей философа Маха, в том, что они пошли на приманку «внешнего» этой суб'ективно-идеалистической философии и, конечно, усвоили ее «внутреннее», ее глубоко идеалистическую сущность, а теперь, внутренние идеалисты, они хотят внешне казаться марксистами.

Марксизм, как система, не представляет, конечно, чего-то замкнутого, раз и навеки данного, некоего евангелия, к которому нельзя прибавить ни одного слова, от которого нельзя убавить ни одной буквы, которое можно только консервировать, но не развивать. В дальнейшем мы увидим, что Ленин даже требует «пересмотра» энгельсовых естественно-научных взглядов. Ленин не хочет засушить марксизм, но он видит, что позитивные, естественные и общественные науки, как отражения явлений в природе и обществе, сметая во времени некоторые частные, во времени же возникшие положения диалектического материализма, все более и более подтверждают его основные принципы; и потому он идет навстречу этим завоеваниям в области естественных наук, но чрезвычайно чутко и осторожно относится ко всяким философским обобщениям буржуазных естествоиспытателей. «Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии». Почему? По той же самой причине, по какой нельзя верить ни одному буржуазному экономисту, коль скоро дело заходит об общей теории политической экономии, хотя пролетариат может и должен пользоваться данными этих буржуазных экономистов в области фактических, специальных исследований.

Такой взгляд Ленина на философию, как на классовую науку, на профессоров-экономистов, как на «ученых приказчиков класса капиталистов», наконец, на профессоров философии, как на «ученых приказчиков теологов», заставляет его следующим образом формулировать задачи марксизма по отношению к буржуазной философии и науке вообще: «Задача марксистов и тут, и там (в политической экономии и философии. — *И. Л.*) усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказ-

чиков), и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»[1].

2.

Как мы видели, Ленин настаивает на полной чистоте диалектического материализма, как единственно правильной философии; что касается естественных наук, Ленин настаивает на всемерном использовании их завоеваний, справедливо полагая, что, по самому существу своему, они не могут дать ничего иного, кроме подтверждения истин диалектического материализма в области природы и истории.

Столь же ясных и отчетливо обозначенных позиций требует Ленин и от своих философских противников. Он придерживается марксистской терминологии и вслед за Энгельсом признает только два основных направления в философии: материализм и идеализм. К этим двум направлениям он сводит решение не только основной проблемы в философии: о взаимоотношениях суб'екта и об'екта, но и решения проблемы причинности, свободы, «опыта» и т. д.

Действительно, в разных терминах можно говорить, как это исторически и было, об одном вопросе. Можно говорить в терминах XVII века о протяжении и мышлении, в терминах XVIII века — о материи и духе, в терминах первой половины XIX столетия — о природе и духе, об об'екте и суб'екте, о вещи и «я», в марксистских терминах — о бытии и сознании, вообще о материальном и идеальном, — и только, третьего нет, если не впадать в эклектизм. Такой постановки вопроса и требует Ленин. Он отмечает, что философскими классиками, независимо от разрешения ими самого вопроса, вопрос этот ставился именно так. Он отмечает такую постановку не только у Энгельса, но и у суб'ективного идеалиста Беркли. Он мог бы напомнить о такой же постановке и у другого суб'ективного идеалиста, Фихте старшего: «Очевидно, что совместимы лишь представления о самостоятельности «я» и самостоятельности вещи, но не сама самостоятельность их. Только что-нибудь одно может быть первым, начальным, независимым, второе уже потому, что оно второе, необходимо будет зависеть от первого, с которым оно должно

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 280.

быть соединено»[1]. По ясности и четкости мысли это положение соперничает с энгельсовым.

Материализм и идеализм составляют, таким образом, два основных направления, две «партии» в философии. Содержание их известно. Мы приведем лишь ленинскую формулировку: «Материализм — признание «об'ектов в себе» или вне ума, идеи и ощущения — копии или отражения этих об'ектов. Противоположное учение (идеализм): об'екты не существуют «вне ума», об'екты суть «комбинации ощущений».

Читатель видит, что Ленин, говоря об ощущениях как об источнике нашего знания, останавливается на одном классическом направлении в теории познания, на сенсуализме, оставляя в стороне рационализм, по которому основным и единственно достоверным источником знания является наш разум. Это обстоятельство об'ясняется исторически. Противники Ленина, махисты, восстав против материалистической философии, сохранили сенсуализм как теорию познания: все знание из ощущений. Но сенсуализм, оторванный от своей материалистической основы: наши ощущения суть следствия воздействия на нас внешних об'ектов, — неизбежно превращается в идеализм: мне даны только ощущения, и кроме них ничего нет, ощущения и суть об'ективная действительность; а при последовательном развитии — в суб'ективный идеализм, в солипсизм: мне даны только *мои* ощущения, и все, что я вижу, слышу, осязаю, суть *мои* же ощущения, но только «об'ективированные».

«Чистый» сенсуализм замыкается в свои ощущения, они для него хотя и не произвольны, но самостоятельны, самодовлеющи; они и только они составляют для него «внешний мир», который, таким образом, *отождествляется* с совокупностью ощущений. Стало быть, для такого сенсуалиста его ощущения — непроходимая пропасть, отделяющая от него мир об'ектов. Напротив, для материалистического сенсуалиста ощущения — лишь мост, соединяющий его с внешним миром, с природой, частью которой он сам является. Познаваемый об'ект действует на органы чувств познающего суб'екта; ощущения и являются такими воздействиями об'екта на наши внешние чувства. Стало быть, наши представления суть отображения, как бы копии, внешних предметов, существующих вне нас и помимо нас.

---

[1] И. *Фихте*, Первое введение в наукословие, § 5.

Ленин вполне понимает разницу между диалектическим материализмом и наивным реализмом, т. е. взглядами нефилософского, так называемого здравого рассудка. Последний наивно считает, что предметы таковы, какими мы их, например, видим, обоняем; цвет, вкус, запах суть чувственные свойства, которые об'ективно в вещах не существуют, хотя и вызываются об'ективными качествами. Но за исключением этих вторичных свойств самим вещам об'ективно присущи качества первичные, например, величина, фигура, данное положение. Чистый идеалист совершает ту ошибку, что и эти первичные качества вещей переносит в сознание суб'екта, который, таким образом, остается один со своими ощущениями. Это, по остроумному выражению, принимаемому Лениным, — «мировоззрение без мира». Впрочем, принужденный искать причину своих непроизвольных ощущений, Беркли находит ее в... боге. И этот призрак постоянно витает над суб'ективным идеалистом, в какие бы философские одежды он себя ни облекал. Такое удвоение природы, действительности чуждо материалисту. «Для всякого естествоиспытателя, не сбитого с толку профессорской философией, как и для всякого материалиста ощущение есть действительно непосредственная связь с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания».

Призрак божества, сказали мы, постоянно витает над идеалистом. Выражаются еще более определенно: идеализм есть поповщина. В известном смысле это правильно. Но без дальнейшего об'яснения, без глубокого осмысливания последнее положение является лишь звонкой агитационной фразой. Приравнивание философского идеализма к поповщине без дальнейших слов, без уяснения тех путей и условий, при которых идеализм становится поповщиной, есть упрощение, вульгаризация, отказ от вопроса, есть возвращение к изжитой уже точке зрения просветителей XVIII века. Эти просветители, в том числе и французские атеисты XVIII века, решали вопрос быстро и просто: религия есть поповский обман; бога выдумали попы; идеализм есть та же поповщина; спасти людей от этой поповщины может только просвещение, разум; просвещенный человек не может быть верующим и идеалистом.

Повторяем, в известном смысле правильно, что идеализм есть поповщина и что «просвещенный» человек не может быть идеалистом. Однако многие «просвещенные» люди остаются идеали-

стами. Очевидно, что от идеалистической теории познания к поповщине лежит известный путь, точно так же, как от материалистического сенсуализма к атеизму.

Если эти пути и достаточно широки, чтобы привести к цели, то они протекают по двум направлениям: во-первых, путь исторический, социально-исторический, главный, основной, а во-вторых, и путь логический. Это означает, что религия, поповщина, идеализм имеют классовую подоплеку, коренятся в условиях классового общества со специфическими интересами господствующих классов; это означает, во-вторых, что религия, поповщина имеют и определенные теоретико-познавательные корни, из которых они и растут, как пустоцветы.

XVIII век не имел исторической науки в строгом смысле слова; атеисты XVIII века, французские материалисты, отличались в своих воззрениях, так сказать, антиисторизмом; далее, как известно, они не были диалектиками. Этим и об'ясняется их прямолинейность в разбираемом вопросе. Диалектический материалист, быть может, сходится с ними в окончательной оценке, но зато он не упрощает самого процесса, он богат анализом проблемы.

«Философский идеализм, — пишет Ленин спустя некоторое время после «Материализма и эмпириокритицизма», когда он вновь «засел» за Гегеля, — есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма, философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, überschwängliches (Dietzgen) развитие (раздувание, распухивание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть («вернее» и «кроме того») дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека» [1].

Таким образом, если идеализм является поповщиной, то предварительно он бывает дорогой к этой поповщине. Стоя перед проблемой соотношения протяжения и мышления, материи и души, природы и духа, об'екта и суб'екта, бытия и сознания, идеалист обращает внимание лишь на вторые члены приведенных дилемм: он преувеличивает, раздувает лишь эту сторону действи-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII, стр. 304.

тельности, он отрывает дух от природы, суб'екта от об'екта, мышление от протяжения; он одну грань превращает в целое, в абсолют: он тем самым обожествляет эту сторону. Таков теоретико-познавательный путь идеалиста, такова его гносеологическая ошибка.

Конечно, аналогичную по методу заблуждения ошибку допускает и тот «ура-материалист», который наотмашь выбрасывает из действительности мышление, суб'екта, сознание, который силится изобразить мысль в виде материального же выделения мозга, подобно тому как желчь является выделением печени. Он также закрывает глаза на одну из сторон действительности, вместо того чтобы об'яснить ее.

Только концепция диалектического материалиста представляет, по праву, аналог действительности; эта концепция заключается в единстве (не тождестве, идентификации) об'екта и суб'екта. Поскольку действительность есть об'ект, есть природа, поскольку ей свойственно протяжение, поскольку дана уже ее материальность, постольку, стало быть, дана и материальная установка познания. Но в этом первом, начальном, независимом есть и второе, необходимо зависящее от первого, с которым оно соединено, именно то, что было отнесено нами во вторые члены приведенных выше соотношений — суб'ект, сознание, мышление. Такова диалектико-материалистическая постановка вопроса, таково его разрешение.

Продолжая анализ путей идеализма и далее от идеализма к поповщине, Ленин пишет: «Познание человека не есть (resp. не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную целую прямую (линию), которая, если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, суб'ективизм и суб'ективная слепота — voilà гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= философского идеализма), конечно, есть гносеологические корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, об'ективного, абсолютного человеческого познания»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, издание второе, т. XIII. стр. 304.

В этом отрывке чрезвычайно ценным является набросок диалектического пути познания, к чему нам придется вернуться в своем месте. Далее ценно указание на гносеологические корни поповщины. Просветителям XVIII века, очевидно, неизмеримо далеко до такой постановки вопроса. Поповщина, оказывается, не просто обман. Она — пустоцвет, но пустоцвет, логически вытекающий при односторонности и суб'ективной слепоте познания.

Эту суб'ективную слепоту закрепляет классовый интерес, и тогда перед нами действительная, безудержная махровая поповщина, воинствующий идеализм, в философской плоскости готовый предать безбожников-материалистов уничтожающему огню. Такой процесс мы имеем у суб'ективного идеалиста, епископа Беркли. Такой конец при известных условиях, в перспективе, пусть далекой, грозит и тому, кто с материалистического пути сворачивает на путь идеализма, хотя бы в силу того, что к цельному зданию марксизма пытается приладить идеалистическую пристройку. Если говорить о теории познания, то уберечь от такого конца, повернуть на правильный путь способна лишь материалистическая диалектика.

Неупрощенное, истинно-научное представление Ленина о связи философского идеализма с тем или иным конфессионализмом, т. е. поповщиной, конечно, нисколько не ослабляет ленинских требований борьбы с религиозными воззрениями. Напротив, эта борьба связывается с борьбой против идеализма. Поскольку последний переходит в поповщину, постольку, — зло следует пресекать в корне, — необходима борьба с философским идеализмом, ибо он представляет собой «гносеологический корень» религии. Поэтому-то первой практической задачей воинствующего материализма, по мысли Ленина, является «неуклонное разоблачение и преследование всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки, или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократически-левыми или идейно-социалистическими публицистами». Резкая постановка вопроса — или с нами за материализм, или с идеализмом против нас — уже известна нам. Идеализм означает фидеизм, а в конечном счете и всякого рода и толка поповщину; материализм означает науку, атеизм.

Отсюда вторая практическая задача, теснейшим образом связанная с первой: воинствующий материализм не может не быть воинствующим атеизмом. Атеистическая пропаганда, пропаганда

глубоко-научная по содержанию, должна быть не в тени, но всемерно проводиться и внедряться в широкие еще темные массы. Атеизм, это — своего рода практическая философия, практическая сторона, или одна из таких сторон, диалектического материализма.

Атеистическая пропаганда особенно широко применялась французскими материалистами XVIII века, идеологами и философами буржуазии, когда эта последняя была еще революционным классом. Ленин считает «стыдом», что мы до сих пор не использовали этой атеистической литературы, что мы мало переводим на русский язык французских материалистов. Указания на то, что эта литература «устарела, ненаучна, наивна», Ленин считает «либо педантством, либо полным непониманием марксизма». «Бойкая, живая, талантливая, остроумная и открыто нападающая на господствующую поповщину, публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, неиллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами, пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают»[1].

Конечно, одной литературной пропаганды атеизма не достаточно для уничтожения религии. Религия есть явление общественное; она связана с определенным, чрезвычайно длительным периодом в истории человечества, периодом, именуемым классовым обществом. Но, подобно тому как пролетариат ускоряет гибель классового общества, он должен ускорять и гибель религии.

Практическая пропаганда атеизма предполагает и теоретический анализ истории религий, и теоретический анализ «гносеологических корней» религиозного мировоззрения. Поэтому, даже отправляясь от указанных практических целей, марксист-теоретик должен сосредоточить свое внимание на анализе и критике отдельных разновидностей идеалистической теории познания. Этому последнему делу Ленин уделил немало места и времени, останавливаясь не только на принципах, но и на наиболее крупных характерных деталях.

---

[1] В. И. Ленин, О значении воинствующего материализма, «Под знаменем марксизма» № 3 за 1922 г.

Наметив в своей основной работе «Материализм и эмпириокритицизм» принципиальные пути расхождения материалистов и идеалистов, — что особенно любопытно, — одинаково отправляющихся от сенсуализма, Ленин затем показывает некоторые несущественные видоизменения, какие классический тип суб'ективного идеализма Беркли претерпел у эмпириокритиков Авенариуса и Маха, духовных руководителей «эмпириомониста» Богданова, «эмпириосимволиста» Юшкевича и других русских ревизионистов, пытавшихся под исторический материализм Маркса и Энгельса подвести философский фундамент того же, в конечном счете, суб'ективного идеализма. Он добросовестно исследует и обнаруживает у Маха и Авенариуса попытки «протащить» материализм, отмечает их значительный философский эклектизм, переходящий у русских «махистов» в изрядную путаницу. Он вскрывает все терминологические оболочки махистов, прикрывающие идеализм. Маховы элементы «физического» и «психического» не вводят Ленина в заблуждение. Эти элементы, существующие лишь вместе, оказываются попросту другим названием ощущений, из которых, по Маху, состоит все существующее. Материальные тела выступают как «комплексы ощущений». Подобно «элементам физического», Ленин разоблачает и махистское понимание опыта. Различные определения этого понятия выражают все те же две основные линии в философии. В руках идеалистов-сенсуалистов самое понятие «опыта» может превратиться в идеалистическое. Поэтому не приходится доверять столь реалистически звучащему названию Богданова: «философия живого опыта». «Под словом «опыт», — говорит Ленин, — несомненно, может скрываться и материалистическая, и идеалистическая линия в философии, а равно и юмистская и кантианская, но ни определение опыта как предмета исследования, ни определение его как средства познания ничего еще не решает в этом отношении». Основным вопросом, решающим вопросом продолжает оставаться проблема отношения бытия и сознания.

Идеалистическая сущность «опыта» выявляется, например, у Богданова, когда он определяет природу, как производное от «социально-организованного опыта живых существ». Материалистическое положение, очевидно, прямо противоположно, и Ленин остроумно указывает, что было время, когда была природа, но не было «ни социальности, ни организованности, ни опыта, ни живых существ». Богдановское определение природы приравн-

нивает ее разве что к богу, ибо последний несомненно есть производное от социально-организованного опыта живых существ на известной ступени их развития.

В нашей работе нет возможности следить за всеми этапами этой полемики, этой защиты Лениным диалектического материализма, которая почти на каждом шагу переходит в наступление. Ясные параллели, какие часто проводит Ленин, между марксизмом и махизмом как бы подытоживают отдельные этапы этой борьбы.

Основной вопрос философии решается этими направлениями в формулировке Ленина так: «Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением... Махизм стоит на противоположной, идеалистической, точке зрения и сразу приводит к бессмыслице, ибо, во-первых, за первичное берется ощущение вопреки тому, что оно связано лишь с определенными процессами в определенным образом организованной материи; а, во-вторых, основная посылка, что тела суть комплексы ощущений, нарушается предположением о существовании других живых существ и вообще других «комплексов», кроме данного великого Я» [1].

3.

Со слов Ленина мы знаем уже, в чем заключается основная точка зрения материализма. Она не догматична, ибо диалектический материализм не считает представлений вполне адекватными вещам. Мы представляем себе предмет, но он не вполне таков, как отражает его наше представление. Быть может, вещь, как она существует сама по себе, «вещь в себе», в кантовской терминологии, не будучи п о з н а н а нами вполне, является вовсе непознаваемой? Быть может, мы навсегда самым устройством нашим обречены на невозможность познавать вещи в себе, довольствуясь «вещами для нас», в корне отличными от первых, так что мы никогда не можем наметить хотя бы одно свойство вещи в себе? Коротко говоря, быть может, явление п р и н ц и п и а л ь н о от-

---

[1] В. И. Л е н и н, Сочинения, издание второе, т. XIII, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 37.

лично от вещи? На такой позиции остановились Кант и агностики, последователи английского философа Юма. Мы знаем только явления, но какова вещь в себе, мы не можем сказать даже приблизительно, — такова их позиция.

Такое разграничение в принципе вещи и явления никогда не было положением материализма. Не является оно и положением диалектического материализма. Но историческая справедливость требует сказать, что первую блестящую критику непознаваемости кантовской «вещи в себе», критику в теоретическом разрезе, именно в разрезе диалектической логики, дал Гегель. Он уже восстал против кантовского утверждения, что «формы мышления не имеют приложения к вещам в себе». Материалистически переработанная диалектическая аргументация Гегеля вошла в диалектический материализм, оставаясь, однако, лишь частью собственной аргументации марксизма.

Ленин не мог не обратить должного внимания на эту гегелевскую критику при чтении первой части его «Науки логики». В ленинском «Конспекте» мы встречаем несколько соответствующих цитат из Гегеля с собственными его соображениями по их поводу.

Трансцендентальный идеализм, или «критическая философия», у Канта представляет собой попытку разобраться в отношении между тремя моментами: «мы, мышление, вещи». Как видит читатель, это — все тот же основной вопрос философии, вопрос об отношении мышления к бытию. Это отношение представляется Канту в таком виде: «мы» стоим посредине, т. е. между «вещами» и «мышлением», эта середина, вместо того чтобы соединять оба крайних момента, раз'единяет их. На это Гегель отвечает, что «самые эти вещи, кои будто бы стоят по ту сторону наших мыслей, сами суть мысленные вещи», а так наз. «вещь в себе» — лишь одна мысленная пустая отвлеченность».

По поводу этих соображений Ленин замечает: «Суть довода по-моему: 1) у Канта познание разгораживает природу и человека; на деле оно соединяет их; 2) у Канта пустая абстракция вещи в себе на место живого шествия, движения, знания нашего о вещах все глубже и глубже» [1].

Первое замечание Ленина восходит, как к логическому источнику, к диалектике сущности и явления, внутреннего и внешнего.

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 39.

вещи и ее свойств. Нельзя отрывать «сущность» вещи от свойств, составляющих в процессе познания наше достояние. «Сущность» вещи не есть нечто особенное, отличное от свойств той же вещи, свойств, которые мы мало-по-малу познаем. Поэтому, если уж ставить «нас» между «вещами» и «мышлением», то следует сказать, что мы не разделяем эти два момента, а соединяем их, т. е. в процессе познавания мы приближаем вещь к нашему мышлению, сближаем предмет мышления с мышлением об этом предмете. Неправильным будет положение: явление имеет границы, за которыми скрывается сущность. Не явление имеет границу, а различие между явлением и сущностью имеет границу, за которой уже нет этого различия.

Второе замечание Ленина требует пояснения. Что означают слова Гегеля, которые Ленин выписывает в своем «Конспекте»: «Ding-an-sich — eine sehr einfache Abstraktion»? (Вещь в себе — простейшая абстракция.) Ведь мы привыкли говорить и думать, что вещи в себе существуют, это — предметы, как они существуют сами по себе, а не как преломляются через наши органы чувств.

Дело в том, что в своей «Трансцендентальной эстетике» Кант придерживается именно такого взгляда. Вещи в себе существуют вне нас, они аффицируют нас, т. е. воздействуют на нас. Но, как известно, внешний мир рассекается Кантом на части. Мы не можем говорить, с его точки зрения, о пространстве и времени по отношению к вещам в себе. Далее, единство, множество, причинность, взаимодействие, даже существование, — как это следует из «Трансцендентальной аналитики», — неприменимы к вещам в себе; это лишь априорные категории рассудка, а не категории об'ективной действительности, т. е. тех же вещей в себе. Последние лишены всех этих определений; от вещи в себе остается тень, призрак, все ее определения переданы Кантом чувственности и рассудку. Она, действительно, есть абстракция от всякого определения, об'ективно говоря — ничто, суб'ективно — «предельное понятие».

И вот Ленин при чтении Гегеля пишет, излагая для себя его мысль: «Кажется мудростью изречение, что мы не знаем, что такое «вещи в себе». «Вещь в себе» есть абстракция от всякого определения (от всякого отношения к другому), т. е. ничто. Следовательно «вещь в себе» «не что иное, как ложная, пустая отвлеченность» [1].

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр 67.

Если спросить о такой «вещи в себе», что же она представляет, то ответить невозможно, ибо сам вопрос оказывается нелепым; нельзя спрашивать о том, что ничем об'ективно не определяется.

Материалистически прорабатывая проблему вещи в себе, Ленин замечает здесь же: «Это очень глубоко: вещь в себе и ее превращение в вещь для других (ср. Энгельс). Вещь в себе есть вообще пустая, безжизненная абстракция. В жизни, в движении все и вся бывает как в «себе», так и «для других», в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое»[1].

В том-то и суть, что вещь в себе существует не «вообще», т. е. без всяких дальнейших определений, а как определенные вещи в себе, т. е. как вполне определенные, конкретные предметы вне нас, со множеством качеств и свойств, которые в процессе познания становятся нам известными, из непознанных становятся познанными, будучи тем самым принципиально познаваемыми.

Старые материалисты считали внешний мир познаваемым, но перед ними не вставала отчетливо самая проблема. Кант эту проблему поставил, но дал неправильное решение ее. Гегель решил ее, исходя из диалектического метода, но решил, во-первых, исключительно в плоскости логической, а во-вторых, в духе идеализма, т. е. дал перевернутое решение, поставленное на голову: вещь в себе, сущность вещи познаваема, но сама вещь есть лишь одна из ступенек самого себя познающего абсолютного духа. И только диалектический материализм все «поставил на свое место», т. е. адекватно отразил об'ективное положение дела: материальные вещи существуют вне нашего сознания, мы можем познавать их и познаем. По содержанию это было возвратом к точке зрения старых материалистов, по форме — нет, потому что диалектический материализм проанализировал и решил проблему; результат был обогащен всем предшествующим развитием этой проблемы.

4.

Но для утверждения диалектического единства вещей и явлений, внутреннего и внешнего, кроме сказанного, необходимо еще определенное теоретико-познавательное обоснование, которое долж-

---

[1] Там же, стр. 67.

но ответить на существенный вопрос: в чем критерий истинности наших представлений? Маркс в своем II тезисе о Фейербахе указал в нескольких словах этот критерий: «Вопрос о том, — говорит он, — свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а практический вопрос. На практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность, и силу, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто схоластический вопрос»[1]. Энгельс также настаивал на этом критерии познания. В «Людвиге Фейербахе» он останавливается на анализе «непознаваемой» вещи в себе Канта. Заставляя данную вещь служить нашим целям, извлекая из нее то или иное вещество (например, ализарин из каменноугольного дегтя), мы тем самым доказываем истинность нашего знания о вещи, тем самым превращаем «вещь в себе» в «вещь для нас».

Попытка идеализма исключительно теоретически разрешить этот вопрос есть попытка с недостаточными средствами. Когда же говорят, что теория в данном случае приводит к скептицизму, к агностицизму Юма или к трансцендентальному идеализму Канта и, значит, истина лежит в этих философских направлениях, то такое заявление не может иметь никакой цены. Теоретическое «решение» вопроса не есть его разрешение, ибо теоретически он полностью неразрешим.

«Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания». Эту сторону гносеологии марксизма усиленно подчеркивает и талантливо развивает Ленин. Эта точка зрения «приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные размышления профессорской схоластики. Критерий практики не может, конечно, никогда полностью отвергнуть или подтвердить наши представления. Однако это не препятствует ему быть критерием истинности, ибо другого критерия нет. Если он и «неопределенен», то настолько, чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разнородностями идеализма и агностицизма».

С практикой, как критерием истины, дело обстоит точно так же, как и с ощущением в качестве первичного момента процесса

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924, стр. 200.

познания. Идеалисты рационалистического толка выдвигают против материалистов то положение, что ощущение — недостоверный источник познания. «Чувства» нас обманывают, — говорили рационалисты XVII и XVIII веков. В известном смысле это правильно: чувственное солнце, т. е. то солнце, которое представляется нашим глазам небольшим кругом, не есть солнце астрономическое. Но правы были уже французские материалисты, когда они возражали рационалистам, что хотя ощущения и не являются «идеальным», абсолютно достоверным источником познания, но другого первого источника познания у нас нет. Так и с практикой в качестве критерия истины. Если она и не является, по Ленину, «идеальным» критерием, то «другого критерия нет». И никакая «согласованность» «высказываний» «сочеловеков» Богданова с его «гносеологическим демократизмом» помочь или улучшить дело не может. Все это в лучшем случае не противоречит практике, как критерию истины, но не противоречит так, как лошадь, привязанная к автомобилю и бегущая в одном с ним направлении, «не противоречит» этому самому автомобилю.

Попытка найти критерий истины исключительно силою теории неминуемо должна привести или к полному отказу от истины, к скептицизму, к абсолютному релятивизму, или, вопреки самой теории, к фидеизму, к вере в бога, который совпадает с истиной и в котором «воплощается» истина. Между тем соединение теории с практикой, т. е. «господство над теорией, проявляющее себя в практике человечества, есть результат об'ективно верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть об'ективная, абсолютная, вечная истина».

Так писал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». К этой же проблеме он вернулся, и не мог не вернуться, в 1914 году при проработке «Науки логики» Гегеля. Это об'ясняется тем, что у диалектического идеалиста Гегеля имеются глубокие рассуждения на тему о практике. Нужно только иметь в виду, что в терминологию Гегеля Ленин повсюду вкладывает материалистическое содержание. «Теоретическая и д е я» для Ленина — теория, «практическая идея» — практика; «понятие» — познание, «суб'ективная идея» — человеческое познание; «об'ект», «об'ективная идея» — «материальное бытие»; «абсолютная идея» — полная истина.

Онтологическое содержание философии Гегеля, его система идеалистична, но им верно были схвачены связи и последователь-

ности отдельных элементов бытия. Поэтому-то столь легко вскрывается у Гегеля «рациональное зерно» при материалистической переработке онтологического содержания его системы. Поэтому-то прав был Ленин, когда писал о Гегеле по вопросу о практике: «Замечательно: к «идее», как совпадению понятия с об'ектом, к идее, как *истине*, Гегель подходит *через* практическую, целесообразную деятельность человека. Вплотную подход к тому, что *практикой* своей доказывает человек об'ективную правильность своих идей, понятий, знаний, науки»[1].

Первый тезис Маркса о Фейербахе с указанием на то, что главный недостаток старого материализма — до фейербаховского включительно — заключался в рассматривании об'екта в форме созерцания, а не как чувственно-человеческой деятельности, не суб'ективно, обычно понимается как требование Маркса перейти к материализму действенному. Это, конечно, верно, но дело в том, что действенность, как мы уже говорили вначале, наступает не после теории, а пронизывает самое теорию. Это положение в особенности играет роль в таком, как будто чисто теоретико-познавательном вопросе, как вопрос о критерии истины. Так как, как дальше указывает Маркс в том же тезисе, «действенная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом», т. е. именно Гегелем, то и у самого Гегеля действенный момент не стоял особняком от проблемы критерия истины. Все это позволило Ленину в следующих словах решить этот любопытный историко-философский вопрос: «Несомненно, практика стоит у Гегеля как звено в анализе процесса познания и именно как переход к об'ективной («абсолютной», по Гегелю) истине. Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания: см. тезисы о Фейербахе»[2].

Маркс писал, что идеализм развивал действенную сторону абстрактно, так как он «естественно не знает действительной, чувственной деятельности, как таковой». В том-то и дело, что правильно включая практику в теорию познания, правильно указывая ей место между суб'ектом и об'ектом, Гегель помещал ее в качестве практической *идеи*, так сказать, между суб'ективной и об'ективной, абсолютной, *идеями*. Поэтому у него получилось своего рода «логизирование» практики вместо, если так можно выразиться,

---

[1] В. И. *Ленин*, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 219.

[2] Там же, стр. 257.

«практицирования» логики, теории познания; другими словами, практику он растворял, реализовывал в логике вместо того, чтобы логику растворять, реализовывать в практике.

Деятельность человека Гегель, выражаясь словами Ленина, «тщится и пыжится» подвести под категории логики, рассматривая ее как одну из фигур заключения, а человека как члена этой фигуры. На самом деле такую концепцию нужно перевернуть, ибо в гегелевском виде — практика человека как инобытие логической фигуры — есть абсолютный идеализм. На самом деле картина следующая: познающий суб'ект имеет перед собой независимую от него наличную действительность. Гегелевская логическая фигура принимает следующий вид: первая посылка — суб'ективная цель человека против внешней действительности; вторая посылка — воздействие на нее при помощи средства, орудия; вывод — «совпадение суб'екта и об'екта, проверка суб'ективных идей, критерий об'ективной истины». Это значит, что «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» [1].

Если «результат действия есть проверка суб'ективного познания и критерий истинносущей об'ективности», то это не значит, что действие видоизменяет лишь наше познание, например, из ложного, ошибочного, неточного превращает его в истинное, безошибочное, точное, оставляя в то же время об'ект воздействия в неприкосновенности. В результате практики, практического воздействия на внешний об'ект изменяется, во всяком случае может измениться, не только наше познание (если оно до того было неверным), но и сам внешний об'ект. В этом смысле можно сказать, что практика не только проверяет истину нашего познания, но и создает об'ективную истину, или, говоря словами Ленина, пользующееся практикой «сознание человека не только отражает об'ективный мир, но и творит его».

Человек может нарочно поставить себе задачу практикой, практическим экспериментом проверить истинность своих представлений, но «миллиарды раз» повторяющаяся практическая деятельность его показывает, что мир в своей данности не удовлетво-

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 267; ср. также стр. 219.

ряет человека, и последний «миллиарды раз» стихийно действием своим изменяет его.

В этой стихийной практике повседневно опровергается непознаваемость действительности, ее «внешность» и доказывается путем изменения этой внешности познаваемость ее внутренности. «Деятельность человека, — пишет Ленин, — составившего себе об'ективную картину мира, изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (=меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает от нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (= об'ективной истиной) [1].

К вопросу об об'ективной и абсолютной истине в понимании Ленина мы еще вернемся, сейчас же необходимо указать, что, как видно из изложенного, говоря о человеческой практике, Ленин отнюдь не имеет в виду буржуазного практицизма [2]. Усматривание критерия истинности в практицизме, в полезности, в «экономности» неизбежно отбрасывает нас снова в бездну релятивизма и суб'ективизма и удаляет от об'ективной истины. «Мышление человека, — говорит Ленин, — тогда «экономно», когда оно правильно отражает об'ективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия». Практика индустрии, очевидно, не есть практицизм полезности. Не то познание истинно, которое полезно, но то познание полезно, которое истинно. «Познание может быть биологически полезным, полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если оно отражает об'ективную истину, не зависящую от человека».

Итак, в интересах истинности нашего познания мы должны совершить прыжок, — как говорит Ленин, — от теории к практике. Этот прыжок, или эти прыжки, мы, собственно, совершаем повседневно, и поэтому нет никакого основания и при вырешении принципиальных и, казалось бы, отвлеченных проблем отказываться от этого союза, отгораживать теорию от практики. Такое отгораживание Ленин называет обскурантизмом. «Вся живая человеческая практика врывается в самую теорию познания, давая об'ективный критерий истины» [3].

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 269.

[2] См. А. Деборин, Ленин как мыслитель, изд. 2-е, М., 1925, стр. 16.

[3] Ср. также IX Лен. сборн., стр. 271. «Единство познания и практики.. единство именно в теории познания, ибо в сумме получается... об'ективная истина».

Однако такой единственно научный методологический прием чреват при последовательном мышлении определенным философским выводом: «Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получаем материализм», — говорит марксист словами Ленина. Действительно, практика в понимании Ленина, практика как эсперимент, как индустрия, глубоко материалистична и не оставляет идеализму никакого убежища.

В таком случае, — отвечает махист, — «практика пусть будет материалистична, а теория — особая статья!» К такому ответу, к такому антидиалектическому отрыву теории от практики и сводятся ответы философов-идеалистов. Но, в то время как их теория не в силах подтвердить их идеалистическую точку зрения, «человеческая практика доказывает правильность материалистической теории познания».

Нужно об'ективно признать, что приведенные рассуждения Ленина о критерии практики в теории познания составляют ценный вклад в теорию диалектического материализма и являются такими моментами его, с которыми хотя и не будут соглашаться философы-идеалисты, но с которыми они должны будут считаться.

5.

Если бы мы захотели словами самого Ленина схематически изложить полученные нами результаты, мы должны были бы сказать:

«1. Существуют вещи независимо от нашего сознания, независимо от нашего ощущения, вне нас...

2. Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано...

3. В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из н е з н а н и я является з н а н и е, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [1].

Если первые два положения уже не требуют пояснений, то на третьем пункте следует несколько остановиться, — кстати он еще полнее освещает второй тезис. В третьем пункте в немногих словах выражено одно из основных теоретико-познавательных поло-

[1] В. И. Л е н и н, Сочинения, издание второе, т. XIII, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 84.

жений, от Гегеля перешедшее к Марксу и, как видим, к Ленину: коротко оно может быть выражено так: знание есть процесс, процесс диалектический. Наши представления не адекватно отражают вещи, наше знание приспособляется к вещам, но в каждый данный момент оно не «приспособлено к ним вполне». В XVIII веке последние элементы материи видели в физических молекулах; молекулы были последним словом науки, но видеть в них предел человеческих знаний, считать представления адекватными предмету могли только люди с метафизической, застойной складкой мышления. На известной ступени развития знания предмет показал себя в опыте с иной стороны, которая не могла быть охвачена тогдашним знанием. Предмет знания оказался в противоречии с знанием предмета. Это противоречие подвинуло вперед знание, которое должно было приспособиться к новому явлению предмета. Только после создания новой науки, химии, знание предмета стало относительно адекватным предмету знания; химические явления могли быть об'яснены при перестройке наших представлений, когда последний предел материи был найден в атоме. Противоречие между предметом и понятием, движущий момент знания, разрешилось в высшем, относительном единстве. Но внутри этого нового единства назревает новое противоречие. Опыт дает нам явления, которые не могут быть постигнуты с точки зрения химии атомов. Это новое противоречие разрешается в новом единстве. электронная теория, новая ступень знания, является новым приспособлением понятия предмета к предмету понятия. Но и это приспособление, конечно, не абсолютно, не вечно.

Эта диалектическая точка зрения есть мощь марксизма, который весь во всех областях пропитан ею. Этот диалектический принцип ставит марксизм неизмеримо выше всякой метафизической идеалистической системы. Только понимание знания как процесса способно преодолеть разрыв между «вещью в себе» и «вещью для нас». И это понимал Ленин. «Предметы наших представлений,—писал он в «Материализме и эмпириокритицизме»,—отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя только часть или одна сторона первой, как сам человек одна частичка отражаемой в его представлениях природы». Но знание есть процесс, и то, что вчера было «вещью в себе», сегодня становится «вещью для нас».

Возвращаясь к этой же проблеме через шесть лет, Ленин пишет: «Отдельное бытие (предмет, явление, etc.) есть (лишь) одна

сторона идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (особо для себя существующими). Лишь в их совокупности и в их отношении реализуется истина»[1].

Если, говоря гегелевским языком, идея есть простая истина, тождество понятия и об'ективности, т. е. познание человека есть совпадение его представлений и понятий с об'ективностью, то это значит, что идея есть «отношение сущей для себя суб'ективности простого понятия и отличенной от него об'ективности», т. е. познание человека есть отношение якобы самостоятельных представлений и понятий человека к отличной от этих представлений и понятий об'ективности.

Но дело в том, что «суб'ективность» стремится уничтожить это отделение себя от «об'ективности» и уничтожает его; в практике представления предмета преодолевают моменты, отделяющие их от предмета представлений. Отсюда следует, что отношение представлений предмета и предмета представлений не есть отношение застывшее, раз навсегда данное, что познание есть отношение вечно снимающее само себя, есть процесс. «Познание, — говорит Ленин, — есть процесс погружения в неорганическую природу (ума) ради подчинения ее власти суб'екта и обобщения (познания общего в ее явлениях)... Совпадение мысли с об'ектом есть процесс. Мысль (=человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа) бледного (тусклого) без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль»[2].

6.

Метафизик-махист, перенеся и первичные качества вещей в сознание человека, думает, что он обогатил этим мир, что его действительность, его «элементы физического» обладают цветами, запахами, вкусами, и он прибегает к argumentm ab hominen, взывает не к разуму, а к чувству: материалист! твой мир беден,

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 227.

[2] Там же, стр. 225. Ср. также стр. 227: «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к об'екту. Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения возникновения противоречий и разрешения их».

он бесцветен, беззвучен, без запахов, мир вещей «в себе»! Воззвание к чувству не есть логический аргумент, и, по существу, беден мир метафизика, мир конечных, застывших предметов, а не мир диалектика, мир вечных процессов. «Для материалиста, — говорит Ленин, — мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны. Для материалиста наши ощущения суть образы единственной и последней об'ективной реальности, — последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что кроме нее нет и не может быть другой [1]».

Только с точки зрения диалектического процесса познания можно подходить к проблеме об'ективности истины. Эта проблема содержит два вопроса: во-первых, вопрос о том, существует ли об'ективная истина, т. е. истина, не зависящая от суб'екта, от представлений человека; во-вторых, если такая истина существует, то может ли она быть безусловно и абсолютно отражена в человеческих представлениях.

По Богданову, истина есть лишь идеологическая форма, организующая форма человеческого опыта (опыта не в материалистическом смысле этого слова). Если истина — лишь идеологическая форма, то она до конца суб'ективна, неотделима от человека и не соединима с внешним миром. Такое понимание истины вполне гармонирует с богдановскими гносеологическими предпосылками, но зато рвет с материализмом и естествознанием. Сущ-

ствование земли до человечества, следовательно, до какой бы то ни было «идеологической формы», есть об'ективная истина. Маховское «примысливание» человеком себя к тому времени, когда человека не было, есть лишь детская и весьма неискусная увертка. Раз нет об'ективной истины, нет и земли до суб'екта. «Спасти» основу естествознания может только материализм, сохраняя тем самым себя для естествознания, ибо основная посылка материализма утверждает независимость внешнего мира от познания.

Богдановское суб'ективистское понимание истины обязывает и к другим выводам: «если истина есть только организующая форма человеческого опыта, то, значит, истиной является и учение, скажем, католицизма»; эти выводы вполне последовательно делает за Богданова Ленин. «Об'ективность определяется так, что

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 105.

под это определение подходит учение религии, несомненно обладающее общезначимостью». Логика обязывает.

Частный вопрос об истине, в конце концов, вновь приводит к основному делению философии на два лагеря. В одном оказываются материалисты, вооруженные естественными науками; в другом — идеалисты со своей неизбежной спутницей — теологией. Ленин, при каждом удобном случае подчеркивающий это расхождение, формулирует его исчерпывающе и по данному вопросу: «Если существует об'ективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир в «опыте» человека, одно только способно давать нам об'ективную истину, то всякий фидеизм отвергается безусловно. Если же об'ективной истины нет, и истина (в том числе и научная) есть лишь организующая форма человеческого опыта, то этим самым признается основная посылка поповщины, открывается дверь для нее, очищается место для «организующих форм» религиозного опыта»[1]. Таким образом материалистическая философская предпосылка: ощущения суть результаты воздействия внешнего мира — влечет за собой и признание об'ективной истины.

Но об'ективная истина не есть непременно истина абсолютная. По вопросу об абсолютной и относительной истине Ленин привлекает диалектику знания как процесса и диалектику целого и частей.

Когда-то Энгельс зло издевался над дюринговыми окончательными, абсолютными истинами в последней инстанции, ибо эти направо и налево разбрасываемые Дюрингом «абсолютные» истины были по существу такими тривиальностями, избитостями, как наше анекдотическое «Волга впадает в Каспийское море». Но следовало ли отсюда, что Энгельс, признавший об'ективную истину, метафизически отказывал в признании истине абсолютной? Утверждение, что нет абсолютной истины, было бы столь же верно, как и утверждение, что человек обладает этой абсолютной истиной. Относительная истина человека не исключает абсолютной истины вселенной. «Бесконечность абсолютного познающего мышления, — говорит Энгельс в «Диалектике природы», — слагается из бесконечного количества конечных человеческих голов».

«Для Богданова, — говорит Ленин, — признание относительности наших знаний исключает самомалейшее допущение

---

[1] Там же, стр. 102.

абсолютной истины. Для Энгельса из относительных истин складывается абсолютная истина. Богданов — релятивист; Энгельс — диалектик». Относительная истина не есть истина абсолютная, как часть не есть целое, но всякая часть предполагает целое. Целое не есть части, но части составляют целое. Абсолютная истина не есть истина относительная, но первая составляется из совокупности вторых.

Как не было для диалектического материализма непроходимой грани между явлением и вещью, между внешним и внутренним, так нет непроходимой грани между относительной и абсолютной истинами. Теолог скажет, что абсолютная истина в боге; метафизик — что человек обладает абсолютной истиной, абсолютными ценностями; релятивист, видя в человеческих знаниях лишь относительную истину, впадает либо в абсолютный скептицизм, агностицизм, либо в суб'ективизм. И только диалектик, приобретая одну относительную истину за другой, будет приближаться к исчерпанию абсолютной истины. «Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания». Пределы приближения нашего знания к об'ективной, абсолютной истине, конечно, условны, но безусловно ее существование, безусловно наше приближение к ней.

Таким образом не только знание истины, но и сама истина есть процесс. Ленин так и записывает при чтении Гегеля: «Истина есть процесс. От суб'ективной идеи человек идет к об'ективной истине через практику (и технику)» [1].

Признавая условность, относительность наших знаний диалектический материализм признает справедливым и релятивизм. Однако хотя диалектика, — говорит Ленин вслед за Гегелем, — включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму. «Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания об'ективной истины,

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 237.

а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»[1].

В «Материализме и эмпириокритизме» Ленин представил диалектическое соотношение между относительным и абсолютным по частному поводу: по вопросу о понимании истины. Однако это соотношение он считал весьма важным, сугубо принципиальным. То, что имеет значение для человеческого познания, то действительно и в отношении бытия, ибо последнее является первичным, решающим.

Все относительно на земле! Это правильно, но этим положением не все еще сказано. И сама «относительность» лишь относительна. Самые ярые релятивисты логически оказываются несостоятельными, ибо они изменяют своему же собственному принципу. Утверждая, что все относительно, они возводят эту «относительность» в абсолют. Все относительно, — говорят они, — а «относительность» абсолютна! Их позиция, таким образом, противоречива и притом в самом дурном смысле слова, ибо эта противоречивость не может быть снята, преодолена.

Концепция марксизма — иная. Все относительно, — значит, и сама «относительность» также релятивна, значит, и отношение, различие между относительным и абсолютным лишь релятивно, а не абсолютно. Значит, в известном смысле мы можем говорить и об абсолютном. Таким образом действительно последовательное проведение точки зрения относительности приводит неизбежно к отрицанию этой точки зрения.

Материалистическая диалектика — против абсолюта в метафизическом смысле, т. е. оторванного от земных вещей и процессов. Релятивизм также против абсолютного. Но первая, будучи об'ективной, в самих вещах и процессах находит абсолютное; второй же, будучи суб'ективным, теряется в относительном и, исключая абсолютное в об'ективном, фактически возводит в абсолют суб'ективизм.

В общей и неизбежно абстрактной форме Ленин формулирует это так: «Отличие суб'ективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (об'ективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для об'ективной диалектики и в релятивном есть

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 112.

абсолютное. Для суб'ективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»[1].

Коммунистическое общество будущего, например, для релятивиста и скептика — «абсолют», в который он «не верит»; для диалектического материалиста это не метафизический абсолют, к которому нет доступа, который можно лишь «созерцать» в нечувственной интуиции, но то, в известном смысле, абсолютное, что складывается и проистекает из совокупности множества конечных и относительных вещей и процессов.

Таким образом эти блестящие и ясные положения Ленина также обогащают диалектический материализм и служат философским обоснованием не только прогресса знания, но и практики классовой борьбы.

7.

Основной об'ективной истиной является существование материи независимо от нашего сознания. Понятие материи постоянно было и, по всей видимости, будет и впредь мишенью для нападок идеализма. Какова эта материя? — спрашивают идеалисты. — Как можно исходить от нее, когда каждый век иначе ее себе представляет? В XVIII столетии ее считали состоящей из молекул, но уже следующий век доказал всю неверность такого представления. Один физик рисует ее себе так, а другой иначе. На наших глазах «материя исчезает», сводится к электричеству и т. д. Следовательно, ее вовсе нужно отбросить при построении научного мировоззрения, вместе же с ней рушится и материализм как философия.

Огромнейшей заслугой Ленина являются его раз'яснения по данному вопросу, несомненно, развивающие и обогащающие диалектический материализм. Спор ведется в данном случае только в той плоскости, в какой он и должен вестись: в плоскости философии, а не физики. Нужно отличать философские категории от категорий других позитивных наук. Общие философские категории, будучи перенесены в сферу отдельных наук, развиваются там, так сказать, по прикладной, специальной линии; они, конечно, должны сообразоваться с значением и содержанием этой же категории в плоскости философии, но должны получить и специальные определения. Например, категория «производительных

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII, «К вопросу о диалектике», стр. 302.

сил» в политической экономии получает дальнейшее развитие, наделяется своими специфическими определениями и логически, по об'ему, не совпадает с этой же категорией, как социально-философской.

Так же обстоит дело с категорией «материи», абстракцией от об'ективной действительности, чем является всякая категория. Категория материи в физической науке не совпадает по об'ему признаков с категорией материи в философии, как общей методологии. Когда физики говорят о материи, они имеют в виду то или иное строение материи: в XVIII веке — молекулярное строение, в XIX веке — атомное, химическое, в XX — электронное, электрическое, а в XXI веке, быть может, еще некое, ибо знание есть непрекращающийся процесс. Когда о материи говорят философы, они не имеют в виду определенного строения материи, что и не является их прямым об'ектом. «Совершенно непозволительно, — говорит поэтому Ленин, — смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией, — смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании об'ективной истины и т. п.» [1].

Философский вопрос о материи есть все тот же основной вопрос, разделяющий мыслителей на два противоположных лагеря. «Материя есть философская категория для об'ективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». Об'ективный сенсуализм и есть материализм, ибо он вещи, тела (=материя) считает единственными об'ектами, действующими на наши органы чувств.

Так смотрели на материю всегда материалисты-философы всех времен, как бы они ни отличались друг от друга в конкретных картинах строения материи. Такое понимание материи действительно вечно, оно не может устареть, как не устарела за две тысячи лет борьба тенденций Платона и Демокрита, идеализма и материализма, религии и знания. Вследствие этого повторение в наши дни философского определения материи, которое было дано Гольбахом и Дидро полтораста лет назад, отнюдь не является научным

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 105.

реакционерством, невежеством. Французские материалисты, как известно, определяли ее так: материя есть все то, что так или иначе, посредственно или непосредственно, действует на наши органы чувств. Это определение очень «широко», но оно и не может быть «уже», ибо предмет определения сам предельно широк. Такое определение принимали и основоположники марксизма, и Плеханов; принимает его и Ленин, когда он говорит: «Материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть об'ективная реальность, данная нам в ощущении».

Гольбах жил тогда, когда не было еще химии в современном нам смысле этого слова. Он еще принимал четыре «элемента»: огонь, воду, воздух и землю. Ясно, что с таким пониманием физического с т р о е н и я материи не мог примириться уже Энгельс. Ясно также, что мы не можем теперь довольствоваться тем строением материи, какое было научной физической истиной во времена Энгельса. Эти исторические взгляды его должны быть нами превзойдены, но истина материализма как философии тем самым не умаляется ни на иоту. Таким «ревизионистом» был Ленин, таким должен быть и каждый марксист. «Ревизия «формы» материализма Энгельса, — говорит он, — ревизия его натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом». И если бы авторы «Очерков по философии марксизма» принялись за такую ревизию, то они послужили бы только на пользу марксизма. Но на самом деле, под видом критики ф о р м ы его, они подняли поход против с у т и марксизма, играя тем самым на руку реакционной буржуазной философии.

Кризис современной Ленину физики, кризис естественно-научного материализма проистекает из такой метафизической постановки вопроса: раз устарел а т о м н ы й материализм, значит, устарел материализм вообще. Старая материалистическая естественная наука (а не философия) видела в своей теории, скажем, химического строения материи, реальное познание материального мира. С крушением этой теории вовсе не связано отрицание существования об'ективной реальности, т. е. той же материи. Еще и еще раз подчеркивает Ленин, что «е д и н с т в е н н о е «свойство», материи, с признанием которого связан ф и л о с о ф с к и й материализм, есть свойство быть об'ективной реальностью, существовать вне нашего сознания». Вопрос же о том или ином строении материи

есть вопрос не философский, а специально физический, где, конечно, опять-таки возможны, с точки зрения Ленина, научно-реакционные и научно-передовые учения.

Когда некоторые физики заявляют, что «материя исчезла», то это означает только, что исчез тот предел, на котором останавливалось до сих пор наше знание материи, означает, что материя выступила перед нами теми своими сторонами, которые до сих пор не были известны. Об'ективно исчезновение или существенное видоизменение даже таких свойств материи, как непроницаемость, инерция, масса, означает не «исчезновение» материи, а то, что мы не обладали всей полнотой истины.

Отсюда ясно, что неверным, метафизическим было бы утверждение физиков, сторонников электронной теории материи, о том, что они обладают, наконец, истиной. Это верно, но верно лишь относительно. Они обладают истиной, но истиной сегодняшнего дня (как их противники — истиной вчерашнего дня); однако истина завтрашнего дня может «воплотиться» в какой-либо новой теории. Таким образом диалектический материализм и здесь как бы намечает пути развития знания. Диалектический материализм и здесь указывает, как должен быть научно-методологически поставлен вопрос. «Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической точки зрения, надо спросить: существует ли электрон, эфир и т а к д а л е е вне человеческого сознания, как об'ективная реальность, или нет?» Естествоиспытатели должны будут ответить, да они и отвечают всегда положительно, и этот их положительный ответ идет на пользу диалектического материализма.

Естествоиспытатели наших дней боролись с механическим, метафизическим, старым естественно-историческим материализмом, и они по праву победили, преодолели его. Но вместе с водой они выплеснули и ребенка, вместе с исторически преходящей формой физического материализма они отвергли материализм вообще. Этим они сами себя показали метафизиками в мышлении, а не диалектиками. «Новая физика, — говорит Ленин, — свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики... Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, т. е. об'ективной реальности физического мира».

Если атом исчерпал себя в процессе знания, то и электрон рано или поздно исчерпает себя; но в известном смысле можно

сказать, что неисчерпаемы и т о т и д р у г о й. Они неисчерпаемы как материя. «Электрон так же н е и с ч е р п а е м, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно с у щ е с т в у е т».

С таким пониманием материи Ленин неразрывно связывает материалистическое понимание движения, пространства и времени. Подобно материи, он берет эти категории в философском их смысле, вовсе не занимаясь ими, как категориями специальной науки механики. Ленин не останавливается на том распространенном положении, что «без материи нечему двигаться»; ведь в определенном смысле можно сказать, что и мысль движется. Для Ленина проблема движения есть та же основная философская проблема, рассматриваемая под известным углом зрения. Для него «оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от об'ективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира, т. е. перейти на сторону идеализма».

Материя исчезла, — говорят некоторые физики. — А мысль осталась? — спрашивает их Ленин. Если с исчезновением материи исчезла и мысль, тогда не о чем говорить, ибо исчезла и мысль самого противника. Если же с исчезновением движущейся материи сохранилось движение мысли, — это есть точка зрения идеализма. Энергетическое направление в физике, отрицающее материю, но сохраняющее движение, есть образчик метафизического метода мышления. «По случаю разложения считавшихся дотоле неразложимыми частиц материи и открытия дотоле невиданных форм материального движения» это направление отвергает вообще материю. Попытка м ы с л и т ь движение без материи есть не что иное, как «протаскивание мысли, оторванной от материи», что по существу и есть философский идеализм.

Так же тесно связано с основными гносеологическими вопросами и учение о пространстве и времени. Поэтому и здесь Ленин — заодно с классиками материализма XVIII и XIX столетий. Пространство и время, как и движение, суть формы существования вещей, а не «модусы мышления», — как говорили о времени Декарт и Спиноза, — не формы человеческого созерцания, — как говорил Кант. Природа существовала в о в р е м е н и, которое измеряется миллионами лет, существовала до появления людей с их опытом. Уже это обстоятельство, практический критерий, должно разбить теоретические построения идеалистов. В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и эта материя может двигаться не иначе, как только в пространстве и времени.

Следующее положение Ленина чрезвычайно отчетливо формулирует его материалистически-диалектическую точку зрения. Оно заслуживает того, чтобы быть приведенным целиком: «Человеческие представления о пространстве и времени относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней. Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени так же мало опровергает об'ективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает об'ективной реальности внешнего мира» [1]. Читатель видит, что основная нить Ленина, его материализм и его понимание знания как процесса, сопутствует ему во всех частных философских вопросах и служит залогом ортодоксального марксистского решения их, решения неизменно ясного, недвусмысленного и строго последовательного.

Исходя из этих основных позиций и оставаясь строго последовательным, Ленин решает еще один философский вопрос, который касается уже не только философии природы, но и социальной философии. Это — вопрос о необходимости и свободе, имеющий, с точки зрения Ленина, особенно важное значение. Признание об'ективной закономерности, причинности, необходимости в природе ставится Лениным в теснейшую связь с признанием об'ективной реальности внешнего мира.

Верный основной задаче своей книги: вскрывать идеализм русских махистов, Ленин не пускается в пространные философские, научные доказательства причинной связи вещей и процессов природы; он ограничивается приведением соответствующих воззрений Фейербаха и Энгельса. Но и его собственные пояснения не лишены интереса и значения. Если признание об'ективной закономерности природы есть материализм, то, обратно, «суб'ективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм, т. е. более или менее ослабленный, разжиженный фидеизм».

Как некогда он признавал, что наше познание вещей есть познание приблизительное, относительно точное, так и теперь он понимает, что отражение об'ективной закономерности природы не может быть абсолютно точным, абсолютно истинным. Но, как мы

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 144.

помним, истина абсолютная складывается сама из истин относительных. Законы мышления соответствуют законам природы, но в каждый данный момент наше мышление не адекватно отражает эти последние. «Человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает об'ективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса».

Но вопрос о степени точности наших описаний закономерных связей в природе не является вопросом принципиальным. Это — дело времени, это зависит от развивающегося и совершенствующегося знания. Принципиальный вопрос таков: наше представление закономерности явлений проистекает ли от об'ективной, реально сущей закономерности (материализм), или закономерность не присуща вещам «в себе», а привносится в вещи a priori, прежде всякого опыта, нашим разумом (идеализм)? Точка зрения Юма, согласно которой причинность не об'ективна, а имеет корни в нашей привычке, справедливо причисляется Лениным к разновидности идеалистической. Подобно тому как Ленин различал вещь в себе и явление, не полагая, однако, между ними принципиальной разницы, подобно этому он различает об'ективную причинность и наше суб'ективное знание о ней, но и между ними нет непроходимой пропасти, т. е. наше знание причинности является отражением ее. Это вполне понятно, ибо, конечно, знание предмета никогда не может стать предметом знания, хотя и приближается всемерно к нему в смысле его адекватного отображения. «Мир есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только отражать эту закономерность» — таков философский вывод Ленина.

Этим, в сущности говоря, предопределено уже и ленинское решение вопроса о свободе воли. Оно совпадает с решением Энгельса, который вслед за Гегелем говорил, что свобода есть познание необходимости. Необходимость существует независимо от сознания человека, свобода — в зависимости от него, именно тогда, когда необходимость осознается человеком, свобода воли детерминирована; этим свобода не уничтожается, но научно об'ясняется. Свобода воли по Энгельсу-Ленину есть способность принимать решения с знанием дела. Материя — первичное, сознание — вторичное; в данном контексте это звучит так: необходимость природы — первичное, свобода воли — вторичное.

8.

Рассмотрение основных общефилософских вопросов в трактовке их Лениным приводит нас к ленинской же альтернативе: или идеализм, или материализм. Середины быть не может. Каждая из этих сторон имеет неизбежного и необходимого союзника: идеализм находит себе верного союзника в фидеизме, в так или иначе переодетой религии; материализм имеет не менее верного союзника в естествознании. Но этот последний союзник может быть надежной опорой лишь при одном условии. В диалектическом материализме, говоря схематически, есть некий несводимый к естествознанию вообще остаток; этот остаток есть диалектика, как научный метод, как теория познания, если угодно. Другими словами, общая философия марксизма не может раствориться целиком в естественных науках, как бы точны и положительны ни были эти точные и положительные науки сами по себе. Диалектика должна быть стержнем, красной нитью естествознания; только тогда ничто не страшно этому союзу материализма с естествознанием. Единство их и составляет диалектический материализм.

Физика, как наука, по природе своей материалистична; если она «свихнулась» в идеализм, то это произошло вследствие застывшего, застойного, метафизического метода мышления. Отсюда требование Ленина, имеющее колоссальное значение и повторяемое им до конца своих дней, требование диалектической точки зрения в естественных науках, чисто марксистское требование. «Материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с непременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим».

Современное естествознание, будучи по самой природе своей материалистическим, «свихнулось» частично в идеализм. И это, по мысли Ленина, произошло вследствие недиалектичности естествознания. Но вот перед нами естествоиспытатель-материалист, который борется с идеалистической тенденцией физики. Нужна ли ему диалектика? И не может ли он удовлетвориться последними, строго научными выводами естествознания? Может быть, следует вовсе упразднить некую философию марксизма и от «философии», как несовершенной формы человеческого мышления, перейти к «науке», как форме мышления более совершенной,

единственно пролетарской и т. п. Так хотят поступить в наши дни и некоторые «марксисты». Но так не хочет и не рекомендует поступать Ленин. Если для материалиста необходим союз с естествоиспытателем, то для последнего не менее необходим союз с диалектиком.

Это проистекает по двум причинам. Материалист и естество испытатель, но не диалектик, недостаточно вооружен для борьбы с идеалистом. Метафизик-материалист сильнее метафизика-идеалиста. Так было во Франции XVIII века. Гольбах и Дидро в философской области оказались победителями не только над мистиком Сен-Мартеном, но и над такими деистами, как Вольтер, Даламбер и им подобные, потому что первые, будучи материалистами, в своей философии более адекватно отражали реальную действительность. Однако если мы сравним их же с «абсолютным» идеалистом Гегелем, то соотношение сил получится иное, а вся картина спора окажется более сложной. И дело вовсе не в том, что Гегель жил несколькими десятилетиями позднее и, следовательно, был более близок к современной нам науке. Весь секрет в том, что, по удачному выражению А. Деборина, если диалектика без материализма пуста, то материализм без диалектики слеп, а Гегель был диалектиком.

Диалектика его хотя и была развита из совершенно ложной исходной точки, но все же в перевернутом виде отражала действительность, отражала заложенные в ней противоречия и учитывала их развитие. Между тем эти категории действительности в общем и целом вовсе не привлекали внимания французских материалистов. Последние в лучшем случае едва их замечали. На то были, конечно, свои об'ективно-исторические причины, но, беря проблему в ее логическом разрезе, мы имеем дело именно в таком виде: при всем для своего времени правильном понимании природы французские материалисты не усмотрели в действительности тех ее весьма существенных сторон, какие были усмотрены Гегелем. Именно поэтому в нашем воображаемом споре их с Гегелем они были вооружены недостаточно.

В самой Германии материалист Фейербах и логически и исторически оказался победителем в коллизии с правыми, да и с левыми, гегельянцами, ибо если и Фейербах и правые гегельянцы недостаточно разрабатывали диалектику, то первый был вооружен материализмом.

Но картина давней борьбы материализма с идеализмом существенно меняется, коль скоро мы возьмем, с одной стороны, естественно-научных материалистов второй половины XIX века, Бюхнера, Фохта и Молешотта и, с другой, — хотя бы уже как будто «отжившего свой век» Гегеля. В спорах с идеалистами-метафизиками той эпохи Бюхнер, конечно, стоял ближе к истине, но истина эпохи не воплощалась в его материализме. И это вновь проистекало оттого, что Бюхнер не был диалектиком. Он и его товарищи были материалистами, они были естественниками, больше того, они были дарвинистами, наконец, они были атеистами, но они не были диалектиками. Именно поэтому к ним так пренебрежительно относился Энгельс, называя их «дешевыми разносчиками материализма», годными разве для популярной атеистической пропаганды. В ожесточенно развернувшихся дискуссиях по поводу их работ они не были достаточно вооружены.

Конечно, в их спорах с клерикалами, виталистами и т. п. философскими реакционерами «симпатии» диалектических материалистов должны быть на стороне первых, но в данном случае эти «симпатии» аналогичны отношению диалектического материализма к монисту Геккелю в его споре с реакционерами и мракобесами мысли: правильность позиции Бюхнера признается постольку, поскольку он материалист, но одновременно указывается ошибочность его метафизической, механической точки зрения. Все это Ленин выразил в форме афоризма: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм».

Итак, естествоиспытателю необходим союз с диалектиком, во-первых, потому, что без этого он недостаточно вооружен в борьбе с идеалистом; он сам рискует «свихнуться», что неоднократно и наблюдалось.

Во-вторых, этот союз необходим еще и потому, что иначе он, естествоиспытатель, остается незаконченным, неполным материалистом. Материализм есть прежде всего об'ективная точка зрения, т. е. он должен наивозможно адекватно отразить действительность. Действительности же свойственна диалектика. Поэтому материалист-недиалектик, материалист-метафизик, материалист-механист неспособен наиболее полно и верно отразить явления и процессы действительности.

У диалектического материалиста с идеалистом, с физиком-идеалистом — непримиримые разногласия по самым основным

вопросам. Это верно. Но не менее верно и то, что у диалектического материалиста существуют разногласия и с материалистом-механистом и притом по вопросам, касающимся характера явлений и процессов действительности.

В своей характеристике естественно-научных материалистов Ленин повторяет формулировки, данные в свое время Энгельсом. Эти материалисты второй половины XIX века, подобно своим учителям XVIII века, страдали «ограниченностью». «Первая ограниченность: воззрение старых материалистов было «механическим» в том смысле, что они применяли исключительно масштаб механики к процессам химической и органической природы...» «Вторая ограниченность: метафизичность воззрений старых материалистов в смысле «антидиалектичности их философии...» «Третья ограниченность: сохранение идеализма «вверху», в области общественной науки, непонимание исторического материализма» [1].

Первая «ограниченность» материалистов-недиалектиков проистекает из того предположения, что единственной задачей науки провозглашается сведение сложного к простому. Коль скоро сложное явление мы свели к простому, понятному, задача науки разрешена. Слов нет, эта операция входит в арсенал науки, но все дело в том, чтобы это «сведение» было правомерным и чтобы мы в погоне за простым не забыли специфических особенностей сложного. Следует искать единство в различии, но нельзя закрывать глаза на различие в единстве. Природа едина, однако это не исключает различия специфических форм в этом единстве. Химия «сведена» к физике и далее к механике. Но это не исключает особенностей в соответствующих областях. Организм человека в конечном счете состоит из ядер атомов и электронов, но механикой электронов не исчерпывается организм как целое. Поэтому весьма почтенная наука механика не может стать универсальной наукой. Во-первых, последовательность требовала бы и механическую точку зрения заменить чисто количественной, математической, а это привело бы нас не только к Галилею, но и к идеализму пифагорейцев. Во-вторых, механика составляет лишь один из моментов диалектики, и распространение механической точки зрения на всю действительность, на природу, общество и мышление, было бы по

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 197.

существу не «сведением сложного к простому», а форменным упрощением, вульгаризацией действительности.

Это выпирание механики проистекает из второй «ограниченности», из незнания диалектики, из неспособности охватить все разнообразие форм изменения материи, понять не только единство в различии, но и различие в единстве, уразуметь не просто тождество, а единство, т. е. и различие процессов механических, физико-химических, биологических и социальных, учесть определенность их форм.

Это последнее обстоятельство особенно ярко дает себя знать в третьей «ограниченности», в сохранении идеализма в общественной науке. Напрасно думают, что только общефилософский идеализм приводит к историческому идеализму. Самый завзятый материалист в области понимания природы, если он не диалектик, если он свою натуралистическую точку зрения (в своей области правильную) механически переносит на общественные явления, оказывается историческим идеалистом, ибо он не учел различия в единстве, различия естественных и общественных явлений и процессов в единстве бытия.

9.

Могут ли быть общественные явления охвачены и осмыслены, если пользоваться только естественно-научными категориями? Можно ли некритически в сферу общества переносить то, что рационально, необходимо, научно в сфере природы? Этот вопрос не так прост, как кажется с первого взгляда, и о него спотыкаются многие марксисты.

Категории естествознания, например, биологические категории, очевидно, научны. Но такая универсальная и общезначимая категория, как «борьба за существование» или «переживание наиболее приспособленного», очевидно, должна быть видоизменена при перенесении ее в сферу наук общественных. Иначе, поскольку этот принцип дарвинизма является общественным законом, необходимо стать на точку зрения социального дарвинизма и предоставить «более приспособленным» капиталистам «переживать» менее приспособленных пролетариев. Очевидно, что общественное бытие дает по самой природе своей нечто новое по сравнению с «бытием естественным». И поскольку философские категории являются абстракциями, отвлечением от действительных, исторических, преходящих явлений, постольку при построении социаль-

ной философии мы должны исходить из того, что представляет нам об'ективно общественное бытие. Это значит, что прежде всего здесь должно быть учтено специфически общественное явление — борьба классов. «Борьба классов», как известно, и является одной из основных категорий исторического материализма, как теории исторического развития.

Мы должны отметить, что Ленин понимал это различие, это специальное значение категорий, и он решительно протестовал против превращения естественно-научных категорий, вроде биолого-энергетических, в категории общественные. Такие понятия, как «социальная энергетика, социальный подбор», с его точки зрения, есть «простой набор слов, сплошная издевка над марксизмом». «Перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза», — говорит он в другом месте. При помощи таких понятий нельзя произвести никакого исследования общественных явлений, нельзя дать никакого уяснения метода общественных наук. Вот этот резкий и справедливый протест Ленина против некритического перенесения в общественные науки категорий механических, химических, биологических следует хорошенько запомнить.

Ленин всегда подчеркивал, что нельзя установить одинаковых законов развития для всех общественных формаций. Нельзя с мерками патриархально-родового общества подходить к обществу капиталистическому; мы ничего не поймем в капитализме при таком подходе. Как можно после этого создавать универсальные законы развития одновременно для областей неорганической, органической и социальной? Естественно, что такие законы будут только фразой, пустой и тощей абстракцией, никчемной и бесполезной. Таким образом и здесь Ленин остается гениальным и глубоким диалектиком.

Общественные вопросы всегда являлись слабой стороной естествоиспытателей, а ведь в этих вопросах рельефнее всего обнаруживает себя «философская партийность». Поэтому если материализму необходим тесный союз с естествознанием, то естественным наукам необходим теснейший союз с материализмом в истории, т. е. с историческим материализмом. Отсюда замечательное по своей глубине принципиальное требование Ленина: «Необходимо

расширить естественно-исторический материализм доисторического материализма, чтобы сделать его действительно непреодолимым оружием в великой освободительной борьбе человечества».

Марксизм для Ленина есть единство естественно-научного материализма с материализмом историческим. Это — не «два материализма», между собою не связанные, но две ветви или две сферы единого мировоззрения. Несчастье Фейербаха и его недостаток в том, что в области истолкования природы он был материалистом, а в области истолкования истории он склонялся к идеализму. Нельзя быть там материалистом, а здесь идеалистом. Можно говорить о едином диалектическом материализме в области природы и в области истории общества.

Такую же грубейшую ошибку, но наизнанку, совершают и русские махисты, Богданов и компания. Они хотят наверху, в истории, остаться материалистами, а внизу, в природе, хотят заменить марксизм махизмом, т. е. по существу суб'ективным идеализмом. Но их ошибки усугубляются тем, что они живут не до, а после Маркса.

Эти взгляды Ленина целиком относятся, кстати сказать, и к философскому течению в среде германской социал-демократии, к неокантианству К. Форлендера и других. Примирение Маркса с Кантом, сведение в философии первого ко второму, есть отказ не от одной «части» марксизма, но отказ от марксизма в целом.

Если бытие независимо от сознания, если первое определяет второе, то общественное бытие определяет общественное сознание и само не зависит от последнего. «В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от об'ективной истины, не впадая в об'ятия буржуазно-реакционной лжи».

Итак, «диалектика без материализма пуста». Диалектику необходимо следить за развитием, за всеми путями и изгибами развития естественных наук, во-первых, для того, чтобы быть во всеоружии знания, ибо диалектик может быть силен, лишь опираясь на завоевания естественных наук, а, во-вторых, для того, чтобы пресекать реакционно-идеалистические выверты некоторых естественников. «Надо помнить, — писал Ленин в 1922 году, — что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные школы и школки, направления и направленьица. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания... это — задача, без решения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом».

Но, с другой стороны, «материализм без диалектики слеп», и естествоиспытатели, если они желают оставаться на почве науки, должны признать методологическую роль диалектики, должны признать, что, не связавшись с ней, они рискуют стать «ползучими», ограниченными эмпириками.

«Мы должны понять, — указывает Ленин, — что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. должен быть диалектическим материалистом».

Ленин требует солидного «философского обоснования» естественных наук, и по контексту видно, что это обоснование он видит в диалектике. Мы неоднократно уже говорили о ней, показывали на конкретных примерах миропонимания применение Лениным диалектической точки зрения. Теперь необходимо сосредоточить внимание на диалектике как таковой, необходимо осмыслить роль ее, понять ее задачи и, в известном смысле, службу ее как орудия познания, — коротко говоря, ответить на вопрос, чем является диалектика в глазах Ленина.

Конечно, Ленин был марксистом, и, значит, диалектика была для него тем, чем была она для Маркса и Энгельса, но чрезвычайно интересны его формулировки; в них видно, какие стороны диалектики он особо подчеркивал, в чем видел суть вопроса, какие стороны в этой проблеме, как и во многих других, развивал, что нового внес он в решение проблемы.

Трактовка Лениным проблемы диалектики в общей форме и составляет ближайшую задачу изложения.

IV.

ПРОБЛЕМА МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ.

1. Материалистическая диалектика как преемница философии. — 2. Логика формальная и диалектическая. — 3. Диалектический материализм и узкий эмпиризм в вопросе об абстракциях. — 4. Проблема структуры логики. Историзм и логизм. — 5. Конкретность материалистических абстракций. Категория связи. — 6. Категория движения. Переходы. — 7. Единство противоположностей. — 8. Категория развития. — 9. Диалектика как методология знания на основе действия и методология действия на основе знания. — 10. Отношение Ленина к диалектике Гегеля.

«Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот во что они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

Ленин, Переписка Маркса и Энгельса.

1.

В 1894 году Ленин писал: «С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки. Таким образом под философским обоснованием можно разуметь или сопоставление посылок ее (теории марксизма) с твердо установленными законами других наук, или опыт применения этой теории»[1]. Такое положение

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. II, «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», стр. 80.

Ленина отнюдь не дает козыря в руки тех сторонников смеси простодушного эмпиризма и «здравого смысла», которые не хотят слышать ни о какой философии, которые в этом своем отрицании пытаются ссылаться на Маркса и Энгельса. Если сам же Энгельс употребляет выражение, например, в «Л. Фейербахе», диалектическая философия, если Ленин неоднократно говорит о философии Маркса, о философии материализма, то очевидно, что дело с упразднением этой самой философии обстоит не так просто. Следует, значит, вдуматься в то, какой смысл вкладывали Маркс и Энгельс, а за ними и Ленин, в отмену философии, а затем и в смысл того, что́ остается взамен «философии» после ее отмены.

В самом деле, в чем смысл и значение того отрицания философии, которое основоположники марксизма проводили последовательно, начиная с 1844—1845 гг. («Фейербах» из «Немецкой идеологии») и кончая последними днями жизни (ср., например, «Л. Фейербах» Ф. Энгельса 1886—1888 гг.). Едва ли не самое резкое положение мы находим у них в рукописи 1845 г., когда они «сводили счеты со своей тогдашней философской совестью». Вот что было тогда написано: «Когда начинают изображать действительность, теряет свою raison d'être самостоятельная философия. На ее место может в лучшем случае стать суммирование наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Но абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, не имеют никакой ценности. Они могут служить лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала и наметить последовательность различных слоев его. Но в отличие от философии они не дают какого-нибудь рецепта или схемы, согласно которым можно расположить исторические эпохи»[1]. Таким образом при столкновении с действительностью умирает философия «самостоятельная», с этой действительностью не считающаяся, умирают законченные, застывшие, умозрительные, метафизические системы; умирают «философии природы», спекулятивно загоняющие природу в жесткие схемы, и «философии истории», не менее спекулятивно изготовляющие готовые рецепты.

Однако за философией остается «суммирование наиболее общих результатов», осмысливание их в категориях, получаемых

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1-я, стр. 216.

путем абстрагирования от действительных, преходящих, исторических явлений. Эти абстракции «облегчают упорядочение исторического материала». Отнюдь не «обособляемые» от «реальной истории», они позволяют осмыслить окружающую естественную и историческую действительность. Указанное «облегчение» вовсе не следует понимать так, что обладание философскими абстракциями равносильно обладанию волшебными ключами от действительности. Данный замок можно открыть только таким ключом, который надлежащим образом сработан и пригнан именно к данному замку. Имея уже десяток ключей, нужно выбрать из них, подобрать один — к данному замку подходящий.

«Трудность, — продолжают Маркс и Энгельс, — начинается лишь там, где принимаются за рассмотрение и упорядочение материала... когда принимаются за изображение действительности. Устранение этих трудностей обусловлено... предпосылками, которые... вытекают только из изучения реального жизненного процесса и действия индивидов каждой отдельной эпохи». Далее авторы приводят, как они выражаются, «некоторые из этих абстракций» и по существу, как известно, излагают основы материалистической точки зрения на общественные явления и события.

Итак, если отметается в сторону «самостоятельная», спекулятивная, идеалистическая философия, то на ее место становится суммирование результатов, абстракций от действительных явлений, наконец, установление предпосылок, — и все это в целях уразумения того, что совершается вокруг познающего суб'екта и даже внутри его.

Нужно признаться, что содержание наследницы старой философии определено здесь не материально, но лишь формально. Но и из приведенного видно, что, кроме отдельных положительных наук, имеет право на существование еще некая, скажем, тоже наука, обладающая определенным содержанием. Эта последняя была уже в распоряжении Маркса и Энгельса в 1845 г., она пронизывала все их научные исследования и общую практическую деятельность, и о ней черным по белому писал Энгельс в 1877—1878 гг. в «Анти-Дюринге»: «От всей прежней философии остается еще в качестве самостоятельной науки (самостоятельной, конечно, не в смысле абсолютной независимости от положительных наук, а в смысле особого, нерастворяющегося в других науках содержания. — *И. Л.*) учение о мышлении и его законах — формальная

логика и диалектика». Здесь, как видно, наследница философии получает уже определенное название, она зовется диалектикой.

Само собою разумеется, что определение диалектики в руках марксизма было бы неполным, если бы мы квалифицировали ее как учение только о законах мышления. К такой диалектике близко подошел уже Кант, но не такой стала она у марксистов. «Диалектика, — как формулирует Энгельс, — представляет собою не более как науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления». Надо ли говорить, что только в этой формулировке диалектика получает полное определение и притом выступает как материалистическая диалектика. Мышление столь же диалектично, сколь диалектично и бытие, но диалектика понятий является лишь сознательным отражением диалектики внешнего мира.

Необходимо со всей силой подчеркнуть это значение материалистической диалектики, как преемницы философии, ибо только в таком смысле понятие философии марксизма фигурирует и у основоположников, и у Ленина. «Философия, — как говорит Энгельс в «Анти-Дюринге», — таким образом «снята», т. е. «одновременно превзойдена и сохранена»: превзойдена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»[1].

Мы сказали, что мышление столь же диалектично, сколько и бытие, но в то время как бытие всегда диалектично, мышление может быть и рассудочным, формальным, застойным, метафизическим. Только диалектическое мышление способно наивозможно близко подойти к адекватному отражению реальной действительности, а в таком отражении состоит задача науки и вместе с тем первая задача человечества. Следовательно, задача знания состоит в том, чтобы стать знанием, адекватным предмету. Другими словами, задача заключается в том, чтобы овладеть методом адекватного познания и изучения предмета, и в таком случае материалистическая диалектика (= диалектический материализм = философия марксизма), как диалектика знания, отражающего предмет, является учением о методе познания предмета, или, что то же, методологией научного познания. В этом значении, прежде всего как метода, диалектический материализм выступает и у Ленина.

[1] F. Engels, Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft, Stuttgart, 1921, S. 141.

2.

«От всей прежней философии, — говорит Энгельс, — остается... учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика». Но формальная логика не может быть методологией научного познания, познания предмета. Вернее, она является лишь частью (а не целым) научного, об'ективного познания. Как показывает само название, она формальна, а не реальна. Она оперирует определениями рассудка и в лучшем случае скользит по поверхности вещей, не проникая, так сказать, «в глубь» их. Вещи и, что важнее, процессы остаются сами по себе, а некоторые формы их, отражаемые и застывающие в формальной логике, пребывают также сами по себе. Эти формы консервируются в формально-рассудочных определениях, определения формально связываются в предложения, предложения нанизываются в силлогизмы с их формально правильными выводами, а живая реальность между тем движется своим чередом и фактически не укладывается в эти самые определения, предложения и силлогизмы.

И так как лишь то мышление может быть названо правильным, которое сообразуется с об'ективной реальностью, которое способно отражать ее в ее полноте, то формальная логика не может научить мыслить. Ленин отмечает по поводу логической концепции Гегеля: «Остроумно о логике: это де предрассудок», будто «она учит мыслить» (как физиология «учит переваривать»??)». Конечно, притязания формальной логики неосновательны, так же как и притязания физиологии научить переваривать пищу. Но есть и иная сторона вопроса: физиология отражает известные процессы, совершающиеся внутри организма; она познает эти процессы и потому способна не научить переваривать пищу, а научить, как эта пища переваривается. Формальная же логика неспособна научить, как совершаются процессы в природе и обществе, ибо она не отражает их. Чтобы отражать их, она из формальной должна стать реальной, реальной наукой об общих, скажем, законах движения природы и общества.

Такая реальная логика если и не сможет научить бестолкового человека мыслить (человека, который и физиологию неспособен понять), то, по крайней мере, способна будет рассказать, по каким законам совершаются процессы в действительности. Эта логика в известном смысле может и научить мыслить, т. е. может помочь

понять содержание об'ективной реальности. Но для этого, повторяем, логика из формальной должна стать реальной.

Что такое реальная логика? Это — логика, которая сообразуется с реальностью, которая свои понятия и их сочетания, связи, опосредования, последовательность располагает в порядке отражения об'ективно сущих предметов и их сочетаний, связей, опосредований, последовательности. Поскольку эти последние диалектичны, постольку диалектичными должны стать и первые.

Формально рассудочные определения — лишь «безжизненные кости скелета», как говорит Гегель, нужны же, — замечает Ленин, — «не leblose Knochen, а живая жизнь». А это последнее возможно лишь тогда, когда логика будет действительно отражать об'ективную реальность. «Логика и теория познания должны быть выведены из «развития всей жизни природы и духа»[1].

Логические формы не должны быть лишь «формами на содержании», они должны быть самим содержанием. Гегель, — пишет Ленин, — «требует логики, в коей формы были бы содержательными формами, формами живого реального содержания, связанными неразрывно с содержанием». В данном случае Гегель и Ленин идут по одной дороге, так как оба — диалектики. Их пути, конечно, резко разойдутся, коль скоро поставить вопрос о природе самого «содержания»: Гегель окажется онтологистом, абсолютным идеалистом, Ленин — материалистом. Эта разница не чувствуется, пока оба заняты обоснованием диалектической логики, пока не встает вопрос о понимании бытия, которое для Ленина — материальное бытие, а для Гегеля — онтологизированное понятие бытия.

Итак логические определения должны отражать бытие. Это значит, что они не внешни бытию; категории логики суть сокращения «бесконечной массы частностей внешнего существования и деятельности. В свою очередь эти категории служат людям на практике». Это как раз суть категории материалистической диалектики, которые Маркс и Энгельс определяли как «абстракции от действительных, исторических, преходящих явлений». Эти категории служат людям на практике. Но их нельзя назвать в полном смысле слова пособиями человека, ибо они сами являются лишь «выражением закономерности и природы и человека». Человек подчинен тем же законам, и эти категории — «идеальное,

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 31.

лишь переведенное и переработанное в голове человека материальное».

Указанная аргументация существенно слабой стороны формальной логики выдержана вполне в духе диалектического материализма. Нужно, однако, сказать, что ни у Энгельса, ни у Плеханова, в их критике формальной логики, она не получила отчетливого отражения. Ленин при чтении «Науки логики» Гегеля обратил на нее внимание, сделал для себя несколько соответствующих заметок. Он понял, что, прежде чем критиковать формально-логические принципы тождества, противоречия и исключенного третьего, нужно поставить вопрос о причине их недостаточности, а этот вопрос выходит уже за рамки чистой логики, являясь вопросом теоретико-познавательным. Формально-логический принцип тождества и т. п. обречен на познавательное бесплодие именно потому, что он сконструирован не в порядке «сокращения» действительности, абстракции от об'ективного содержания действительности.

В том-то и дело, что формальная логика есть только логика, только учение о суб'ективных формах мышления; в отличие от нее реальная логика имеет и об'ективное содержание. Она есть не только учение о суб'ективных формах мышления, но и учение о познании предмета, теория познания. В связи с этим Ленин пишет: «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc... и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы. Тут действительно об'ективно три члена: 1) природа, 2) познание человека = мозг человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека; эта форма и есть понятия, законы, категории etc. Человек не может охватить = отразить = отобразить природы всей, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д.»[1].

«Создавать абстракции, понятия, законы» так, чтобы они не были суб'ективной игрой слов, а давали «научную картину мира» и значит создавать реальную, т. е. материалистическую логику.

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 203.

Для этого прежде всего нужно быть не формалистом, а эмпириком. «Чтобы понять, — говорит Ленин, — нужно эмпирически начинать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду». Но этого мало. Чтобы научиться плавать, мало окунуться в воду: в ней можно захлебнуться и потонуть; чтобы понимать действительность, мало «окунуться» в эмпирию: в ней можно заблудиться, «захлебнуться» и потонуть.

3.

Диалектический материализм и в применении к природе, и в применении к истории — эмпиричен. Он отправляется от опыта, как воздействия внешнего материального мира на наши органы чувств, и в опыте, в таком его понимании, усматривает источник всякого знания. Однако диалектический материализм не является чистым эмпиризмом, замыкающимся в кругу ощущений суб'екта и вне его ничего не видящим; с другой стороны, он не является и наивным реализмом, замыкающимся в кругу вещей и вне их ничего не видящим. Казалось бы, чтó может быть более материалистическим, как видеть вокруг себя и в себе лишь материальные вещи, лишь в них полагать всю действительность? И, однако, усматривание в действительности лишь вещей и в их числе людей, как вещи, не является точкой зрения диалектического материализма. Это — «инстинктивное» сознание, и даже не сознание, а бессознательное, именно инстинктивное действие, которое «распыляется в бесконечно разнообразном материале». Наоборот, — конспектирует Ленин Гегеля,—интеллигентное и сознательное действие «выделяет» содержание движущего мотива «из непосредственного единства с суб'ектом в предметность перед ним (перед суб'ектом)».

Язык Гегеля действительно тяжел, сугубо абстрактен. Переработав его мысль, материалистически переработав ее, Ленин часто дает свои формулировки. В данном случае мы имеем именно такое материалистически переработанное положение диалектики: «Как сие понять? — спрашивает Ленин, и отвечает, — перед человеком сеть явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, условные пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [1].

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 41.

Понятия диалектической логики, ее категории вовсе не являются наглядными представлениями, с которыми имеет дело дикарь и только на которое имеет право узкий эмпирик. Эти категории суть абстракции, т. е. отвлечения от вещей, и именно они выступают как ступеньки познания мира. Конечно, их не было бы, если бы не было представлений, но одних представлений мало, т. е., иначе говоря, если бы были только представления, то не было бы весьма существенных ступенек познания мира.

За вещами или, точнее, среди вещей и между ними нужно усматривать те отношения, которые связывают людей и вещи взаимно и порознь и без которых не может быть ни вещей, ни людей. Отношения материальных вещей не менее материальны, чем сами вещи, хотя эти отношения и не видны глазом, как органом зрения, ни простым, ни вооруженным. Они могут быть усмотрены лишь глазом, вооруженным деятельностью сознания. Конечно, материалистическая теоретико-познавательная точка зрения на сознание, как на чувство, соотносящее данные других чувств (зрение, осязание и т. д.), остается здесь в полной силе. Деятельность же сознания выражается в тех представлениях и понятиях, которые составляют содержание сознания и без которых («пустое» сознание!) нет и не может быть самого сознания.

Если представления являются своего рода отражениями отдельных единичных вещей, то понятия, общие представления являются отражениями, абстракциями от связей и отношений между вещами. Конечно, прав был Беркли, когда он в своей критике абстракций, отвлеченных представлений утверждал, что понятию «человека» (человек вообще) реально нет соответствующего предмета, а есть, мол, отдельные люди: Иван, Петр и т. д. (что и эти люди являлись для Беркли, как суб'ективного идеалиста, лишь совокупностями ощущений, нас сейчас не интересует). Но он был неправ, когда, исходя из своих принципов, утверждал, что и понятию «протяжение» ничего не соответствует реально, что, следовательно, протяжения нет.

Протяжения вообще, действительно, нет, но существуют протяженные вещи, каждой из которых, значит, свойственно протяжение. Поэтому протяжение, как абстракция, как логическая категория, в сознании отражает то, что свойственно вещам вне сознания. И такая категория обладает определенной методологической ценностью. Это — один из тех наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения действитель-

ности, о которых писал Маркс, и который в связи с другими «облегчает упорядочение исторического материала».

На первый взгляд кажется, что наглядные представления ближе к действительности. Именно они являются как бы зеркальным отражением отдельных материальных предметов. Но такое решение вопроса будет метафизическим, односторонним. «Представление ближе к реальности, чем мышление? — спрашивает Ленин и отвечает, — и да и нет. Представление не может схватить движения в целом, например, не схватывает движения с быстротой 300 000 *км* в одну секунду, а мышление схватывает и должно схватить. Мышление, взятое из представления, тоже отражает реальность» [1]. В данном случае, — а подобных случаев не только теоретическое, но и обыденное мышление знает бесконечное множество, — мышление, несомненно, ближе к действительности, чем наглядное представление.

Но если в данном примере речь шла о движении то есть о том, что принципиально, при известном медленном темпе, доступно наглядному представлению, то действительность содержит в себе и такие моменты, которые наглядному представлению вообще не доступны и постигаются, конечно, на основе наглядных представлений, лишь мышлением. Таковы все отношения, о которых мы говорили выше. Поэтому удаление от наличной определенности к абстрактному вовсе не означает само по себе удаление от действительности. По этому поводу Ленин говорит: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное — от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания об'ективной реальности» [2].

Между тем все указываемые Лениным категории: и закон, и стоимость, и даже наиболее элементарные их примеры, уже не под силу наивному эмпиризму, не идущему дальше отдельных вещей.

Эмпирик будет твердить, что его окружают вещи, вещи и только вещи. Так, это правильно, но какой толк в подобном утвер-

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 289.
[2] Там же, стр. 183, 185.

ждении? Среди вещей эмпирик не усматривает тех отношений, которые эти вещи связывают. Только путем абстракции можно извлечь из вещей те отношения, которые связывают их, те законы, которым эти вещи подчиняются. Абстракции — первое условие науки; наш же эмпирик, враг «всяких абстракций и прочих туманностей», сам оказывается абстрактным в том смысле, какой он навязывает этому слову, т. е. пустым человеком, которому закрыт всякий доступ к науке.

Итак, одни наглядные представления не дают нам «представления» о всем содержании материальной действительности, точно так же, как об этом содержании мы весьма мало узнаем из определений формальной логики. Между тем это содержание и должно быть познано. Поэтому именно оно должно быть привлечено к логическому рассмотрению. Привлечение это происходит путем образования абстракций, диалектических категорий. По этому поводу Ленин ставит nota bene: «С этим введением содержания в логическое рассмотрение предметом становятся не вещи, а суть, понятие вещей, не вещи, а законы их движения материалистически». Только научные абстракции позволят нам охватить не отдельные материальные вещи, а законы их движения, что и составляет суть содержания действительности.

Первое условие, какое пред'являет материалист абстракциям и которому его абстракции удовлетворяют, это — соответствие с фактами. Данное отношение, данный закон, как методологическая категория, должен соответствовать данному отношению, данному закону, как факту, — в этом критерий истинности. Таков закон всемирного тяготения, таков принцип сохранения материи и энергии, таковы все принципы диалектики. Как удачно следом за Энгельсом заметил Ленин, «это — старый психологический метод: сличать свое понятие не с фактом, который оно отражает, а с другим понятием, со слепком с другого факта».

Категории формальной логики — лишь формы, которые лежат «на содержании» и нередко сковывают его. Конечно, — как пишет Ленин следом за Гегелем и Энгельсом, — «несправедливо забывать, что эти категории имеют свою область в познании, где и должны сохранять значение», но, будучи оторваны от содержания, лишь «лежа на нем», они не могут стать аналогом действительности, они неспособны охватывать истину.

Категории трансцендентальной логики Канта «продвинулись» несколько вперед. Им знакомы уже диалектические противоречия,

они оказываются более «беспокойными», некоторые из них обнаруживают тенденции перейти в свою противоположность. Таблица этих категорий, как ее дал сам Кант в «Трансцендентальной аналитике», показывает, что и располагаются они так, что рядом имеют свои противоположности: единство — множество, реальность — отрицание и т. д., но все они — не более как априорные формы рассудка. Они из'яты Кантом из мира действительности и навсегда перенесены в сознание. Поэтому и их зародышевые противоречия не суть реальные противоречия действительности, а лишь противоречия человеческого познавательного аппарата. Их априорность доводит их формализм до крайней степени.

Категории диалектической логики Гегеля уже преодолели этот кантовский формализм. Гегель подверг Канта резкой критике за то, что он «действительность освободил от противоречий, перенеся их в сознание». Категории Гегеля об'ективны, но они об'ективны в том идеалистическом смысле, что сами являются некими онтологическими сущностями, ступенями развития абсолютного духа, своего рода последовательно и из самих себя развивающимися универсалиями средневековых реалистов.

Наконец категории материалистической диалектики марксизма являются тем, чем они и должны быть, абстракциями от материальных, исторических, преходящих явлений. Они суб'ективны в том смысле, что не представляют собою неких гипостазированных сущностей; это — лишь понятия. Они об'ективны в том смысле, что им соответствуют определенные вещи, отношения и процессы в мире действительности. Они являются «ступеньками», но не ступеньками некоего саморазвивающегося абсолютного духа (об'ективированного мышления без мыслящего суб'екта!), а ступеньками познания мира, условными пунктами в сети явлений природы, помогающими познавать ее и овладевать ею. Последнюю роль они потому и способны играть, что сами извлечены из «сети явлений природы».

«Логические понятия, — пишет Ленин, — суб'ективны, пока остаются «абстрактными», в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи в себе. Природа и конкретна и абстрактна, и явления и суть, и мгновение и отношение. Человеческие понятия суб'ективны в своей абстрактности, оторванности, но об'ективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»[1].

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 249

Наука о них и составляет диалектическую логику, материалистическую диалектику, в смысле учения о мышлении. Определение, которое дает диалектической логике Ленин, прекрасно охватывает и резюмирует решение проблемы: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира» [1].

4.

Только что приведенное определение диалектики не является у Ленина единственным определением. Подходя к ней то со стороны содержания, то со стороны формы, то со стороны ее значения и роли, он дает различные формулировки, каждый раз подчеркивающие иную сторону диалектики. Ввиду этого нельзя ограничиться одним каким-нибудь определением, нужно рассмотреть их все, и только тогда предстанет перед нами подлинный облик Ленина-диалектика.

В частности определение диалектической логики как «итога, суммы, вывода истории познания мира» дает ей новый аспект. Логика марксизма выступает теперь уже не только как реальная, материалистическая логика, но и как логика историческая. Перед ней ставится задача отразить не только материальное бытие, но историю познания этого бытия. Задача эта основывается отнюдь не на произвольном желании поставить лишнее затруднение перед логической наукой; а в силу ряда об'ективных обстоятельств.

Мы видели уже, что логические категории являются, с точки зрения Ленина, «ступеньками выделения, т. е. познания мира». Эти «ступеньки» не дались человеку сразу, современный человек имеет их в своем распоряжении лишь в силу накопленного, притом в значительной степени стихийно накопленного, опыта бесчисленных поколений. Эти «ступеньки»-категории есть таким образом дело длительной истории.

Больше того, «ступеньки»-категории, раз будучи сформированы, не отлагались в сознании человека неизменными и жесткими схемами. Их содержание, их связь, их система менялись от

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 41, ср. также стр. 229.

эпохи к эпохе, менялась самая структура логического мышления. Таким образом диалектическое мышление само является результатом длительного развития, делом истории.

Менялось не только содержание мышления, мировоззрение, но и форма его, логика. «Теоретическое мышление, — пишет Энгельс в «Диалектике природы», — каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и получающий поэтому очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления»[1].

Понимание логики, как исторической науки, не должно влечь за собой недоразумения в виде понимания ее, как науки истории; другими словами, историческое понимание логики не есть отождествление ее с историей логики. Мы говорили, что Гегель был прав, когда доказывал, что историческая смена одной философской системы другой философской системой не есть голое отрицание, что истинно философская система содержит в себе в переработанном, снятом виде достижения других систем.

Аналогично Ленин называл учение Маркса «законным преемником лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии и французского социализма». Однако отсюда не следует, что учение Маркса есть история учения Маркса.

Так же точно обстоит дело и с логикой. Логика не есть история логики, как философия не есть история философии. Ленин называет логику не историей познания мира, а, как мы видели, итогом, суммой, выводом истории познания мира. Говоря о задачах познания (а мы уже знаем, что для Ленина нет теории познания, отличной от логики), Ленин пишет: «Двоякого рода примеры должны бы пояснить это: 1) из истории естествознания и 2) из истории философии. Точнее не «примеры» тут должны быть — сравнение не есть доказательство — а квинтэссенция той и другой — история техники»[2].

Стало быть, материал логики, «ступеньки»-категории черпаются из истории философии, истории естествознания, истории техники. В другом месте он выражается еще более определенно:

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 2, стр. 125.

[2] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 161.

«история философии, ergo: история отдельных наук, история умственного развития ребенка, история умственного развития животных, история языка — психология — физиология органов чувств, — вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика».

Из всего этого видно, что Ленин полагал единственно возможным строить логику глубоко исторически, видя в этом лучшее средство против ее формализации, против превращения ее категорий в «безжизненные кости скелета», которые не имеют никакой познавательной ценности. Вместе с тем он не растворял логики в истории той или иной науки. Напротив, он ставил пред марксистами задачу «продолжения дела Гегеля и Маркса», которое «должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники».

В иной связи мы имеем то же самое, что говорили Маркс и Энгельс в 1845 году: задача философии — «суммирование наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей»; эти абстракции в свою очередь служат «для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала и наметить последовательность различных слоев его».

Итак, логика марксизма есть историческая логика, поскольку ее категории отражают историческое развитие познания, но она не сводится к истории логики, как и не сводится ни к одной исторической науке, из которых черпает свой специфический материал, соответственно своему об'екту — категориям. «Движение материи, resp. и движение истории, — пишет Ленин в конспекте Гегеля, — улавливаемое, усвояемое в своей внутренней связи до той или иной степени широты или глубины», это и составляет содержание логики.

Интересующая нас проблема оказывается двусторонней: при наличии единой материалистической установки история требует логической обработки (подобно тому, как данные чувства требуют применения рационального метода), а *логика требует исторической обработки*.

Но что значит «логика требует исторической обработки»? В порядке аналитическом мы в каждой науке должны различать содержание и форму, памятуя, конечно, что они не внешни друг другу, не равнодушны друг к другу, как сказал бы Гегель: в синтезе своем они составляют данную науку. Если мы раньше, говоря о философии в целом, определяли мировоззрение как содержание,

а логику, метод как форму, то теперь, поскольку материалистическая логика не есть логика «чистых» форм, мы должны сказать, что и сама логика имеет и содержание и форму.

Содержанием логики, по Ленину, как мы видели, является «движение материи, соответственно и движение истории, усвояемое в своей внутренней связи», отражаемое не в наглядных представлениях, а в понятиях, в категориях. Формой, структурой логики является эта связь, последовательность, диалектическая система категорий.

В формальной логике проблема структуры, по существу, вовсе не встает. Форма, структура понимается там чисто формально, и это вполне гармонирует с ее формальным содержанием. Иное дело в логике материальной, диалектической. Здесь проблема структуры, формы приобретает особое значение. Здесь материальное содержание должно гармонировать с исторической формой, не совпадая однако с историей форм. История форм мышления есть в известной степени хронология форм мышления, между тем логика есть менее всего хронология. В исторически построяемой логике совершенно не должно быть речи о случайном в истории, о всех частных, несущественных изгибах мысли. Логика берет основные, существенные, принципиальные формы и законы мышления.

О соотношении логического и исторического прекрасно пишет Энгельс: логический метод «есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей. Логический ход мыслей должен начаться с того, с чего начинает и история, и его дальнейшее развитие будет представлять собой не что иное, как отражение в абстрактной и теоретической последовательной форме исторического процесса, исправленное отражение, но исправленное соответственно законам, которым нас учит сама историческая действительность, ибо логический способ исследования дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме» [1].

Ленин также не требует хронологического расположения категорий внутри логики; это и фактически невозможно, и, главное, по существу не должно иметь места. Дело логики не в хронологическом расположении категорий, не в их историческом описа-

[1] Ф. Энгельс, О критике политической экономии Маркса, «Под знаменем марксизма», 1923, № 2—3, стр. 55.

нии, но, с другой стороны, и не в формальном перечислении. Задача заключается в том, что «категории надо вывести (а не произвольно или механически взять)... исходя из простейших основных (бытие, ничто, становление) (не беря иных), — здесь, в них, «в этом зародыше все развитие» [1].

Исходя из таких требований, Ленин, материалистически перерабатывая логику Гегеля, соглашается в общем с последовательностью выведения категорий, как она дана у великого диалектика. По всем данным он соглашается с общей структурой гегелевской логики. В одной из философских тетрадок непосредственно вслед за списком схемы так называемой малой логики Гегеля Ленин замечает: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc.), таков действительно общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и естествознания, и истории, и политической экономии. Диалектика Гегеля есть постольку обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить ее конкретнее, подробнее на истории отдельных наук. В логике история мысли должна в общем и целом совпадать с законами мышления» [2].

Так материалистически интерпретирует Ленин порядок трех частей гегелевской логики: учения о бытии, учения о сущности, учения о понятии.

Продолжая размышлять над этой же проблемой структуры логики, Ленин еще более подробно намечает связи, переходы, последовательность категорий: «Сначала мелькают впечатления, затем выделяется нечто, потом развиваются понятия качества (определения вещи или явления) и количества. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus явления, причинности.

Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от суб'екта к об'екту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине (абсолютной идее)» [3]. Читатель видит, что в приведенной цитате дан набросок логически-исторического хода развития основных категорий и что этот набросок воспроизводит порядок категорий в логике Гегеля.

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 43.
[2] Там же, стр. 7.
[3] Там же.

Так в кратких словах обстоит дело с условиями построения марксистской логики. Это — громадная задача, требующая специального рассмотрения и специального исследования. В нашей общей работе мы не ставим себе такой задачи. Наша задача заключается лишь в том, чтобы показать основные устои диалектики, ее суть, ее специфическую характеристику, если угодно, ее развернутое определение.

В своих философских тетрадках Ленин не раз задается таким вопросом. В одном месте он в качестве предварительной рабочей заметки для себя довольно подробно перечисляет элементы диалектики; в других местах он пытается определить суть диалектики в одной, двух фразах. Внимательный просмотр этих заметок обнаруживает постоянство в подчеркивании коренных характеристик диалектики. Так, например, он пишет: «1) связь, и связь неразрывная, всех понятий и суждений, но 2) переходы одного в другое, и не только переходы, но и 3) тождество противоположностей — вот что для Гегеля главное. Но это лишь просвечивает сквозь туман изложения архи «abstrus». История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики — вот что нужно»[1].

Указанные моменты: связь, переходы, тождество противоположностей и составляют, по Ленину, основную характеристику диалектики. Так, например, на поставленный себе вопрос: «в чем состоит диалектика»? он отвечает: «взаимозависимость всех понятий без исключения; переходы всех понятий из одного в другое без исключения; относительность противоположности между понятиями; тождество противоположностей между понятиями»[2]. Здесь вновь и в той же последовательности указаны те же моменты. В дальнейшем, пользуясь этими указаниями Ленина, мы и попытаемся рассмотреть диалектику в этом аспекте.

5.

«В старой логике, — пишет Ленин, конспектируя Гегеля, — перехода нет, развития (понятий и мышления), нет внутренней необходимой связи всех частей и перехода одних в другие. И Гегель ставит два основных требования:

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 195.
[2] Там же, стр. 229.

1) необходимость связи и

2) имманентное возникновение различий».

По этому поводу Ленин замечает: «очень важно!!» «Это вот что значит по-моему:

1) Необходимая связь, об'ективная связь всех сторон, сил, тенденций etc. данной области явлений.

2) «Имманентное происхождение различий» — внутренняя об'ективная логика эволюции и борьбы различий — полярности»[1].

На этих моментах, подчеркиваемых Лениным, необходимо остановиться. В наших упрощенных изложениях диалектики фигурирует обычно на одном из первых мест своего рода «заповедь» диалектики: все в связи! Несомненно это правильно, и именно об этом говорит Ленин в первом пункте своего замечания: мир есть единство и все в нем находится в связи, нет отдельных, изолированных, независимых от всего остального фактов или «сущностей». В этом смысле Ленин, приводя схему идеалистической диалектики Гегеля: «небо — природа — дух», замечает: «Небо долой — материализм, — и далее, все vermittelt=опосредовано, связано воедино, связано переходами. Долой небо — закономерная связь всего (процесса) мира»[2].

Но это единство мира, эта всеобщая связь должна найти отражение в нашем познании. Задача познания — адекватное отражение действительности — не будет разрешена, если закономерная связь всего процесса мира будет пребывать вне человеческого сознания, а последнее будет его игнорировать. Логика должна быть построена согласно этому об'ективному принципу связи. Формальная логика на деле принципа этого не применяет. Иное дело — логика диалектическая.

Но что значит требование: логика должна быть построена согласно принципу связи? Это значит, что логические понятия, категории, должны выражать эту всеобщую связь. А это — нечто более сложное, чем фраза — все в связи. Сами логические категории должны содержать в себе живую связь сущего, должны заключать в себе это «сращение» различных сторон действительности. Первое условие науки — абстрагирующая деятельность сознания; второе условие — соответствие этих абстракций, понятий

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 49.

[2] Там же, стр. 57.

с фактами, материалистическая установка их. Но этого мало. Необходимо еще одно условие, естественно вытекающее из предыдущего. Условие это, или момент в методологии, было выдвинуто, — как это ни покажется сперва странным, — идеалистом Гегелем; об'яснение же сей странности — в том общеизвестном факте, что Гегель был диалектиком и что Марксу пришлось поставить на ноги эту диалектику, чтобы сделать ее научно-материалистической. Вот этот-то момент от идеалистической формулировки Гегеля перешел в материалистическую диалектику Маркса, а от него в методологию Ленина.

«Существует ходячий предрассудок, — писал Гегель, — будто философская наука имеет дело только с абстракциями, с пустыми всеобщностями, созерцание же, наше эмпирическое сознание, чувство нашего «я», чувство жизни, напротив, представляют конкретные в себе, определенные в себе сферы. Верно, конечно, что доменом философии является сфера мысли. Она поэтому имеет дело с всеобщностями, ее содержание абстрактно, но оно абстрактно исключительно по своему элементу, по своей форме. В себе же идея конкретна, ибо она представляет единство различных определений. Именно этим умозрительное познание отличается от простого рассудочного познания. И задачей философского мышления в противность рассудку является доказать, что истинное, идея состоит не в пустых всеобщностях, а во всеобщем, которое в себе самом является частным, определенным. Если истинное абстрактно, то оно не истинно. Здоровый человеческий разум стремится к конкретному. Только рассудочное мышление дает абстрактную теорию, не истинную, а только суб'ективно правильную, сверх того — и непрактичную. Философия же в высшей степени враждебна абстрактному и ведет обратно к конкретному»[1].

Эти замечательные по своей диалектике положения уничтожают предрассудок об «абстрактных туманностях» философии как методологии. Областью философии является сфера мысли. Но мысль пребывает абстрактной только в сфере формально-логического (у Гегеля — рассудочного) мышления; в сфере же мышления диалектического (у Гегеля — положительно разумного, «умозрительного») она является конкретной, как бы сращенной с

---

[1] Цитирую по II тому «Книги для чтения по истории философии» А. Деборина, М., 1925.

предметом, фактом, реальным отношением, она представляет единство различных определений и абстрактна лишь по форме. Именно такими абстрактными лишь по форме являются все понятия, категории марксистской методологии: капитал, производительные силы, производственные отношения и т. д. Они конкретны, ибо представляют единство различных определений, и конкретизируются еще больше, когда мы, например, суб'екту «капитал» приписываем предикат «промышленный» или суб'екту «производственные отношения» приписываем предикат «капиталистические». Смысл приведенных положений Гегеля в том, что методологические категории должны быть конкретны, что истина — в единстве абстрактного и конкретного, что при этом условии понятия будут обладать определенной познавательной ценностью.

Во «Введении к критике политической экономии» Маркс, как известно, касается вопросов об отношении абстрактного и конкретного. Речь идет там о методе построения политической экономии. Познавание отправляется, конечно, от конкретного, но чтобы это конкретное стало понятным, чтобы оно могло быть действительно осмыслено, чтобы «общество», например, не выглядело, действительно, «тощей абстракцией», приходится начинать с такой абстракции, как стоимость, деньги и т. д. Только после этого мы приходим к обществу как к конкретной категории, наполненной содержанием, богатой различными определениями.

Связь об'ективного мира должна быть отражена и в логической категории. Ленин пишет по поводу Гегеля: «Прекрасная формула: не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного (все богатство особенного и отдельного?)!! Très bien!» [1].

Наши понятия являются общими понятиями, но они не должны быть «общими понятиями» в другом смысле слова, т. е. общими, пустыми, ничего не говорящими словами. Они должны «воплощать в себе богатство особенного, индивидуального». Общее понятие как пустая абстракция — легкое дело, но трудное дело, чтобы это общее понятие сосредоточило в себе и выразило и все отдельные явления, связь и абстракцию от которых оно представляет. Заслуга Гегеля в том, что он вскрыл и показал на своем идеалистическом языке возможность и существование таких

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 53

понятий. Заслуга марксизма в том, что он вскрыл у Гегеля это «рациональное зерно под мистической оболочкой». Заслуга Ленина в том, что он напомнил основательно забытую в наши дни эту сторону материалистической диалектики и дал прекрасные формулировки и примеры.

При изложении и вместе с тем при изучении диалектики, по мысли Ленина, этот момент не должен быть упущен; сращенность, конкретность определений должна быть вполне осознана изучающим. Именно с этого и нужно начинать изучение диалектики понятий и общих представлений. Нужно показывать их связь с другими понятиями и представлениями и связь внутри их самих, нужно понимать их, как единство различных и даже противоположных определений.

«Начать, — пишет Ленин, — с самого простого, обычного, массовидного etc., с предложения любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь, как гениально заметил Гегель, есть диалектика: отдельное есть общее. Сравни Aristoteles, Metaphysik..: «denn natürlich kann nicht der Meinung sein, dass es ein Haus — дом вообще — gebe ausser den sichtbaren Häusern» (ибо, очевидно, невозможно думать, будто какой-то дом вообще существует помимо видимых домов).

Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д., и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия необходимости, об'ективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо, говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков, как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому.

Таким образом в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке», «клеточке», вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека

вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на любом простейшем примере) об'ективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей»[1].

Читатель видит, что все эти рассуждения Ленина касаются проблемы или категории связи. Ленин не останавливается на постулате: все в связи, но доискивается этой связи в самих понятиях. Эти рассуждения имеют значение не только логическое, но и теоретико-познавательное. Последнее понятно, ибо для марксизма диалектика и есть между прочим теория познания.

Каждое общее представление: человек, дом, собака, — связано с отдельными об'ективно существующими предметами, вне их нет и первого; как говорил некогда Маркс, вне отдельных плодов нет и плода, как понятия. С другой стороны, все эти отдельные предметы связываются в общем представлении: все случайное отходит, все необходимое сосредоточивается в общем представлении. Капиталистическое общество не существует помимо отдельных капиталистических обществ Англии, Франции и пр., но все случайное, специфическое для той или иной страны остается в стороне, а в понятие «капиталистического общества» входит все существенное и необходимое. Поэтому Ленин и говорит, что «всякое отдельное неполно входит в общее» и «всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы». Задача знания между прочим и состоит в том, чтобы возможно полнее охватывать отдельные предметы. А это охватывание происходит не только путем создания новых отдельных представлений, но и новых более полных, конкретных общих представлений и понятий, «сращивающих» в себе новые отдельные предметы или новые их отдельные стороны.

Такая конкретность понятий, их внешняя с другими связь и их внутренняя в самих себе связь различных определений отметает все басни о чистых понятиях идеалиста или о чистых вещах и явлениях материалиста-метафизика. Нет «чистых» изолированных, довлеющих себе понятий, как нет изолированных, несвязанных явлений. Все в связи, — повторим мы ставшую уже трафаретной формулу, все опосредовано, даже самое понятие «чистоты».

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII, «К вопросу о диалектике», стр. 302—303.

«Чистых явлений, — пишет Ленин по вполне житейскому вопросу, по вопросу об империалистической войне, — ни в природе, ни в обществе н е т и быть не может, — об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого капитализма», а всегда есть п р и м е с и, то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь» [1].

Если мы определяем какое-нибудь явление как «чистое», именно д а н н о е явление (так именно поступает формальная логика), то это лишь свидетельствует, что мы не учли всех его сторон, всех связей и опосредований. Конечно, возможен предел человеческих знаний, но, как нам уже известно, и этот предел есть величина переменная, относительная. Задача познания в том, чтобы на данной ступени знания охватить в с е в о з м о ж н ы е связи и опосредования.

6.

Мы еще вернемся к этой проблеме связности и конкретности явлений и понятий, когда будем говорить о социальной методологии Ленина, а сейчас мы должны посмотреть на те выводы, какие следуют из слов Ленина о том, что в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке», «клеточке», вскрыть зачатки всех элементов диалектики.

Мы говорим о связи, но статична ли, так сказать, эта связь или динамична? Действительно, если все находится в связи, то спрашивается, эти «связанные» предметы и явления находятся в покое или в движении? Мертвая ли это связь или живая? Из ходячих изложений диалектики мы знаем вторую «заповедь»: все движется; но как эту истину современного обыденного сознания осмысливает диалектическая логика?

Ленин и эту проблему ставит в плоскости диалектической логики, диалектической теории познания. Если в материальном внешнем мире все находится в движении, то это обстоятельство должно быть отражено и в логике. Логические категории должны быть понятны не как застойные определения рассудка, но как определения движущиеся.

---

[1] В. И. Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 160, «Крах II Интернационала».

Застойность, метафизичность формально-логических определений была прекрасно выяснена в свое время и Энгельсом и затем Плехановым в его критике формально-логических принципов тождества, противоречия и исключенного третьего. Там указывалось на то, что формальная логика не может охватить движения; это возможно лишь силами диалектической логики. Но Плеханов не показал, как в самих логических определениях заложено движение, которое должно быть вскрыто, так сказать, «высвобождено» логикой диалектической и которое действительно ею высвобождается, обнаруживается.

Материалистически прорабатывая Гегеля, Ленин обратил внимание на эту сторону диалектической логики. Он снова берет самые простые примеры и действительно показывает, как в этих логических «клеточках» заложены «зачатки всех элементов диалектики».

Под рубрикой «Мысли о диалектике en lisant Hegel» Ленин записывает: «Остроумно и умно. Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них есть движение. Конечный? — значит двигающийся к концу! Нечто? — значит не то, что другое. Бытие вообще? — значит такая неопределенность, что бытие = небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная суб'ективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная об'ективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» [1].

Категории диалектической логики способны отражать движение материального мира, потому что они «гибки», потому что они в самих себе таят движение. Однако гибкость эта сама не должна возводиться в абсолют. Это означает, что категории не должны рассматриваться как суб'ективные. Если, с одной стороны, «все в связи» и «все движется», а с другой, — это все исчерпывается логическими понятиями, то неизбежен не только идеализм, но и — как мы видели на проблеме абсолютной и относительной истины — релятивизм и софистика.

Все понятия связаны, все они находятся в движении, все стремятся перейти в собственную противоположность, и нет ни-

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 71.

чего, по чему они могли бы и должны были бы равняться. Истина теряется среди них и сама становится жертвой всеобщей относительности. Но если истина есть соответствие представлений, согласование их с внешней действительностью, если гибкость понятий применяется об'ективно, т. е. отражает «всесторонность материального процесса», перед нами диалектика как правильная теория познания.

«Диалектика самих вещей, самой природы, самого хода событий, — как выражается Ленин в другом месте, — вот первичное и диалектика понятий — вот вторичное, обусловленное и определенное».

Говоря о диалектике, Ленин всегда имеет в виду обе ее стороны, и первую, об'ективную и вторую, суб'ективную, или, говоря в старинных терминах: онтологическую сторону и гносеологическую сторону, т. е. он берет диалектику одновременно и как учение о законах бытия и как учение о законах мышления; причем второе должно быть диалектическим, поскольку диалектично первое.

Так обстоит дело и тогда, когда анализируется движение, когда н е ч т о переходит в с в о е д р у г о е. Если бы Ленин был только популяризатором диалектики, он неминуемо должен был бы говорить о переходе количества в качество, как это обычно у нас и делается; он должен был бы оставить методологическую сторону вопроса, теорию, и говорить о том, что он в и д и т в природе и обществе.

Слов нет, переход «количества в качество» есть один из важных принципов диалектики. Энгельс, например, в полемике с Дюрингом уделил много времени и места его уяснению. Ленин, напротив, говорит о нем сравнительно мало, потому ли, что считает вопрос достаточно выясненным после Энгельса и Плеханова, потому ли, что не считает его с у т ь ю диалектики.

Если важен переход количества в качество, то ведь не менее важен и переход возможности в необходимость и взаимодействия в причинность и т. д., но общее всему этому есть п е р е х о д одного явления в свое другое, противоположное. Ленин, который хочет выяснить сущность диалектики, останавливается не столько на частных случаях и их, несомненно, весьма важных особенностях, сколько на общем, характерном для всех частных случаев.

В своих философских тетрадках, набрасывая «элементы диалектики», Ленин записывает: «16 — переход количества в качество и vice versa», но здесь же в скобках замечает: «16 — суть п р и м е-

ры 9-го». Под номером же девятым у него значится... «переходы каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое (в свою противоположность)» [1].

7.

Переход одного явления, и вместе с тем понятия, к своему другому, к своей противоположности знаменует собой для Ленина новую проблему единства противоположностей, которая, собственно говоря, является синтезом проблемы связи и проблемы перехода. Все находится в связи и все находится в движении, это означает, что нет пустого, неразличенного тождества, что все полно различий, что все движется в противоположностях. Если понятие было «связным», «сращенным», конкретным; если оно в порядке осуществления этой связи двигалось к противоположному, связанному с ним, то это значит, что понятия являются связью противоположностей, их единством.

Единое, связное явление, при известных условиях, в своем движении распадается на противоположности, обнаруживает свою противоречивость и затем вновь воссоздается уже в иной форме, в ином качестве. Этот синтез связи и движения и составляет сущность диалектики. И диалектика как теория познания должна учесть это.

«Раздвоение единого, — пишет Ленин, — и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики». Так именно ставит вопрос и Гегель... Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма примеров («например, зерно», «например, первобытный коммунизм», тоже у Энгельса. Но это для популярности), а не как закон познания (и закон об'ективного мира).

В математике + и —. Диференциал и интеграл.

В механике — действие и противодействие.

В физике — положительное и отрицательное электричество.

В химии — соединение и диссоциация атомов.

В общественной науке — классовая борьба» [2].

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 277.

[2] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, т. XIII, «К вопросу о диалектике», стр. 301.

Нужно признаться, что в наших популярных изложениях диалектики этот момент «раздвоения единого и познания противоречивых частей его» оставляется совершенно в тени. Плеханов тоже не обращал на него должного внимания. Высказывания Энгельса и Плеханова о диалектике, обусловленные историческими обстоятельствами, главным образом полемикой, касаются тех сторон диалектики, которые были об'ектами критики, направленной против марксизма. Это привело к тому, что популяризаторы излагали и комментировали «количество и качество», «отрицание отрицания», «триаду» и т. д., но не дали себе труда взглянуть на самую с у т ь диалектики.

После опубликования Д. Б. Рязановым «Диалектики природы» Энгельса стало известно, что последний в специальной главе «Общий характер диалектики как науки» намеревался подробно остановиться на «законе взаимного проникновения противоположностей».

Опубликование ленинских заметок «К вопросу о диалектике» показало, что Ленин, исходя из общей концепции диалектического материализма и изучая диалектику по ее идеалистическому прототипу у Гегеля, понял и достаточно сильно выявил эту самую сущность диалектики.

Дана материальность мира, дана связь его явлений и движение их, но к а к и п о ч е м у происходит это видимое многообразие явлений? Вследствие присущего материи, имманентного ей движения. Так отвечали, и правильно, уже французские материалисты XVIII века. Но этого еще мало, этим еще не все сказано. Суть движения, источник его в раздвоении, расщеплении этого единого материального и в разнообразных соединениях частей. Вот суть диалектики, совмещающая и «связь», и «движение» и об'ясняющая все и всяческие переходы, все видимое многообразие вселенной.

Законы об'ективного мира в то же время являются и законами его познания. Общественные явления и процессы могут быть познаны при непременном условии образования категории борьбы классов, ибо в обществе об'ективно происходит борьба классов.

В капиталистическом обществе буржуазия и пролетариат находятся в связи, каждый из них имеет в другом «свое другое», общество в известном смысле раздвоено; в нем происходит движение, борьба этих классов. Классовое общество возникло из

первобытного — бесклассового — путем расщепления единства на противоречивые части. Неразличенное тождество в самом себе таило источник своего расщепления, оно породило различия, которые, относясь к существенным сторонам бытия, перешли в противоположность, а эти последние, будучи развиты, оказались противоречиями, требующими разрешения в новом единстве. Такова логика общественного процесса, создающая новое единство путем гибели старых противоречий. Общество есть единство противоположностей; равным образом и марксистское понятие общества есть не пустая абстракция, а живое конкретное единство различных и противоположных определений: базис и надстройка, производительные силы и производственные отношения, техника и рабочая сила, класс эксплоатирующий и класс эксплоатируемый и т. д., и т. п.

«Тождество противоположностей, — говорит Ленин («единство» их, может быть, вернее сказать? хотя различие терминов «тождество» и «единство» здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны), — есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)» [1].

Конечно лучше говорить о «единстве» противоположностей, чем о «тождестве» их. Тождество означает полное совпадение, полную идентификацию, нечто абсолютно лишенное различий, в то время как единство выражает и тождество, и одновременно различие, т. е. истинную диалектику. Именно таков смысл и ленинского тождества в данном отрывке. Итак, единство противоречивых тенденций во всех явлениях и процессах — вот что выражает об'ективную сущность мира.

8.

Рассмотренными моментами не исчерпывается основное в диалектике. Мы помним, что по Энгельсу диалектика есть учение об общих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления. В каком же отношении к сказанному стоит категория развития? Не приходится говорить, что это — важнейшая категория, что диалектику иногда отождествляют с развитием. Конечно, опять-таки легко сказать: «все

[1] В. И. Ленин, К вопросу о диалектике, там же.

развивается», но это безусловно правильное положение должно быть связано с остальными диалектическими категориями, иначе, — что у нас часто и случается, — диалектика превращается в пронумерованные «заповеди», механически перечисляемые, но не находящиеся между собой ни в какой связи.

О развитии марксисты писали много. Известна формула развития путем постепенного нарастания количественных изменений и затем внезапного скачкообразного перерыва постепенности и перехода к новому качеству. Плеханов, по следам Энгельса, много потрудился над тем, чтобы выяснить отличие диалектической концепции развития со скачками от «плоской и вульгарной» эволюции. Ленин, конечно, принимает эту азбуку диалектического материализма, но не останавливается только на ней. Он углубляет проблему, углубляет самую постановку вопроса о развитии...

«Развитие, — говорит Гегель, — есть знакомое представление. Философии, однако, свойственна та особенность, что она исследует то, что обыкновенно считается знакомым. Все, что употребляют и применяют автоматически, все, чем пользуются в повседневной жизни, — все это именно незнакомо тем, кто не обладает философским образованием». Дело, конечно, не в философском образовании, как полагал Гегель, но, действительно, можно тысячу раз в день употреблять слово «развитие» и все-таки не обладать точкой зрения развития. Бессистемно и не сознательно употребляемому слову «развитие» далеко до развития как методологической категории. Понятие развития принадлежит также к числу тех «наиболее общих результатов», достигнутых путем абстракции, о которых говорили Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». Как слово, оно общеизвестно и общеупотребительно, но рассматривать естественные и социальные явления с последовательно проводимой и сознательно применяемой точки зрения развития составляет удел немногих. И именно такова точка зрения диалектического материализма.

В целях раз'яснения понятия развития Гегель различает два состояния, первое: склонность, способность, бытие в себе, potentia, dynamis и второе: действительность, бытие для себя, actus, energeia. Становление действительности из возможности, становление для себя того, чем ты был в себе, и есть развитие. Суб'ект развития таит в себе то противоречие, что он есть бытие в себе и одновременно нечто отличное. То, что

существует лишь в нем, в процессе развития становится для него. Таким образом то, что для него стало об'ектом, есть то же самое, что он есть в себе, оно не пришло откуда-то извне; и, однако, — как говорит Гегель, — существует огромная разница между вновь достигнутой стадией и предыдущей. Человек в этом случае не обогащается никаким новым содержанием, и все же разница между этим состоянием и предыдущим — огромна. Нет ничего нового в том смысле, что ничего не пришло со стороны, и, однако, «плод» развития представляет нечто новое, ибо раскрылось, изменилось, развилось то, что было, и стало другим, новым. Пролетариат в капиталистическом обществе есть суб'ект производства, он господствует в производстве, но это его «господство» лишь в себе, лишь dynamei, как выражался Маркс, и для другого, для капиталистов; когда же он, экспроприируя средства производства, освобождает себя, его господство в производстве становится для себя. Как будто нового ничего нет, новое не пришло извне, но «плод» развития нов, он принципиально отличен от «зародыша» развития.

Сочетание понятия конкретного с понятием развития дает движение конкретного. Первоначальное единство конкретного выявляет свою природу единства различных и противоречивых определений, выступает как диференцированное. «Конкретное таким образом просто и все же одновременно и диференцировано. Это внутреннее противоречие этого бытия и является движущей силой развития и реализует эти различия». Конечно, движутся и развиваются не понятия, как это было у Гегеля, но об'екты действительности. Однако наука, задача которой возможно адекватно в понятиях отразить реальную диалектическую действительность, должна образовывать такие понятия, которые поистине эту действительность охватить в силах. Таковы все понятия диалектики, таково и понятие развития.

Для Ленина «развитие» не было словом; это понятие входило составным элементом в его методологию. Он служил, если так можно выразиться, общественному развитию всю свою жизнь. Было бы весьма интересно проследить это служение на протяжении всей жизни Ленина. Но такая задача означала бы изложение всей его жизни. Мы намечаем себе цель неизмеримо более скромную: некоторыми положениями из его работ показать, что он сознавал теоретическое значение этого понятия и пользовался им.

Вопрос ставится об источнике развития, о движущем моменте явления, ибо признание «скачков» еще не делает концепции развития диалектической.

«Развитие есть борьба противоположностей» — вот истинно диалектическое решение вопроса.

Ленин пишет: «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие, как уменьшение и увеличение, как повторение. И развитие, как единство противоположностей (разделение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними)» [1].

Первая концепция есть давно знакомая концепция Дарвина, Спенсера и всех эволюционистов-позитивистов. Если даже прибавить к такому представлению развития скачки, то оно не станет от этого диалектическим. Где источник этого самого развития? Где ключ к его пониманию? Эволюционисты-позитивисты отрицают самую постановку вопросов о «конечных причинах»; поэтому они и довольствуются первой концепцией развития, между тем она в лучшем случае констатирует факт, описывает явления; она отвечает не на вопрос «почему», а на вопрос «как». Но диалектические материалисты «такой метафизики», как вопрос «почему», не отрицают. Они вменяют себе в обязанность ставить такие вопросы и отвечать на них. Фактически ведь и эволюционисты-позитивисты не отрицают их: они лишь переносят эти причины в область «непознаваемого», весьма удобное место для всего «трансцендентного». Материалист же диалектик утверждает познавательность таких причин.

Ленин продолжает: «Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового. Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение... При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится в о - в не — бог, суб'ект etc.). При второй концепции

[1] В. И. Ленин, К вопросу о диалектике, там же.

главное внимание устремляется именно на познание источника самодвижения»[1].

Ясная и отчетливая формулировка Ленина двух основных концепций развития поистине является классической. Нельзя сказать, что первая концепция неверна, что она должна быть отброшена. Она верна, ибо фотографирует развитие: постепенное нарастание количественных изменений и скачкообразное появление нового качества. Но в этой первой формулировке еще не вся истина. Диалектика должна ответить на вопрос, почему так происходит. Ответ на него дает только вторая концепция. В ней ключ к «самодвижению».

Термин «самодвижение» не должен нас смущать. В нем нет и намека на некую «эволюционную» силу, на некое потаенное качество. Он означает лишь, что источник развития присущ самому развивающемуся предмету, конечно, опосредованному. Источник развития имманентен развивающемуся предмету, а не трансцендентен ему. Материя движется, это положение не отрицали и идеалисты-метафизики XVII—XVIII столетий. Но присуще ли движение материи? На этот вопрос они отвечали отрицательно: чтобы материя двигалась, необходим некий источник движения, «перводвигатель», великий часовой мастер, кот. «завел» однажды мировой механизм, horologium Dei. Но уже французские материалисты заявили, что движение есть свойство, атрибут материи.

Нечто аналогичное имеет место и с развитием. Полной аналогии, конечно, нет: развитие не есть некий провиденциальный атрибут материи. Но для развития материя не нуждается ни в каком внешнем источнике, который бы «развивал» ее. Первая концепция допускает это (бог, суб'ект), но так как в опыте эта «сила развития» не дана, ее переносят в мир непознаваемого. Вторая — находит ее в мире опыта. В общей формулировке это — «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними». Вместе с тем категория развития не постулируется, не ставится механически в ряд других категорий с очередным порядковым номером, а оказывается связанной теснейшим образом со всеми остальными категориями: связи, движения, перехода в противоположность, единства противоположностей. Категория развития вытекает из них и в известном смысле содержит их все в себе, синтезирует их.

---

[1] В. И. Ленин, К вопросу о диалектике, там же, стр. 301 и 302.

Такое итоговое, обобщающее и содержательное определение развития Ленин дал в своей статье «Карл Маркс», написанной для энциклопедического словаря Граната. Однако это всестороннее определение редакцией было выпущено и до 1925 года отсутствовало во всех перепечатках статьи. В 1925 году Институт Ленина опубликовал статью без цензурных и редакционных купюр. Там восстановлен следующий абзац: «В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всестороння, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления, или внутри данного общества; взаимозависимость и теснейшая неразрывная связь всех сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, наиболее содержательного (чем обычно) учения о развитии»[1].

9.

Если об'ективное развитие мира есть борьба противоположностей, то и познать это развитие можно лишь через понимание их единства. Научное познание процессов мира может быть только познанием в их самодвижении, без всяких явных или скрытых трансцендентных причин. Поэтому Ленин и пишет: «Условия познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни есть познание их, как единства противоположностей».

Указанное и подчеркнутое Лениным содержание диалектики, вскрытая и раз'ясненная им суть диалектической концепции

[1] В. И. Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм, Ленинград, 1925, стр. 13.

развития, — все это должно заключаться и в самом определении диалектики. Энгельс говорил, что диалектика есть учение о развитии природы, общества и мышления, но в таком, безусловно правильном определении не отражено понимание развития. Ленин дает более конкретное определение, — это понимание отражающее: «Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человеческий не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» [1].

В этом, как и в энгельсовском, определении указываются и об'ективная сторона диалектики (процессы мира, их развитие), и суб'ективная сторона ее (процессы мышления, развитие познания). «Суб'ективная сторона диалектики» вовсе не означает суб'ективизма произвольности; это выражение у нас означает, что диалектика свойственна не только об'екту познания, но и суб'екту его, т. е. для марксиста диалектика является и теорией познания.

Сенсуализм есть теория познания марксизма. Это положение выражает лишь то, что ощущение, как результат воздействия внешнего мира на наши органы чувств, есть первичный акт в процессе познания, но нельзя забывать и о «применении рационального метода к данным чувств», а это последнее означает, что для марксиста теорией познания является сенсуализм, проникнутый пониманием того, «как могут быть и как бывают тождественны противоположности», т. е. материалистическая диалектика. «Диалектика, — пишет Ленин, — и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую сторону дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах».

Из этих слов видно, какое громадное значение Ленин придавал теории познания марксизма. Диалектика для него не простое констатирование того, что совершается в природе и обществе, — но средство познать это в природе и обществе совершающееся, орудие познания, своего рода инструмент, при помощи которого мы «нечто» из области «незнания», непознанного, переводим в область «знания», познанного.

---

[1] В. И. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Лен. сборн., стр. 69.

Материалистический сенсуализм есть истина, но точнее, это — лишь условие приближения к действительности; материалистический сенсуализм в связи с практикой — как критерием истины — есть уже гарантия того, что мы на правильном пути к действительности, но самый путь есть материалистическая диалектика. Без нее мы все еще рискуем попасть в тенета материализма метафизического.

Значение диалектики, как теории познания, приводит Ленина еще к одной формулировке, которая, нисколько не противореча ранее приведенным, подчеркивает именно эту роль диалектики: «Диалектика, как живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей из каждого оттенка) — вот неизмеримое, богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная беда коего есть неумение применить диалектику к Bildertheorie, к процессу и развитию познания» [1].

В этой последней формулировке есть несколько «страшных» слов: Ленин говорит, что диалектика есть познание «с бездной оттенков» и что из каждого такого оттенка растет «система». Значит ли это, что марксизм превращается в жесткую, застывшую систему? что марксизм есть уже такая система? Нет, вывод этот будет неправильным. Дело в том, что Ленин не боялся слов. Важно не слово, а то содержание, какое в нем скрывается. Ленинское положение означает, что в материалистической диалектике настолько связаны все стороны, все категории, все моменты, что, взяв одну сторону, один момент, один «оттенок», мы при последовательном развитии, при неизбежном опосредовании этого «оттенка» другими, получаем систематическое мировоззрение. Каждый оттенок, каждый наш «подход» к действительности устремляется, растет и вырастает в целое так, что получается действительно σύστημα в первоначальном и буквальном смысле слова: составленное из многих частей единое целое. Иными словами диалектика, как теория познания, как определенная методологическая установка, при сближении с действительностью дает и определенное мировоззрение: материалистическая диалектика, как методология познания, приводит, скажем, к диалектическому ма-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, издание второе, «К вопросу о диалектике», т. XIII, стр. 303—304.

териализму, как мировоззрению, приводит к научному коммунизму, если угодно лишь подчеркнуть другую сторону, другой «оттенок» этого мировоззрения.

Как раньше мы говорили о единстве (а не тождестве) суб'ективной и об'ективной сторон диалектики, так теперь мы можем говорить о единстве (а не о тождестве) метода и мировоззрения. И если мы только что говорили о материалистической диалектике и диалектическом материализме, то вовсе не для того, чтобы выявить некоторое схоластическое «различение», а лишь для того, чтобы подчеркнуть две стороны, два «оттенка» диалектического материализма, его два, в известном смысле, значения, его гносеологическую сторону и его (мы тоже смеем не бояться старых и «страшных» слов) онтологическую сторону.

Как говорит Ленин, «у Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного товарного общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (resp. зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост, и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ (в сумме, в системе) его основных частей от его начала до его конца»[1].

Здесь диалектика, методология познания, приводит к определенной картине, к «онтологии» капиталистического общества, к системе представлений о нем. В более общей постановке вопроса диалектика, как методология, приводит к определенной картине мира, к диалектическому материализму, как к онтологии, как представлению о том, что существует.

Мы предпочитаем диалектику, в ее значении теории познания, формулировать не как гносеологию, а как методологию, ибо первая слишком отдает самой в себе замкнутой «критикой познания», слишком отдает кантианством. Понятие методологии шире: методология познания есть методология познания предмета, и это еще раз подчеркивает единство суб'екта и об'екта, подчеркивает предметность нашего знания.

Таким образом в самой общей форме указание на роль диалектики в марксизме заключалось бы в словах: диалектика есть

---

[1] В. И. Ленин, К вопросу о диалектике, там же.

методология (учение о методе) знания предмета. Но это первое указание было бы неполным, если бы мы не прибавили к нему слов: «на основе действия» (практики), ибо действенный момент теории познания вошел в марксизм еще с 1845 года, со времени тезисов Маркса о Фейербахе. Представляется как будто бы лишним (в особенности после того, что мы говорили в предыдущей главе) повторять, что практика, действие входит и в арсенал теории познания Ленина.

Стало быть, материалистическая диалектика есть методология знания на основе действия. Но и в этой формулировке сказана лишь половина дела. Действие есть не только момент теории знания; с тем же правом можно сказать, что и самое знание есть момент теории действия. Если диалектика есть теория знания, то она есть и теория действия.

В начале нашей работы мы, предварительно характеризуя Ленина, говорили о единстве теории и практики. Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе возвел это единство в принцип. Ленин этот принцип воспринял во всей его силе. В одной своей статье он пишет: «Наше учение, — говорил Энгельс про себя и своего знаменитого друга, — не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живу, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» [1].

В этих многознаменательных положениях марксизма есть определенное указание на то, что та же диалектика является и теорией действия, «руководством» к нему, т. е. его методологией. Таким образом диалектика есть и методология действия; однако и к этим словам необходимо добавить: на основе знания, ибо, как мы видели в начале нашей работы, «без революционной теории не может быть и революционного действия».

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2-я, «О некоторых особенностях исторического развития марксизма», стр. 138.

Итак, задачи материалистической диалектики, задачи, которые она выполняет, одним словом, ее общее значение — в том, что она есть методология знания на основе действия и методология действия на основе знания.

10.

В следующем очерке мы постараемся показать, как Ленин применял диалектику в указанном только что значении к области общественных явлений, постараемся вскрыть социальную диалектику Ленина, а сейчас не будет неуместным напомнить, как он относился к творцу идеалистического прототипа марксистской диалектики, — к Гегелю.

Марксизм есть единственно революционное мировоззрение: он безжалостно порывает со всем старым, на месте этого старого он хочет воздвигнуть новое, иное, принципиально отличное от старого. Он ориентируется не на прошедшее, а на будущее. И однако нет ни одного мировоззрения, ни одной философской школы, которая не относилась бы с таким уважением, как марксизм, к своим идейным предшественникам.

Мы отдали должное старым метафизическим материалистам и, видя все их недостатки, всю их об'ективную беду, не забыли их заслуг в борьбе со схоластикой, с идеализмом. Мы изучаем их, ибо это изучение показывает все их превосходство над метафизиками-идеалистами.

Мы должны отдать должное и великому диалектику-идеалисту Гегелю. Видя все его недостатки, всю его беду, мы не должны забывать его заслуг в борьбе с метафизическим методом мышления. Мы должны изучать его, ибо это изучение показывает не только его превосходство над метафизиками-идеалистами, но и, в известном смысле, над материалистами-метафизиками. «Гегель,— писал Ленин в своем «Конспекте», — действительно доказал, что логические формы и законы не пустая оболочка, а отражение об'ективного мира, — вернее, не доказал, а гениально угадал». Поэтому его диалектическая логика, материалистически переработанная, дает нам непобедимое оружие в борьбе с современными метафизиками всех и всяческих направлений во всех и всяческих областях.

Философский путь Ленина в глубь веков лежит через Маркса и Энгельса к их законным предшественникам: Фейербаху, Ге-

гелю, французским материалистам XVIII века. От Маркса зигзагом к Маху и Авенариусу и далее к епископу Беркли — таков путь ревизионистов-эмпириокритиков. От Маркса к Канту — таков путь ревизионистов-неокантианцев. Странным и в то же время естественным образом из этих последних путей выпадает Гегель, тем самым, как следствие, из марксизма выпадает диалектика, и революционность марксизма подвергается ревизии.

В чем другом, а в отрицательном отношении к диалектике Гегеля во всяком случае сходятся все ревизионисты. «Профессора, — пишет Ленин, — третировали Гегеля, как «мертвую собаку», и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»[1].

Ленин не только любил сам прогуливаться по исторической столбовой дороге диалектического материализма, но и другим настойчиво рекомендовал такие прогулки.

В материалистическом изучении Гегеля он усматривал отнюдь не гимнастику для мозгов, а заострение оружия марксистов. В небольшой статье «О значении воинствующего материализма», написанной за два года до смерти, Ленин коротко и ясно указал, чтó следует делать и на чтó следует обратить внимание марксистам-материалистам. В этой статье он настоятельно рекомендовал «организовать систематическое изучение Гегеля с материалистической точки зрения».

«Конечно, — писал Ленин, — работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон»[2]. И Ленин советовал создать своего рода «общество материалистических друзей гегелевской диалектики».

«Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1-я, стр. 55.

[2] В. И. Ленин, О значении воинствующего материализма, «Под знаменем марксизма» № 3 за 1922 г.

истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды».

Без систематического выполнения такой задачи материализм, по мнению Ленина, не может быть воинствующим, а именно таким должен он быть; он будет скорее «сражаемым», чем «сражающимся».

Таков основной пункт философского завещания Ленина. Он глубоко продуман, глубоко правилен и последовательно вытекает из философских основ всего мировоззрения Ленина. И если сейчас мы проводим в жизнь завещание Ленина в других областях, то и завещание его в области теории, в области диалектического материализма не должно быть забыто.

V.

ПРОБЛЕМА МЕТОДА СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ.

1. Исторический материализм и социология. — 2. Конкретность абстракций исторического материализма. — 3. Специфичность формы и содержания общественных явлений. — 4. Категория класса. Движение классов. — 5. Момент партийности в социальной методологии. — 6. Действенный момент социальной методологии.

> «Прямая задача науки по Марксу — это дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь об'ективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития».
>
> Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?

1.

Диалектико-материалистическая точка зрения, рассмотренная нами на канве произведений Ленина, применяется марксистами и в области исследования социальных явлений. Уже в «Друзьях народа» Ленин говорит о материализме, как о единственно научном методе социологии. Последнее слово требует пояснения. В наших глазах, как и в глазах всякого марксиста, понятие «социология» играет в значительной степени аналогичную роль с понятием «философия», разница лишь в том, что если «философия» обращалась ко всей действительности в целом с целью все раз'яснить и всему навязать свои схемы и рецепты, то социология обращается к общественной действительности, но с той же целью — все раз'яснить и всему навязать свои схемы и рецепты; и в этом смысле буржуазная «научная социология» ничуть не

превосходит и не лучше социальной философии или «философии истории» старого времени. Между тем, с подобной «всемирно-исторической» или «философско-исторической» точкой зрения Ленин борется уже в своих ранних работах 1894 года, хотя в них же он часто пользуется термином «социология». Как марксизм отменил, отказался от «философии» вообще, раз'яснявшей все и вся, так что на долю будущих поколений оставалось лишь почить на лаврах, как он отказался от спекулятивной натурфилософии, так отказывается он и от абстрактной социологии, раз'ясняющей одинаковыми приемами и с одинаковым успехом явления всех времен и порядков.

Понятие «социология» (от которого Ленин отказался в более поздних работах) Ленин употребляет в ином смысле, примерно в таком же, в каком мы и по сей день употребляем понятие «философия», именно в смысле методологии познания определенных специфических, именно социальных явлений. «Материализм в истории, — говорит он, — никогда не претендовал на то, чтобы все об'яснить, а только на то, чтобы указать единственно научный, по выражению Маркса, прием об'яснения истории»[1].

Если материализм в истории есть прежде всего метод познания, изучения, об'яснения, то обоснование материалистической точки зрения, осмысливание ее, учение о ней, есть методология изучения и познавания исторического общественного предмета, позволяющая и способствующая возможно более адекватно познать этот предмет. Только этот смысл своего рода социальной методологии и имеет в виду Ленин всякий раз, когда он говорит о марксистской социологии.

В самом деле социология есть наука об обществе, об обществе вообще, об обществе как таковом. Независимо от направлений буржуазные социологи толкуют о различных явлениях естественных, но имеющих отношение к обществу (физическая среда, климат и т. п.), и общественных (население, государство, право и т. п.) в применении к таковому «обществу вообще».

Нельзя, конечно, сказать, чтобы подобные социологи не знали истории и тех ступеней, которые проходил в своем развитии человеческий род, однако, общими их недостатками являются плохо понимаемая историчность об'екта исследования, а также

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» стр. 76

неучитывание момента конкретности социальных явлений. Между тем марксизм отказался от понятия «общества вообще» именно в силу его антиисторичности и абстрактности. Нельзя говорить о законах народонаселения вообще, поскольку каждая общественная структура имеет свои законы народонаселения. Нельзя говорить о раз навсегда данных законах влияния географической среды, поскольку это влияние различно в различных общественных формациях. Еще Плеханов говорил, что если даже и принять географическую среду за нечто постоянное, то влияние этой постоянной величины на общество есть величина переменная.

Попытаться мыслить исторический материализм как социологию значит столкнуться с этим непреодолимым препятствием, которое ставится, кстати сказать, самим историческим материализмом.

Поправка, гласящая, что исторический материализм есть социология классового общества, принципиально не изменяет дела, так как история знает несколько классовых обществ. «Познание, — говорит Энгельс в «Анти-Дюринге», — здесь (в науках исторических) по своему существу носит относительный характер, ограничивается выяснением связей и следствий известных, существующих только для данной эпохи и данных народов и, по своей природе, преходящих общественных и государственных форм».

Последовательность требовала бы таким образом от марксистов-«социологистов» считать исторический материализм «социологией капиталистического общества», но это означало бы, разумеется, совершенно необоснованное и неосновательное сужение исторического материализма, ибо исторический материализм, как методология изучения социальных явлений, применим не только к капиталистическому обществу.

По существу дело рисуется в следующем виде: диалектический материализм есть методология исследования и общественных и естественных явлений. В применении к области социальных явлений (соответственно к наукам социальным) диалектический материализм конкретизируется как материализм исторический. Последнее название и не означает ничего иного. Таким образом исторический материализм есть методология истории, политической экономии, науки о праве и государстве и т. д.

Выше мы говорили, что определенные, методологические предпосылки при столкновении с группой конкретных об'ектов при-

водят к определенному мировоззрению в целом, к определенной теории в той или иной области явлений. В данном случае исторический материализм, как метод, — в науке о государстве приводит к марксистской теории государства, к теории диктатуры пролетариата. В политической экономии он же приводит к теории трудовой стоимости. Как же обстоит дело с историей? — Аналогичным образом. Метод исторического материализма здесь приводит к теории научного социализма[1].

Именно научный коммунизм и есть та теория, к которой в области исторической науки приводит метод исторического (диалектического) материализма, подобно тому как эволюционная теория (Дарвина-Геккеля) есть та теория, к которой в области биологической науки приводит метод диалектического (исторического) материализма[2].

Из всех терминов, которые марксизм принимает для выявления своих различных сторон, теория научного коммунизма стоит ближе всего к «социологии». Если угодно, именно теория научного коммунизма и есть «марксистская социология». Мы говорим «если угодно», потому что, приближаясь по форме больше всего к «социологии», теория научного коммунизма по существу как раз упраздняет социологию. Таким образом и с этой стороны термин «социология» следует признать в глазах марксиста неудачным. Наконец, если исторический материализм есть социология, как таковая, а не метод, приводящий к теории научного коммунизма, то и диалектический естественно-научный материализм есть биология, как таковая, а не метод, приводящий к эволюционной теории дарвинизма, а такое решение проблемы, разумеется, неправильно.

Позиция «социологистов» окончательно падает, если мы вспомним, что, по нашему определению, формулировка которого вы-

[1] Как ни странно, во всех современных спорах, в которых фигурируют понятия диалектического материализма, материалистической диалектики, метода, мировоззрения, теории, системы и т. п., остается в тени старое заслуженное понятие научного социализма. О нем говорят главным образом историки социализма, однако не увязывая его должным образом с методом исторического материализма.

[2] К. А. Тимирязев, говоря о дарвинизме, справедливо рассматривал его как исторический метод в биологии. В известном смысле можно говорить о дарвинизме, как методе, и дарвинизме, как теории; равным образом, краткости ради, о марксизме, как методе, и о марксизме, как теории.

текает из концепции Ленина, диалектический материализм есть не только методология знания на основе действия, но и методология действия на основе знания. Есть опасность «заметодологизироваться», эта опасность тем сильнее, чем больше подчеркивается роль исторического материализма, как исключительно методологии общественных наук. Поэтому с тем большей силой следует подчеркивать вторую, действенную, сторону диалектического материализма.

Таким образом в применении к социальному бытию диалектический материализм есть в равной мере и методология социального знания на основе действия и методология социального действия на основе знания.

Если же диалектический или, ближайшим образом, исторический материализм есть и методология действия, а на основе концепции Ленина мы утверждаем, что дело обстоит именно так, то социология, наука об обществе вообще, лишенная действенного момента, окончательно теряет свое право на существование.

Итак, коротко говоря, исторический материализм есть прежде всего методология познания общественных явлений. Вправе ли мы в таком случае говорить об особой, отличной от исторического материализма социальной методологии у Ленина? Не ясно ли и не достаточно ли сказать, что Ленин был последовательнейшим и талантливейшим историческим материалистом, что он неуклонно применял марксистскую точку зрения, что он, отправляясь от нее, верно определял исторические явления и события и практически действовал в согласии с этими определениями? Все это, конечно, так, и в таком утверждении нет ничего нового и неизвестного хотя бы для внимательного только читателя произведений Ленина. Строгий анализ диалектического, следовательно, революционного материализма проникает собою ленинские суждения о больших и малых делах и событиях. Останавливаться на этом не имеет смысла.

Но при всем этом видеть специфически ленинское в историческом материализме лишь в его последовательности (а это уже много) и талантливости было бы недостаточным. Есть такие черты марксистской социальной методологии, которые особенно подчеркиваются, выставляются и развиваются Лениным. Черты эти не привносятся им в исторический материализм извне, из некоей иной философии; они содержатся в марксизме, но большая часть их как бы остается в тени; между тем эти моменты имеют громад-

ное познавательное и действенное значение, и потому подчеркивание их Лениным и притом еще на заре русского марксизма составляет, несомненно, его заслугу. Они, как сказано, отнюдь не видоизменяют марксизма; напротив, они углубляют, расширяют и подчеркивают его содержание. Они особенно характеризуют Ленина как исторического материалиста; они составляют основные моменты его социальной методологии, социальной методологии ленинизма. К выявлению этих моментов и направляются последующие строки.

2.

В свое время, при рассмотрении материалистической диалектики как общей методологии, мы указывали, что марксизм не является узким, ползучим эмпиризмом. Он признает необходимость и познавательную ценность материалистических абстракций.

Сказанное в равной мере относится и к области общественных явлений. Дело лишь в том, что поскольку общественная действительность представляет иные, специфические отношения, постольку и абстракции социальной методологии должны быть иными, специфическими. Как увидим далее, это в значительной степени подчеркивается Лениным. В общественной действительности наивный эмпирик видит людей, людей и только людей. Правильно ли это? Конечно правильно, ибо только люди составляют общество, но не только людьми исчерпывается общественная действительность. Отношения, которые реально существуют между людьми, не суть люди, хотя они и невозможны без людей. Не видеть этих отношений (а их, как и «протяжения», видеть глазом нельзя) значит ничего не понимать в социальных явлениях. «Положение, что историю делают личности, теоретически совершенно бессодержательно. История вся состоит из действия личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы об'яснить эти действия»[1]. Итак, на поверку выходит, что якобы научное положение «историю делают личности» является самой пустой, бессодержательной абстракцией, потому что эмпирик не пошел дальше видимых общественных предметов — людей, не дошел до невидимых, хотя и материальных отношений между людьми. Мы видим, что наивный эмпирик, — безразлично, является ли он историческим идеалистом или об'являет себя

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. II, «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», стр. 62.

материалистом, — способен иметь дело лишь с отдельными предметами или, когда он пытается «теоретизировать», способен на самые дурные и бессодержательные абстракции, которые ничего не об'ясняют.

Таким образом дело сводится к различию абстракций, вернее, абстрактностей, наивного эмпирика и абстракций диалектического материалиста. Различие сводится не к мелким деталям, оно касается самого существа вопроса, оно принципиально. Мы знаем уже в плоскости общей постановки проблемы, что абстракции диалектического материалиста глубоко содержательны, они совмещают в себе различные определения предмета, словом, они конкретны.

Вот эта-то поистине борьба за конкретность понятий, определений, — словом, за конкретность «абстракций», — характеризует уже молодого Ленина. В 1894 году в полемике с Михайловским он чуть ли не буквально воспроизводит рассуждение Маркса из «Введения к критике политической экономии» (опубликовано в «Die Neue Zeit» лишь в 1903 г.): «Начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс, — значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к об'ективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?» [1].

Понятие общества, чтобы оно хоть что-либо обозначало, должно быть конкретным. Абстрактные определения общества — «только подсовывание под понятие общества либо буржуазных идей английского торгаша, либо мещанско-социалистических идеалов российского демократа, — и ничего больше». В социальной методологии конкретное определение общества является первым шагом; абстракция, пустая и тощая, вроде «совокупности людей», реальной, длительной, какой угодно, в этом пункте есть уже коренная ошибка, и связать такое определение логической нитью с остальными категориями исторического материализма — безнадежное дело. Такое абстрактное определение общества гармонирует однако с построением исторического материализма как социологии.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», стр. 74.

Конечно, общество состоит из людей, но какова ценность такого сообщения? Конечно, такая совокупность реальна, но только суб'ективный идеалист будет отрицать это. Вопрос длительности есть вопрос времени. Феодальное общество в Европе насчитывало почтенную почти тысячелетнюю давность, а о молодом капиталистическом обществе (всего каких-нибудь полтораста — двести лет) мы говорим уже, как о живом трупе. Даже введение «трудовой связи» не спасает дела, ибо трудовая связь есть и у пчел, и у муравьев, а вот общества, — если не играть словами, — у них нет.

В социальной методологии марксизма понятие общества должно получить конкретное определение, и величайшей заслугой Ленина, не превзойденной ни одним из русских марксистов или именующих себя таковыми, является то, что он подчеркивал, отстаивал, развивал и пропагандировал марксово определение общества.

В чем отличительная особенность, в чем корень марксистского определения общества? В том, что оно при наименьшей затрате слов дает наиболее полное, глубокое и, что самое важное, конкретное определение этого понятия, такое определение, которое, содержа в себе всю сущность — и только сущность — определяемого, подводит к не менее определенным практическим выводам представителей каждого общественного класса. Если при этом не дается исторического и логического генезиса этого понятия (данного в «Капитале»), то это составляет задачу политической экономии и во всяком случае не входит в задачу логического определения. Если при этом не дается такого определения общества, под которое подошли бы все люди всего земного шара в один ли момент или, что еще хуже, люди всех времен (т. е. всех обществ), то ведь именно это и составляет нерв марксистской методологии, именно это-то обстоятельство и делает определение конкретным, а не тоще абстрактным.

В «Наемном труде и капитале» Маркс дает это определение в таких выражениях: «Производственные отношения в их целом образуют то, что называют общественными отношениями, обществом и к тому же обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития, обществом с своеобразным, ему одному присущим характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество являются такими совокупностями производствен-

ных отношений, из которых каждая обозначает вместе с тем и особую ступень в развитии человечества»[1].

Нужно понять общество, как совокупность производственных отношений, и тогда «сами собою» придут и люди, и трудовая связь, и бесчисленные взаимодействия, и т. д., и т. п. Суть в том, что исторический материализм дает не абстрактное определение общества, а конкретное. Общество вообще — абстракция, как и совокупность производственных отношений вообще, но речь идет об определенных производственных отношениях, например, феодальных, капиталистических и т. д., и тогда пролетарий, например, может сделать из этого определения практические выводы, о чем речь будет ниже.

Для марксиста не может быть общества вообще, а может быть только определенная совокупность производственных отношений, т. е. определенная общественная формация, ибо только для определенной общественной формации могут быть сформулированы законы ее движения, развития и снятия, — единственное условие, делающее возможным «социологию», как науку. Маркс, — говорит Ленин, — «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»[2].

---

[1] К дальнейшему заметим следующее. Плеханов в «Монистическом взгляде» приводит указанное место из Маркса, но не развивает его. Бухарин: «Общество — наиболее широкая система взаимодействующих людей, обнимающая все длительные их взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь» («Теория исторического материализма»). Энгель: Общество — «независимая, территориально-отграниченная совокупность индивидов, связанных определенной системой общественных отношений», а эти последние — «такие социально-психические, а следовательно, и биологические отношения между людьми, которым присущи два основных идеологических момента: целевой и нормативный»! («Очерки материалистической социологии»). Трахтенберг: «Общество можно определить как совокупность людей, связанных друг с другом многоразличными постоянными взаимодействиями» («Беседы с учителем по историческому материализму»). Б. Горев, автор «Очерков исторического материализма», вовсе не дает определения общества. Ближе к цели, но многословнее Разумовский: «Общество — некоторая целостная совокупность определенных отношений людей, в основе которых лежит та или иная связь их в процессе производства и в которой составляющие ее люди рассматриваются в их отношении к целому и с точки зрения этого целого» (курс «Теории исторического материализма»).

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, «Что такое «друзья народа»...», стр. 73.

Такому пониманию общества Ленин, по справедливости, придавал громадное познавательное значение. Оно было для него отправным пунктом в его социальной методологии, в критике социологов-суб'ективистов, и оно же служило ему обоснованием его практической деятельности. Самую идею исторического процесса, как процесса естественно-исторического, по мнению Ленина, Маркс выработал «посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — «отношений производственных», как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения» [1].

Конкретное определение общества обладает громадной познавательной ценностью. Только оно позволяет понять истинную действительность данной страны. Возьмем, например, проблему соотношения общества и государства. Очевидно, они не совпадают ни территориально, ни логически. Но что означает это «не совпадают»? Во-первых, несколько государств могут быть расположены на «территории» одного общества. Любой буржуазный социолог согласится, что ряд, например, европейских государств принадлежит к одному, скажем, цивилизованному обществу. Марксист скажет, что эти же государства принадлежат к капиталистическому обществу. Но этим еще не исчерпывается проблема.

«Территория» не есть характерный признак общества. Общество, как мы знаем, есть совокупность производственных отношений, которые, как выражается Маркс, в целом составляют общественные отношения. Вопрос, во-вторых, сводится к тому, может ли на территории одного государства быть расположено несколько обществ? Марксистская концепция обществ утвердительно отвечает на этот вопрос.

Как говорил Ленин, не бывает «чистых» социальных явлений. В капиталистическом обществе сохраняются остатки феодального общества и т. п. Поэтому вполне возможно, что на территории одного государства, в общем принадлежащего к определенной социально-экономической структуре, пребывают в большей или меньшей степени и иные социально-экономические структуры, следовательно, и соответствующие их базису идеологические надстройки. И так как, повторяем, не территория является решающим моментом при отнесении той или иной страны к тому или

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, «Что такое «друзья народа»...», стр. 69.

иному обществу, то получается так, что в одной стране имеется сложный переплет из «базисов» и «надстроек» различных общественных структур.

Блестящий пример и вместе с тем доказательство этим положениям дал Ленин в своем перечислении элементов различных общественно-экономических укладов, имеющихся налицо в России эпохи диктатуры пролетариата. В этом он видел «гвоздь вопроса» познания Советской России.

Эти общественно-экономические уклады, как известно, таковы:

1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частно-хозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

«Россия, — добавляет Ленин, — так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней»[1].

Указанные «типы общественно-экономических укладов» и являются на более привычном языке «типами общественных структур». Определение принадлежности страны к той или иной общественной структуре обусловливается, очевидно, высшими звеньями. Так, Советская Россия есть страна, переживающая эпоху переходного периода от капитализма к социализму и коммунизму. В согласии с этим мы и говорим об обществе переходного периода от капитализма к коммунизму с соответствующей политической надстройкой в виде пролетарского государства.

Низшие звенья отнюдь не аннулируют этой об'ективной характеристики; они, по выражению Ленина, составляют своеобразие положения страны. Другая страна, переживающая аналогичный период, может быть, будет характеризоваться иным своеобразием (например, будет отсутствовать первый, низший уклад); это своеобразие при изучении страны должно быть, конечно, учитываемо, но существенным для страны, для определения ее будут всегда высшие звенья социально-экономических укладов, высшие типы производственных отношений.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, «О продналоге», стр. 203.

До марксизма социологи, по мысли Ленина, с которой нельзя не согласиться (разве что буржуазные социологи и после Маркса), не умели отделять важные явления от неважных, не могли найти об'ективного критерия для такого разграничения. Выделением производственных отношений марксизм дал этот критерий; кроме того, он, в согласии с фактами, применил к этим категориям, как отражениям фактов, общенаучный критерий повторяемости; только после этого социология, ставшая социальной методологией, могла быть сформулирована, как наука. До этого можно было только или, оставаясь на почве наивной эмпирии, описывать индивидуальные общественные явления и события, или спекулировать, умозрительно конструировать историософские квазитеории. Материалистическое абстрагирование на основе сличения идей с фактами, обобщение порядков разных стран в одно основное понятие общественной формации, как конкретного единства различных определений, «дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, «что» отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, «что» обще всем им»[1].

Итак, в таком кардинальном вопросе методологии социального знания, как установление понятия общества, Ленин требует научно-материалистической абстракции, т. е. обобщения, которое было бы в себе конкретно, которое обладало бы познавательной ценностью. Мы можем применить к нему слова Гегеля: его «философия в высшей степени враждебна абстрактному и ведет обратно к конкретному».

3.

Понятие конкретного в сочетании с понятием развития дает, по Гегелю, движение конкретного. Известно, что Ленин в 1894 году не читал Гегеля, но материалистическая диалектика Маркса привела его к положению, что именно конкретное понятие общества в сочетании с понятием развития на языке методологии дает движение, притом прогрессивное, общественных формаций. «Только сведение общественных отношений, — говорит он, — к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим про-

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, «Что такое «друзья народа»...», стр. 71.

цессом»[1]. Абстрактное не может двигаться и развиваться, ибо оно не включает в себе различных определений. Поэтому абстрактное определение общества наряду с постулируемым только его развитием представляет для такого социолога неразрешимую задачу по сведению логических концов с концами.

При абстрактном определении общества (как это было, например, у русских суб'ективистов) «не может быть речи даже и о развитии (не говоря уже о естественно-историческом развитии. — *И. Л.*), а только о разных уклонениях от «желательного», о «дефектах», случившихся в истории вследствие... вследствие того, что люди были неумны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков. Ясное дело, что основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций в корне подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии»[2].

Ленин понимает, что знаменитая триада отнюдь не составляет обоснования или движущего принципа развития: последним является противоречие в единстве, триада же — лишь форма, в которой совершается самый процесс развития, становления. «Диалектическим методом, — писал Ленин в 1894 году, — в противоположность метафизическому Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим об'ективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»[3].

Метод, усмотревший в «человеческом обществе» определенные общественные формации, применивший к ним в согласии с фактами критерий повторяемости, сформулировал исторический процесс, как процесс естественно-исторический, т. е. непреложный, закономерный на основе причинности, непроизвольный. Но если развитие обществ подчиняется естественно-историческим законам, то применимы ли к общественным явле-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, «Что такое «друзья народа»...», стр. 71.

[2] Там же, стр. 69.

[3] Там же, стр. 93.

ниям и событиям естественно-научные категории, — другими словами, можем ли мы уразуметь общественный процесс при свете лишь механических, физических, химических и биологических категорий? Ответ исторического материализма на такой вопрос общеизвестен. Поскольку социальные связи представляют нечто новое и принципиально отличное по сравнению с связями неорганического и органического мира, постольку подходить к общественным явлениям с мерками естественно-научными недостаточно. Биологические и иные категории действуют в мире социальном в снятом виде; для уразумения первого необходимы еще иные категории, абстракции от специфических социальных явлений.

Это некритическое перенесение механических, биологических и иных категорий на общественные явления было ошибкой не только старых социологов, но и многих марксистов. Между тем такая операция является одной из дурных абстракций, и с подобными дурными абстракциями Ленин боролся еще на заре своей деятельности. Именно в нарушении требования конкретности методологических определений видит он корень подобных ошибок. Установление конкретного понятия общественной формации и других понятий исторического материализма должно, по его мнению, достаточно показать всю бесплодность и пустоту такой абстрактной игры словами. «Самое понятие экономической структуры, — говорит он, — было точно раз'яснено опровержением взгляда прежних экономистов, видевших законы природы там, где есть место законам особой, исторически определенной системы производственных отношений» [1].

Определение исторического процесса, как процесса естественно-исторического, не противоречит такой единственно научной концепции. Здесь есть диалектика. Природа и общество не представляют двух разорванных, не сообщающихся областей. Законы вселенной едины, и, например, принцип причинности господствует и там и здесь, но обнаружение этого принципа в мире природы одно, а в мире общества — другое. Абстрагирование из обоих миров принципа причинности правомерно, но неправомерно применение его к области обществоведения непосредственно в том виде, в каком применение его правомерно в области естествознания. Единство мира этим не разрывается, напротив, этим конкретизируются его определения.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, «Что такое «друзья народа»...», стр. 74.

Сказанное имеет особое значение для смежных областей биологии и социальных наук. Здесь особенно часто совершаются подобные ошибки и притом в полном сознании «научности» подобных аналогий. «Нити, проходящей через всю органическую природу, вплоть до человека, теория Маркса нимало не прерывает: она требует только, чтобы «рабочий вопрос» — так как таковой существует лишь в капиталистическом обществе — решался не на основании «общих изысканий» о размножении человека, а на основании особенных изысканий о законах капиталистических отношений»[1].

Суть в том, что подобные «общие изыскания», пустые абстракции ничего не раз'ясняют в общественных явлениях. Категория борьбы за существование (а точнее и правильнее в формулировке Г. Спенсера — переживания наиболее приспособленного) об'ясняет нам процессы, происходящие в животном мире; по крайней мере, мы не знаем пока лучшего об'яснения, но, — спрашивает Ленин, — «узнаем ли мы хоть что-нибудь о причинах нужды, об ее политико-экономическом содержании и ходе развития, если нам говорят, что это — метаморфоза борьбы за существование?» Под такое понятие подойдут не только отношения крепостного к феодалу или отношения рабочего к капиталисту, но и все, что угодно. Значит, мы должны в нашем анализе ввести иную категорию — именно борьбу классов, специфически общественное понятие и далее рассматривать, как эта классовая борьба видоизменяется внутри каждой антагонистической общественной формации; только тогда понятия наши будут конкретны и будут давать нам импульсы к соответствующей практической деятельности. Таков один из основных моментов социальной методологии Ленина — познавание предмета в его конкретности.

4.

Требование конкретности определений Ленин распространяет на все понятия социальной методологии и именно в этом видит научность марксизма. В нашу задачу не входит перечисление всех тех категорий, которыми пользовался Ленин в своем социальном анализе; вообще говоря, по содержанию они совпадают с тем, что дал исторический материализм. Но можно привести еще один пример образования логической категории класса,

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. II, «Экономическое содержание народничества...», стр. 113.

играющей столь существенную, первостепенную роль в оружии критики у Ленина.

Суб'ективная индивидуалистическая социология (у нас народники) отправляется от отдельных личностей и восприятие в поле зрения отношений между ними общественных групп считает «мистикой». Мы видели уже ленинскую критику такого взгляда: личности ничего не об'ясняют, и, закрывая глаза на отношения между личностями, суб'ективист не в силах подняться до научного об'яснения социальных явлений. Напротив, «материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальные личности, из действий которых и слагаются эти отношения»[1].

Индивидуалистическая точка зрения прежде всего должна быть заменена социальной, общественно-групповой точкой зрения. Сам суб'ективист, отрицающий такой метод, не может на практике уйти от его предпосылок. Начиная свое рассуждение с якобы живых личностей, он на самом деле начинает с утопии, и так как мысли его бессознательно для него самого отражают данную социальную среду, то окончательные выводы его отражают лишь точку зрения и интересы мелкой буржуазии.

Как на место общества вообще в марксистском анализе должна быть поставлена данная общественная формация, так на место порознь или вместе взятых людей должна быть поставлена общественная группа. Но и понятие общественной группы само по себе обще, бедно содержанием, абстрактно. Чтобы оно возымело познавательную ценность, оно должно стать к о н к р е т н ы м. Это было достигнуто марксовой теорией классовой борьбы и это особенно подчеркивается Лениным. «Само по себе это понятие слишком еще н е о п р е д е л е н н о и п р о и з в о л ь н о: критерий различения «групп» можно видеть и в явлениях религиозных и этнографических, и политических, и юридических и т. п. Нет твердого признака, по которому бы в каждой из этих областей можно было различить те или иные «группы». Теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что устанавливает п р и е м ы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей т о ч н о с т ь ю и о п р е д е л е н н о с т ь ю»[2].

[1] В. И. Л е н и н, Собр. соч., т. II, «Экономическое содержание народничества...», стр. 69.

[2] Там же, стр. 73.

Вместо расплывчатой общественной группы исторический материализм установил конкретное понятие класса. Этим, конечно, отнюдь не устраняются такие группы, как нация, сословие и т. п., но они об'ясняются, что составляет первую задачу общественной науки. Социальная методология, употребляя выражение Ленина, должна уметь отделить об'ективно важное от неважного и это «важное» взять за основу. Теория классовой борьбы и свела на основании такого признака действия «живых личностей» суб'ективистов к «действиям групп личностей, различавшихся между собой по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, — одним словом к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества»[1]. Таким образом конкретное определение понятия класса считается Лениным важнейшим условием социальной методологии.

При определении класса Ленин исходит из производственного признака, а не из распределительного. Однако в каждой общественной структуре способ и формы распределения теснейшим образом связаны со способом и формами производства. Поэтому хотя распределительный момент и не является моментом, конституирующим класс, однако он должен быть учтен при определении этого последнего.

Для сословий, как известно, решающим моментом являются права и обязанности, т. е. категории юридические. Классы же современного, капиталистического общества, по выражению Ленина, предполагают юридическое равенство. Сословия являются характерной чертой той общественной структуры, в которой экономические явления закрепляются и застывают в юридических определениях. «Сословия, — говорит Ленин, — принадлежность крепостного, а классы — капиталистического общества». Конечно, отсюда не следует, что деление феодального общества исключительно сословное, а деление капиталистического общества исключительно классовое. Классы существуют и при феодализме. «Сословия, — говорит Владимир Ильич Ленин, — предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий».

Эта форма классовых различий по наследству переходит и к капиталистическому обществу. Царская Россия, напр., будучи

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 74.

страной капиталистической, знала еще сословное деление, но это последнее, существуя об'ективно и долженствуя быть учитываемо при изучении социальных отношений страны, не являлось однако решающим моментом.

Категория продолжения играет в общественных явлениях значительную роль. Если сословия, при наличии определенных исторических условий, продолжают свое существование и в тех общественных формациях, для которых они сами по себе уже не характерны, то так же обстоит дело и с отдельными классами.

Основными классами феодального общества являются землевладельцы-помещики и крестьяне. Основными классами капиталистического общества являются буржуа и пролетарии. Однако это абстрактное двучленное деление общества осложняется именно категорией продолжения. И землевладельцы и крестьяне в несколько трансформированном виде (уничтожение крепостного права) продолжают свое существование и в капиталистическом обществе, хотя, правда, и со своеобразными особенностями в различных странах. Поэтому конкретный анализ при изучении социальной действительности той или иной страны должен учитывать это продолжение движения классов.

Приведенные положения свидетельствуют о том, что схематическое представление общества по двухклассовому принципу страдает метафизикой. Двухклассовый принцип является об'ективной тенденцией, направляющей линией, красной нитью в руках исследователя, но последний должен всегда помнить, что «чистых» общественных явлений не бывает. Такой же метафизикой будет и, скажем, пятичленное деление общества, твердое и жесткое: пять, а не четыре и не шесть.

Ленин учил гибкости познания, отражению в познании движения об'ективной реальности; только в таком случае познание справляется со стоящими перед ним задачами — быть прежде всего реальным познанием А ведь движение классов входит достаточно почтенной категорией в социальную действительность: познание этой действительности должно отражать поэтому и движение классов.

Метафизичность социальной методологии, исходя из обеих сторон основного производственного отношения капиталистического общества, приводит к дезавуированию крестьянства, к изгнанию его из классового строения общества: крестьянство — не

класс! Это свидетельствует исключительно о жесткой схеме познания, которое в силу этого никогда не может быть реальным. Между тем крестьянство, являясь одним из двух основных классов феодального общества, переходит, как мы видели, в общество капиталистическое, продолжается в нем в качестве «неосновного», подвергаясь, конечно, значительной дифференциации. Но движение этого класса таково, что оно переходит и дальше, в общество переходного периода от капитализма к социализму; причем, — что особенно интересно, — в этой новой общественной формации крестьянство вновь выступает в качестве основного наряду с руководящим пролетариатом класса. Такова диалектика истории!

Ленин понимал эту диалектику движения классов; на Всероссийской конференции РКП в 1921 году он коротко и резко ответил одному участнику конференции, «приставшему» к Ленину с вопросом: «Вы скажите, крестьянство — класс или не класс?» — «Конечно, класс», отвечал Ленин.

Заметим кстати, что обратную аналогию представляет движение буржуазии. В феодальном обществе она появляется в качестве «неосновного» класса в городах, в точном значении своего наименования буржуазии. Продолжение ее при капитализме является триумфальным шествием основного класса, но этот триумф омрачается пролетарской революцией; и хотя мы присутствуем при «продолжении» буржуазии в эпоху диктатуры пролетариата, но это ее «продолжение» никак не может дать ей наименование «основного» класса в этой новой эпохе.

Движение классов должно быть учтено при образовании категории класса, которая, очевидно, должна быть достаточно гибкой и конкретной. В определении класса должен быть отражен не только конституирующий класс производственный момент (в связи с распределительным), но и момент историчности общественных формаций, в которых движутся классы.

Ленин дает такое развернутое определение класса. Оно гласит: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, — это такие группы

людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определении уклада общественного хозяйства»[1].

5.

Арена истории заполнена борьбой классов. Эта борьба является диалектическим источником движения классового общества в целом, она олицетворяет в себе действенный момент социального бытия. Эта борьба, как известно, осуществляется прежде всего организованно действующими передовыми отрядами классов, именно политическими партиями. «Чем больше расширяется народное движение, — говорит Ленин, — тем больше раскрывается настоящая природа различных классов, тем насущнее задача партии (речь идет о партии пролетариата. — *И. Л.*) — руководить классом, быть его организатором, а не тащиться в хвосте событий»[2].

Именно Ленину и ленинизму принадлежит в этом отношении обнаружение того, что скрыто в диалектическом материализме и мимо чего никак нельзя пройти, говоря о социальной методологии Ленина. Это — момент партийности, как следствие из него, момент практической действенности.

Если социологические построения идеалистов и суб'ективистов произвольны и беспочвенны, то противоположная точка зрения, об'ективно-материалистическая, опирающаяся на факты, научна и обоснована. Но возможны два типа сторонников этой второй точки зрения. Перед нами одно и то же явление: антагонистическое капиталистическое общество. Суб'ективист попросту может не видеть этого, а если и видит, то об'яснение ему найдет в нехороших (или хороших) действиях таких-то и таких-то лиц, может быть, сословий, может быть, даже наций. Об'ективист научно построит анализ этого общества и придет к выводу, что данное явление не произвольно, а необходимо, что оно причинно обусловлено, что раз это явление необходимо, то оно и должно протекать так, как протекает, ибо существуют «непреодолимые исторические тенденции». Материалист же, согласившись с первым выводом об'ективиста, пойдет дальше. Он с точностью констатирует данную общественно-экономическую формацию и определит сущность ее антагонистических отноше-

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVI, «Великий почин», стр. 249.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VI, «Новые задачи и новые силы», стр. 104

ний; он вскроет классовые противоречия и, вскрыв их, сам станет на точку зрения определенного класса; он будет говорить о формах противодействия противоположному классу. «Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее об'ективиста и глубже, полнее проводит свой об'ективизм. Он не ограничивается указанием на об'ективность процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [1].

Вот этот момент теоретической и практической партийности особенно характерен для Ленина. Суб'ективисты упрекают сторонников об'ективной точки зрения в непоследовательности: ежели все причинно и необходимо, то, мол, нужно поступать по-спинозовски: не плакать и не смеяться, а только понимать. Но это-то и неверно. Понять процесс или явление — это и значит стать на ту или другую сторону, — или за явление, или против него. Суб'ективисты говорят: раз капитализм причинно обусловлен, неизбежен, то нечего «сердиться» на него. Но такие речи приемлемы для пассивного об'ективиста, а не для активного и последовательного материалиста. Дело, конечно, не в «сердце», а в определенной позиции, классовой позиции по отношению к капитализму. Избранная же позиция, скажем, сторона пролетариата, об'ективно определяет и «сердце» против капитализма и господствующего при нем класса.

«Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо об'ективного анализа действительности и складывающихся на почве этой действительности отношений между различными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается»? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчаться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. II, «Экономическое содержание народничества...», стр. 65

этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д., и т. д.»[1].

Партийная точка зрения проникала собою всю жизнь Ленина, она же, — что имеет значение в контексте настоящей главы, — входила составным и основным элементом в его социальную методологию. Это для Ленина — не личный, случайный момент, но методологическое требование — рассматривать общественные явления с определенной партийной точки зрения. Как мы уже знаем, в «Материализме и эмпириокритизме» Ленин распространил это положение на всю область философии, будь то гносеологическая или онтологическая проблема. Как в социально-исторической области водораздел идет прежде всего по линии суб'ективистов и об'ективистов (в данном случае безразлично), с одной стороны, и материалистов, — с другой, так в области общефилософской этот водораздел устанавливается прежде всего по линии идеализма и материализма. Но и здесь и там материалист не может оставаться беспартийным и в этом смысле беспристрастным, ибо беспартийной философии и беспартийной общественной науки нет и быть не может.

6.

Но партийность в науке обязывает и к партийности в практической деятельности. Здесь мы имеем то единство теории и практики, которое так сильно характеризует все мировоззрение Ленина. Именно в теоретической партийности заключается обоснование практической деятельности Ленина на стороне рабочего класса. Необходимость этого указывалась и подчеркивалась Лениным уже в его ранних работах.

Самый вопрос о значении деятельности человека должен быть правильно понят. В теоретическом анализе общественных процессов Ленин, как и всякий марксист, не останавливался на действиях отдельных людей, а искал то, что эти действия обусловливает. Но, как известно, материалистический детерминизм не имеет, по существу, ничего общего с фатализмом или с отказом от оценок происходящего. Вопрос о свободе воли и роли личности в истории решается диалектически: свобода воли не отрицается, но об'ясняется, роль личности не сводится к нулю, а подчиняется роли класса.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. II, «От какого наследства мы отказываемся», стр. 344.

«Идея детерминизма, — писал Ленин, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя, несомненно, деятелей»[1]. Если фатализм ведет к квиетизму, то детерминизм, исторический материализм взывает к действию в классовой борьбе на определенной стороне.

И суб'ективист может быть, конечно, борцом, но если у об'ективиста только теория (и то не доведенная до логических выводов), то у суб'ективиста — только практика, которая, очевидно, не может в таком случае не быть суб'ективистической, случайной. Но без революционной теории ведь не может быть и революционного движения. Только у материалиста теория неразрывно связана с практикой, и потому его практика об'ективна, обоснована и при прочих равных условиях — успешна.

Материалист может исходить, — говорит Ленин, — из того же идеала, что и народник, в смысле идеала, противоположного системе, породившей его, но он «сличает его не с «современной наукой и современными нравственными идеями», а с существующими классовыми противоречиями и формулирует его поэтому не как требование «науки», а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат об'ективному исследованию) и достижимое лишь так-то, вследствие таких-то свойств этих отношений»[2].

Таким образом метод Ленина требует определенной об'ективной квалификации данного общественного явления, требует далее своего рода диагноза с партийной точки зрения и, наконец, требует определенного п р а к т и ч е с к о г о вывода: что же делать при всех данных обстоятельствах и условиях? Общая линия предопределяется принципами материалистической диалектики. В области естественно-научной высшей задачей является задача

[1] В. И. Л е н и н, Собр. соч., т. I, «Что такое «друзья народа»...», стр. 88.

[2] В. И. Л е н и н, Собр. соч., т. II, «Экономическое содержание народничества...», стр. 79.

осмыслить возможно более адекватно «логику» природы, чтобы победить последнюю; в области общественной эта задача соответственно видоизменяется. Должно осмыслить «логику» хозяйственной эволюции, т. е. развития общественного бытия, с тою целью, чтобы возможно более отчетливо и в то же время критически приспособить к этому развитию общественное сознание, сознание передовых классов капиталистических стран. Эти задачи революционны, ибо что значит на подцензурном языке критически охватить логику хозяйственной эволюции? Это значит не только об'яснить мир, но и изменить его. «Прямая задача науки, по Марксу, — говорит Ленин, — это дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь об'ективно представить эту борьбу как продукт определенной системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития»[1].

Если от общих вопросов методологии перейти к конкретному вопросу политики по отношению к капиталистическому обществу, то и общий лозунг борьбы превратится в лозунг борьбы с капитализмом: конкретный анализ вскрывает противоречия капиталистического строя; точка зрения развития, в связи с конкретной логикой, указывает пути развития капитализма, становящиеся одновременно путями его гибели; партийность при наличии первых двух моментов побуждает стать на сторону пролетариата, и все моменты, взятые вместе, вплотную подводят к лозунгу и практике борьбы с капитализмом.

Указанный процесс, конечно, прослежен нами лишь в сфере методологии социального знания. Последний момент этого логического процесса блестяще в образной форме (опять подцензурный язык!) представлен Лениным: если вопросы освобождения трудящихся от гнета капитала «ставить применительно к теории классового антагонизма... тогда ответы на них будут давать формулировку насущных интересов таких-то классов, эти ответы будут предназначаться на практическую утилизацию их именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими, — они будут рваться, говоря прекрасным выражением одного марксиста, из «тесного кабинета интеллигенции» к самим участникам производственных отношений в наиболее развитом и чистом их виде, к тем, на ком всего сильнее сказывается

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, «Что такое «друзья народа»...», стр. 233.

«обрыв нити», для кого «идеалы» «нужны», потому что без них им приходится плохо»[1].

В этих прекрасных положениях изуродованные для подцензурного издания слова необходимо заменить их прототипами, например, вместо «теории классового антагонизма» нужно поставить «теорию классовой борьбы», вместо «таких-то классов» — «пролетариата», вместо «практической утилизации» — «революционное осуществление» и т. д. И тогда это эзоповское выражение примет вид блестящего и мощного революционного призыва. Именно к такому призыву и подводит вся социальная методология Ленина, основные моменты которой можно установить при изучении его критических и полемических работ. Этот революционный призыв, как практический вывод, следует не после методологии Ленина, но внутренне присущ ей, являясь заключительным и завершающим моментом.

Читатель заметил, что, выявляя основные моменты социальной методологии Ленина, мы часто цитировали его первые по времени работы, написанные еще в 1894 году. Это было сделано не только вследствие компактности материала, но и для того, чтобы показать, что социальная методология Ленина в своих основных, важнейших моментах была выработана им уже в то далекое сейчас от нас время, когда только еще складывался русский марксизм. Уже в 1894 году социальную методологию Ленина нельзя было назвать иначе, как талантливейшим и оригинальнейшим, в смысле самостоятельности, изображением революционного марксизма.

Если бы мы пожелали в общей форме и схематически представить основные моменты и требования методологии социального знания в том виде, как она нашла себе выражение у Ленина, мы должны были бы сказать, что они сводятся к тому, чтобы

на основе сличения идей с фактами
понять предмет в его конкретности,
понять предмет в его развитии и,
став на партийную точку зрения,
сделать все практические выводы.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. II. «Экономическое содержание народничества...», стр. 158.

VI.

ПРОБЛЕМА МЕТОДА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ.

1. Материалистическая диалектика и тактика пролетариата. — 2. Тактика абстрактная, эмпирическая и диалектическая. Конкретный анализ исторической ситуации. — 3. Оппортунизм и левое доктринерство в тактике. — 4. Массовые силы, партийные кадры и проблема восстания. Итоги.

> «Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания».
>
> Ленин, Карл Маркс.

1.

Методология социального знания, как мы видели в предшествующей главе, вплотную подводила Ленина к практическому действию, именно к переустройству капиталистического общества на новых началах и притом на таких, которые уже лишают это общество его капиталистического качества.

Именно здесь методология социального знания перерастает в методологию социального действия. Развернутая картина социального действия Ленина, вся практика его революционной тактики в историческом ли, или в систематическом виде не подлежит рассмотрению в нашей работе. Однако «вопросы тактики это — вопросы политического поведения партии» [1], а политическое поведение партии — это и есть в широком смысле слова ее социальное действие. Поэтому, не касаясь всего содержания тактического учения Ленина, мы должны остановиться на его методологических основах.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VI, «Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги», стр. 468.

Тактическое учение Ленина пронизано материалистической диалектикой, другими словами, оно является применением материалистической диалектики к области политического поведения партии пролетариата.

Тем самым решается вопрос о том, является ли революционная тактика Ленина наукой или искусством: Диалектика есть наука, и применение ее к политике, к тактике делает политику, тактику научной.

В «Детской болезни левизны» Ленин писал, что «политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую». Он неоднократно говорил о необходимости изучать не только науку о том, как наступать, но и «науку, как правильнее отступать». Суть, конечно, не в этих буквальных выражениях, а в самом существе дела. Последнее же заключается в том, что диалектика, как наука, делает и тактику наукой. Именно как к науке относился к тактике и Ленин.

Все рассуждения о гениальной интуиции Ленина, его тонком чутье, его прозорливости, если они не увязаны с ленинской же наукой о политическом действии, остаются пустыми, хотя и красивыми словами. Конечно, прозорливость Ленина отрицать невозможно, но она должна быть поставлена в связь с тем фактом, что он владел диалектическим методом. Искусство тактики Ленина коренилось в науке об этой тактике. Таким образом личные его качества отнюдь не подвергаются сомнению, и следует сказать, что он был наиболее искусным в тактической науке, а не наиболее научным в искусстве тактики.

Отсюда становятся понятными и слова Ленина о том, что «на одном революционном настроении строить революционной тактики нельзя»[1]. Эта последняя должна иметь не психологическую базу, как это имеет место у суб'ективистов, а базу научную в лице понимаемой в широком смысле диалектической логики, как это имеет место у марксистов. Конечно, революционное настроение масс не есть нечто такое, что не имеет никакого отношения к революционной тактике. Наука о тактике в числе всех тех явлений, учетом которых она должна заниматься, насчитывает и такое явление, как революционное настроение. Таким образом

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, «Детская болезнь левизны в коммунизме», стр. 152.

это последнее является одним из моментов, учитываемых тактической наукой и, стало быть, как бы подчиненным ей.

Если тактика пролетариата является своего рода прикладной диалектикой, то вполне понятно, что Ленин, всегда боровшийся за ортодоксальность диалектического материализма, не мог не бороться и за ортодоксальность методологических основ тактики. В этом отношении нет и не может быть принципиальной разницы между диалектикой и тактикой. Единство теории и практики в данном случае обусловливало то, что Ленин, исходя из одних и тех же принципов, боролся как на философском, так и на тактическом фронте, и как та, так и другая борьба были для него равноценны. И если в свое время мы говорили, что философская борьба есть борьба политическая, то теперь мы должны сказать, что в принципах своих политическая борьба есть в известном смысле борьба философская. Формы борьбы в этих двух областях, конечно, различны, но обоснование и решительность ее остаются одними и теми же. «Идейную борьбу за тактику, — писал Ленин, — признаваемую нами правильной, необходимо вести открыто, прямо и решительно до конца».

Свою философскую борьбу Ленин, как мы видели, вел на два фронта: во-первых, с идеалистами, — и притом не столько с махровыми, завзятыми буржуазными идеалистами, сколько с идеалистическими ревизионистами в марксизме, еще только соскальзывавшими в лоно буржуазного идеализма («мы полемизируем, пока еще есть общий язык»), и, во-вторых, с вульгарными материалистами, материализму которых нехватало диалектики, что в свою очередь сближало их с буржуазной метафизической философией. Эта философская борьба на два фронта, очевидно, не означала, что собственная философская позиция Ленина представляла собой эклектизм, некое среднее арифметическое, некую мешанину из двух крайностей. Дело заключалось лишь в том, что Ленин, строго проводя ортодоксальную точку зрения в философии марксизма, боролся с двумя уклонами в этой философии, из которых каждый, «вырастая» из марксизма, грозил перерасти во враждебную марксизму буржуазную философию.

В значительной степени сходную картину представляет собою положение в области тактики. Свою тактическую борьбу Ленин вел также на два фронта: во-первых, со всякими разновидностями меньшевизма, — не с открытыми буржуазными или помещичьими партиями (здесь была открытая и прямая классовая,

политическая борьба), а с ревизионистами и оппортунистами внутри социал-демократии, еще только соскальзывавшими в лоно буржуазного лагеря («пока еще есть общий язык»), и, во-вторых, с «левыми» коммунистами, тактике которых нехватало диалектики, что иногда об'ективно и без желания их приводило их к сближению с ревизионистским лагерем.

Обозревая в 1920 г. положение на коммунистическом фронте, Ленин писал: «История рабочего движения показывает теперь, что во всех странах предстоит ему (и оно уже начало) пережить борьбу нарождающегося, крепнущего, идущего к победе коммунизма прежде всего и главным образом со своим (для каждой страны) «меньшевизмом», т. е. оппортунизмом и социал-шовинизмом; во-вторых и в виде, так сказать, дополнения — с «левым» коммунизмом. Первая борьба развернулась во всех странах без единого, повидимому, из'ятия, как борьба II... и III Интернационала. Вторая борьба наблюдается и в Германии, и в Англии, и в Италии, и в Америке, и во Франции... т. е., несомненно, в масштабе не только интернациональном, но и всемирном»[1].

Равным образом тактическая борьба Ленина на два фронта вовсе не означала, что его собственная тактическая позиция являлась эклектической, представляя собою смесь из двух крайних позиций. Как в философии, так и в тактике, Ленин проводил ортодоксальную точку зрения марксизма против двух уклонов, из которых каждый, «вырастая» из марксизма, грозил перерасти в чуждую марксизму тактическую и политическую концепцию и привести к громадным политическим ошибкам.

Материалистическая диалектика не имеет ничего общего с метафизическими крайностями как в философии, так и в тактике. Эти крайности, противоположности, она не соединяет механически, просто заимствуя их, а диалектически их снимает, указывая на основании об'ективного классового анализа каждой свое место и время. История рабочего движения знает многочисленные примеры, когда оппортунистические дела прикрывались лево-революционной фразой, а лево-революционные фразы приводили к оппортунистическим делам. В то же время история эта знает и такие примеры, когда эти крайности «примирялись» по линии наименьшего сопротивления, например: захватить власть нельзя —

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, «Детская болезнь левизны в коммунизме», стр. 177.

это плохо, но можно получить два-три портфеля в буржуазном министерстве — и это недурно. О такой вульгаризации, о таком опошлении диалектической тактики Ленин писал еще в 1904 г.: «Великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, перемётывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: mettere la coda dove non va il capo (просунуть хвост, где голова не лезет)»[1].

2.

Каковы же основы политической тактики Ленина, этой материалистической диалектики, конкретизированной в качестве методологии социального действия? Поставленный в такой формулировке вопрос уже предрешает самый ответ. Эти основы суть основы материалистической диалектики. В предыдущей главе мы охарактеризовали принципы ленинской методологии социального знания; они же являются и принципами методологии социального действия

Мы говорили, что независимо от направления, по самой структуре своей, социология, как абстрактная наука об обществе, вообще неприемлема для марксизма. Нет и не может быть социальной науки, обращающейся к многообразной общественной действительности с универсальными схемами и рецептами. Такая «наука» не обладает никакой познавательной ценностью. Соответственно этому нет и не может быть абстрактной науки о тактике пролетариата вообще; во всяком случае такая «наука» не обладала бы никакой действенной ценностью.

Диалектико-материалистический метод впервые ставит социологию на научную почву, превращая ее в методологию социального знания; диалектико-материалистический метод впервые ставит тактику рабочего класса на научную почву, превращая ее в методологию социального действия. В области тактики это выражается прежде всего в том, что, как писал Ленин, — «социал-

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. V. «Шаг вперед, два шага назад», стр. 480.

демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы, — она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях»[1].

Абстрактные системы социологии, вообще абстрактные социальные системы гармонируют с абстрактными же, жесткими тактическими системами. Так было у лучших социалистов-утопистов. Их тактические системы были неудовлетворительны не только по своему содержанию (ибо они были социально-идеалистическими), но и по форме (ибо они были социально-метафизическими). У марксизма с ними общее лишь одно — конечная цель социализма. Тактика марксизма иная и по содержанию, и по форме. Тактика не может быть жесткой системой.

Возвращаясь к этому же вопросу в сентябре 1906 г., Ленин в развитие приведенных положений 1900 г. писал: «Марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-нибудь одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, причем не выдумывает их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собой в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей массовой борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм, безусловно, не зарекается ни от каких форм борьбы. Марксизм ни в каком случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая неизбежность новых, неведомых для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной кон'юнктуры: марксизм в этом отношении учится, если так можно выразиться, у массовой практики, далекий от претензий учить массы выдумываемым кабинетными «систематиками» формам борьбы»[2].

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. IV, «Насущные задачи нашего движения», стр. 15.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 2-я, «Партизанская война», стр. 77—78.

Если проследить вслед за Лениным конкретные проявления тактики революционной социал-демократии в России на протяжении нескольких лет, то мы увидим любопытный с разнообразными элементами ряд: 1896—1900 — экономические рабочие забастовки; 1901—1902 — политические рабочие и студенческие демонстрации; 1902 — крестьянские бунты; 1902—1905 — массовые политические стачки в различных комбинациях с демонстрациями; 1905, октябрь — всероссийская политическая стачка с отдельными случаями баррикадной борьбы; 1905, декабрь — массовая баррикадная борьба, находящая свой апогей в вооруженном восстании; 1906, апрель — июнь — мирная парламентская борьба; 1905, июнь — 1906, июль — частичные военные восстания; 1905, осень— 1906, осень — частичные крестьянские восстания. Таковы формы революционной тактики за одно десятилетие. Этот ряд можно было бы продолжать и далее с тем, чтобы найти старые формы в комбинации с новыми или совершенно новые формы в чистом виде.

Итак, марксизм не признает не только закостеневшей социологической системы, но и закостеневшей тактической системы. Что же он предлагает вместо нее? Суб'ективно-произвольную или об'ективно стихийную смену одних форм другими? Без руля и без ветрил игру тактических форм и лозунгов? В свое время мы говорили, что марксизм строит свою методологию социального знания прежде всего на основе сличения идей с фактами. Эта материалистическая установка в полной мере сохраняется и в методологии социального действия. Мы видели уже из последней цитаты, относящейся к 1906 г., что марксизм предоставляет кабинетным «систематикам» выдумывать формы борьбы, сам он «учится» у массовой практики, из нее черпает свои тактические формы и положения. «Оставаясь верными марксизму, — писал Ленин в марте 1906 г., — мы не можем и не должны уклоняться посредством общих фраз от анализа об'ективных условий, учет которых в последнем счете решает окончательно эти (тактические. — *И. Л.*) вопросы» [1].

«Сличение идей с фактами» в данном контексте означает «сличение» тактических лозунгов с политическими событиями. Именно эта мысль заключается в словах Ленина: «Необходимо

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, «Русская революция и задачи пролетариата», стр. 72.

как можно чаще проверять принятые тактические решения на основании новых политических событий»[1].

Ленин против абстрактной тактики, он за тактику эмпирическую. Но мы помним, что эмпиризм материалистической диалектики отнюдь не является узким ползучим эмпиризмом. Эмпиризм эмпиризму рознь; эмпиризм должен означать лишь материалистическую установку, лишь проверку на опыте, в практике, однако, он не должен превращаться в метод в целом.

Эмпиризм, как метод, в философии не поднимается выше фактов; для него факт есть наличная данность, ее же не прейдеши; эмпиризм констатирует факты и ползет за ними, он является основой того реализма или об'ективизма, который Ленин подвергал осмеянию и которому он противопоставлял боевой материализм. И если и общей философии приходится не только считаться с об'ективными фактами, но и бороться с ними, то и в области тактики, говоря словами Ленина, «мы не можем удовлетвориться тем, чтобы наши тактические лозунги ковыляли вслед за событиями, приспосабливаясь к ним после их совершения»[2].

Тактический эмпиризм составляет удел реформиствующих меньшевиков, вообще социал-реформистов, пассивно приспособляющихся к отдельным фазам социально-исторического процесса. Останавливаясь на различии эмпиризма, как практического критерия и как пассивно созерцательного метода, Ленин пишет: «гг. освобожденцы не знают иного реализма, кроме ползучего; им совершенно чужда революционная диалектика марксистского реализма, подчеркивающего боевые задачи передового класса, открывающего в существующем элементы его ниспровержения»[3].

Подобно тому как диалектический материализм дает истинный синтез рационализма и эмпиризма, настаивая на применении рационального метода к данным чувств, он решает и проблему социальной методологии. Чистые абстракции в смысле голых спекуляций и умозрительно добытых формул им безжалостно изгоняются из социальной науки, но, склоняясь к опытной проверке, он требует образования материалистических абстракций от исторических явлений и процессов, абстракций, которые были бы в себе конкретны.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VI, «Революция учит», стр. 283.

[2] Там же, стр. 289.

[3] Там же, стр. 286.

В предыдущей главе на первом же примере марксистского определения общества мы видели силу и познавательную ценность таких абстракций. Вместо абстрактного определения общества вообще марксизм дал тоже абстракцию, но совершенно иного порядка; он дал конкретное определение общественной формации, вполне определенного конкретного этапа социально-исторического процесса. Этот подлинный и здоровый историзм проникал собою методологию социального знания. Равным образом историзм проникает собою и ленинскую методологию социального действия. В этом первый залог конкретности тактики. Давая парафраз Гегеля, мы еще раз можем сказать, что ленинская тактика «в высшей степени враждебна абстрактному и ведет обратно к конкретному».

Неверно было бы думать, что, зная основные категории исторического материализма: «производительные силы», «производственные отношения», «классы», «классовая борьба» и т. д., можно уже считать себя знатоком всех особенностей той или иной страны. Для того чтобы з н а т ь, необходим конкретный анализ, конечно, при свете указанных категорий. Непосредственно из основ диалектического материализма не следует знание определенной сферы действительности.

Точно так же обстоит дело и в сфере методологии социального действия. Для того чтобы д е й с т в о в а т ь, мало обладать хотя бы и лучшей политической программой. Преследуя цели, указанные в этой программе, руководствуясь заложенными в ней принципами, необходимо произвести конкретный анализ всех тех условий, в которых приходится действовать. По этому поводу в июне 1906 г. Ленин писал: «Марксист ни в каком случае не должен забывать, что лозунг непосредственно предстоящей борьбы не может быть выведен просто и прямо из общего лозунга известной программы. Недостаточно сослаться на нашу программу, чтобы определить лозунг непосредственно теперь предстоящей, летом или осенью 1906 г., борьбы. Для этого надо учесть конкретную историческую ситуацию, проследить все развитие и весь последовательный ход революции, вывести наши задачи не из принципов программы только, а из предыдущих шагов и этапов движения. Только такой анализ будет действительно историческим анализом, обязательным для диалектического материалиста»[1].

[1] В. И. Л е н и н, Собр. соч., т. VII, ч. 2-я, «Роспуск Думы и задачи пролетариата», стр. 11.

Когда речь идет о диалектико-материалистическом понимании истории, обычно ограничиваются конкретным анализом отдельных социально-экономических структур: общество феодальное, общество капиталистическое, общество переходного периода от капитализма к коммунизму. Для суммарного представления такой анализ достаточен. Однако ближайшее изучение одного, скажем, капиталистического общества по тому же методу уже приводит к конкретной диференциации его по периодам с своеобразными чертами и особенностями: мы можем говорить об эпохе торгового капитала, об эпохе промышленного капитала, наконец, об эпохе господства финансового капитала. Такая диференциация обогащает наше знание и приближает нас к наиболее возможно адекватному познанию капиталистического общества в целом.

Если же речь заходит о методологии социального действия, о тактических лозунгах, то конкретный и наиболее диференцированный анализ положительно необходим. Неправильный тактический лозунг приводит здесь не к простому недостатку в знании, не к столь уж, быть может, важной ошибке знания того или иного исследователя, а к тактическим ошибкам, за которые расплачивается вся политическая партия, весь революционный класс. Вполне естественно, что ошибки в действии обходятся гораздо дороже, чем ошибки в знании. С другой стороны, правильный исторический анализ неизменно выдвигает определенные требования, как наиболее характерные и именно необходимые на данной исторической стадии. Эти требования, сформулированные в тактическом лозунге, могут дать наибольший эффект при дружном его осуществлении революционным классом. Всякое отвлечение внимания от этой задачи будет означать ослабление класса. «Каждая политическая эпоха, — писал Ленин, — выдвигает перед социал-демократией, как представительницей единственного до конца революционного класса, особую специфическую задачу, которая ставится на очередь дня и которая всегда затемняется, так или иначе отодвигается на задний план оппортунистическими слоями буржуазной демократии» [1].

В недостатке «конкретного анализа конкретной ситуации» Ленин упрекал в революцию 1905 г. меньшевиков, в том числе и такого крупнейшего теоретика, как Плеханов. Плеханов исходил из необходимости поддерживать всякое оппозиционное движение

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, «Победа кадетов и задачи рабочей партии», стр. 147.

против самодержавия. В общей формулировке это было правильно, так как самодержавие оставалось внушительным врагом. Но порок этой формулировки заключался именно в ее общности. Из такой абстрактной, общей формулы нельзя было вывести конкретного тактического лозунга, или этот лозунг, в силу абстрактности своей основы, должен был быть также абстрактным, что в области тактики уже является неправильным, ибо здесь больше чем где-либо необходима ясность. Ленин ставил вопрос конкретно. «Общее положение о поддержке оппозиции не отрицается теми, кто решает конкретный вопрос о поддержке в данное время той или иной части этой оппозиционной и революционной буржуазии. Ошибка Плеханова состоит в подмене конкретного исторического вопроса абстрактным соображением. Это во-первых. А во-вторых, ошибка т. Плеханова состоит в совершенно неисторическом воззрении его на буржуазную демократию в России. Плеханов забывает, как меняется положение различных слоев буржуазной демократии по мере того, как идет вперед революция»[1].

Лозунг поддержки всякой оппозиции самодержавию на деле превращался в реакционный лозунг. Революционным же оказывался конкретный лозунг большевиков: «Пролетариат должен вести за собой крестьянство, не сливаясь с ним, вести против старой власти и старого порядка, парализуя неустойчивость и шаткость либеральной буржуазии, колеблющейся между народной свободой и старой властью». Так абстрактный подход к проблемам тактики закреплял имевшуюся уже у меньшевиков склонность к оппортунизму и обусловливал этот оппортунизм даже у тех из них, кто не насчитывал его в качестве «природных» особенностей.

В предыдущей главе, раскрывая конкретное содержание определения общества и показывая его познавательную ценность, мы брали пример сопредельных как будто бы понятий общества и государства и на канве высказываний Ленина говорили о том, что на «территории» одного общества может быть расположено несколько государств (страны, переживающие капиталистическую эпоху развития); с другой стороны, на территории одного государства может быть несколько обществ (одна и та же страна характеризуется различными социально-экономическими укладами). Познание этого открывается лишь при пользовании кон-

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии», стр. 278.

кретным методом исторического материализма: нечто аналогичное имеем мы и в области методологии социального действия. Специфические особенности той или иной страны не могут не наложить характерных черт на проблемы тактики. Таким образом конкретность тактики развивается не только по исторической вертикали, но и, так сказать, по политико-географической горизонтали. Плоха и абстрактна была бы тактика Коммунистического Интернационала, если бы он не учитывал своеобразия условий и обстоятельств, в которых приходится действовать национальным коммунистическим партиям. Вполне понятно, что эти различия в тактике не касаются единства коммунистических принципов.

«Пока существуют, — писал Ленин в 1920 г., — национальные и государственные различия между народами и странами, — а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, — единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения основных принципов коммунизма (советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям. Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения, к свержению буржуазии, к учреждению Советской республики и пролетарской диктатуры, — вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами исторического момента» [1].

3.

Оппортунизм и левое доктринерство — вот, как мы уже знаем, две противоположности, с которыми приходилось бороться Ленину. Несмотря на диаметральные крайности, тактические их

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVII, «Детская болезнь левизны в коммунизме», стр. 179.

ошибки имеют одни и те же методологические корни в абстрактном анализе.

Оппортунисты совершают ошибку в самом начале. На первоначальный вопрос о сущности явления они отвечают метафизически по формуле да — да, нет — нет. Революция 1905 г. — буржуазная революция; налицо метафизическое или — или, а не диалектическое и — и. Отсюда и тактическая максима: раз революция буржуазная, а не пролетарская, то пролетариат, оставаясь самым оппозиционным классом, должен поддерживать всякое оппозиционное движение против самодержавия. Но эта решительность вначале приводит к релятивизму в конце: поддержка всякой оппозиции, как тактический лозунг, должна означать поддержку и радикальной буржуазии, и либеральной буржуазии и лишь фрондирующей буржуазии. Как раз тогда, когда нужно отвечать точно, ибо речь идет о политическом действии, когда истинная диалектика требует ясного и недвусмысленного ответа, оппортунисты отвечают по формуле: да — нет, нет — да; они скатываются к хвостистскому релятивизму: нужно поддерживать всякую буржуазию, и радикальную, и либеральную, и фрондирующую, тем самым неуместное и — и превращается в оппортунистическую софистику.

Другой пример: крестьянство — мелкая буржуазия и, как таковая, оно реакционно. Налицо абстрактно-метафизический квазианализ, по формуле: да — да, нет — нет. Класс или реакционен, или революционен. Крестьянство по природе своей реакционно и, стало быть, союзником пролетариата быть не может. Отсюда возможна тактическая максима: поскольку в борьбе с самодержавием нужен союзник, необходим оппортунистический блок с буржуазией, но блок с буржуазией означает и блок с худшими, плетущимися в хвосте за буржуазией, элементами мелкой буржуазии. Вместо нужного в решительный момент или — или: или с буржуазией, или с крестьянством, получается релятивистское и — и: и с буржуазией и с мелкой буржуазией, идущей за первой.

Диалектический анализ большевиков развивается по иному пути. В самом начале, пока нет еще конкретных данных, ответ может быть лишь по формуле: да — нет, нет — да. Революция 1905 г. — буржуазная, но при известных условиях она, сопряженная с активным выступлением рабочего класса, может перерасти и в пролетарскую, как это было в Февральской революции 1917 г. С другой стороны, на определенной стадии конкретный

анализ показывает, как меняется положение различных слоев буржуазной демократии по мере того, как идет вперед революция. Чем выше поднимается революция, тем быстрее отпадают от нее наименее революционные слои буржуазии, поэтому в момент решительного действия нельзя отвечать по формуле и — и, а нужно говорить или — или: или рабочий класс поддерживает буржуазию или нет. В 1906 г. должен был быть дан ясный отрицательный ответ.

Равным образом обстоит дело и в вопросе с крестьянством. Крестьянство, как мелкая буржуазия, реакционно. Но реакционная «природа» крестьянства не есть нечто неизменное, как и само крестьянство. Последнее при капитализме в достаточной степени диференцировано. Возможны и революционные слои крестьянства. В русском крестьянстве 1905 г., под гнетом царизма, таятся величайшие революционные возможности, которые должны быть вскрыты и реализованы под руководством рабочего класса. Таким образом вначале формула или — или непригодна: крестьянство может быть и реакционным и революционным. На известной стадии выявления революционных потенций крестьянства именно в нем, и только в нем, пролетариат может найти союзника. Таким образом на этой стадии нужно отвечать уже не по формуле и — и: и буржуазия и мелкая буржуазия, а по формуле или — или: или буржуазия, или крестьянство. Первая возможность снимается, а вторая реализуется. Развернутая тактическая максима большевиков нами приводилась выше: пролетариат должен вести за собой крестьянство, не сливаясь с ним, против старой власти, парализуя неустойчивость и шаткость либеральной буржуазии.

Левые доктринеры в коммунизме также не в силах разрешить тактической проблемы. В противоположность оппортунистам революционность их не подлежит сомнению. Вместе со всеми коммунистами они преследуют революционные цели. Но тактический путь их прямолинеен и потому также метафизичен. Они с порога отбрасывают все, что связано с капиталистическим строем, что уходит в него своими корнями. Коммунисты учитывают конкретные особенности исторических фаз и используют их, оппортунисты пассивно приспосабливаются к этим фазам, левые доктринеры попросту игнорируют их. Они знают только революционные средства борьбы и думают применять их и тогда, когда нет революционной волны.

Парламентаризм есть порождение буржуазного строя. Парламентскими разговорами многого не сделаешь; на парламентаризм могут делать ставки только социал-реформисты; дело коммунизма разрешается лишь в революционном восстании, парламентская же жизнь способна зачастую лишь развращать рабочих депутатов. Итак, долой парламентаризм, ибо «что может быть доброго из Назарета?» Это раз навсегда данное решение парламентской проблемы страдает абстрактностью и доктринерством. Такое решение проблемы на философском языке называется метафизическим, ибо оно дано по формуле или — или; парламент или добро, или зло. Конечно парламентаризм с точки зрения левого революционера — зло, и, стало быть, коммунистам нечего итти на парламентские выборы.

Однако истинная диалектика отрицает такую абстрактную метафизическую постановку вопроса. Нужно спросить: когда, при каких условиях ставится вопрос о вхождении или невхождении в буржуазный парламент. Конечно, коммунизм не может быть введен никакими парламентскими мероприятиями, конечно, парламент есть буржуазное учреждение, но в известное время, при известных условиях, парламент может и должен быть использован в коммунистических целях, как легальная трибуна для разоблачения буржуазного лицемерия, лжи и фальши буржуазной политики. В руках коммунистов сама парламентская трибуна может стать орудием взрывания парламентаризма изнутри. Весь вопрос о тех конкретных условиях, которыми характеризуется данный период. Бойкот законосовещательной, так называемой булыгинской думы был правилен, ибо революционная волна вздымалась вверх, и при известных условиях буржуазная революция могла перерасти в революцию пролетарскую. При таких условиях вместо участия в полубуржуазном парламенте нужно было готовить лозунг советов. Но уже неучастие в первой думе должно было быть признано ошибочным, а бойкот второй и последующих дум был бы прямо неверным.. Обозначившаяся победа реакции обусловливала в тех же революционных целях использование всех легальных возможностей, конечно, в известном сочетании с возможностями нелегальными.

Аналогично решается вопрос и о вхождении коммунистов в массовые профессиональные организации, хотя бы и зараженные реформистскими тенденциями. Тактика левых коммунистов, утверждающая, что в реформистских профессиональных союзах проку

для революции мало и что нужно поэтому создавать собственные, хотя и весьма малочисленные профессиональные союзы, абстрактна и метафизична. И здесь требуется конкретный анализ исторической ситуации. В общей форме ответ по формуле или — или не может быть дан, ибо возможна такая ситуация, когда нужно итти на раскол и создавать левые союзы. Но возможно и такое положение, при котором необходимо итти в реформистские союзы, чтобы завоевывать их. В данном случае критерием тактики является вопрос о массовых кадрах. Если коммунисты не располагают кадрами, то революционной фразой является требование игнорировать массовые организации только на том основании, что они заражены реформистским духом. В области тактики этот вопрос о кадрах является решающим. Плохо, когда есть массы, но нет тактики, немногим лучше, когда есть революционная тактика, но за ней не идут массы; можно сказать даже, что плоха та революционная тактика, которая не способна при всех прочих равных условиях завоевать рабочие массы.

4.

Социальная политическая действительность каждый день дает новый материал для тактических форм, и было бы непомерным притязанием дать здесь их исчерпывающий, или хотя бы приблизительный перечень. Мы старались лишь выяснить ленинский подход к решению вопроса об этих формах. Итоговая формулировка, которую можно найти у Ленина, гласит: «Марксизм требует, безусловно, исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторической конкретной обстановки — значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий, политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим, в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы. Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — это значит покидать совершенно почву марксизма» [1].

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 2-я, «Партизанская война», стр. 78.

В только что приведенном тезисе Ленин говорит об условиях политических, национально-культурных, бытовых, как об условиях, определяющих ту или иную форму борьбы. Здесь, как само собой разумеющееся, не выделен за скобку и скрывается под словом «политические» один момент, имеющий громадное значение; мы имеем в виду категорию класса. Известно, в частности и из предшествующей главы, какую важную роль играет эта категория в методологии социального знания. Вполне естественно, что не менее важную роль играет она и в методологии социального действия.

Социальное действие осуществляется классами, борьба которых заполняет историю. Авангардами классов являются соответствующие политические партии, задача которых быть организаторами классов. Если организация предполагает не только организаторов, но и организуемых, то и тактика предполагает не только дающих тактические лозунги, но и выполняющих их, и если сознающий себя класс «класс для себя» не мыслится без партии, то и партия не мыслится без класса, другими словами, тактика партии просто невозможна в смысле реализации и проведения, если за партией не идет класс. Мы говорили уже о важности массовых кадров, когда речь шла о работе коммунистов в массовых организациях. То был лишь пример. Методологическая же сущность в том, что при конкретном анализе политической ситуации прежде всего необходимо сосредоточить внимание на классовых отношениях. «Мы, марксисты, — писал Ленин в 1919 г., — гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы»[1].

Если поставить себе специальную задачу изучить все без исключения тактические решения и лозунги Ленина, то любой из них обнаружит тщательнейший его анализ положения и интересов различных классов и их партий. Имея перед собой определенную революционную цель, совпадающую с основами партийной программы, Ленин рассматривал ее как бы на фоне сложного переплета классовой и партийной борьбы и затем уже, справившись с тем, как обстоит дело с его собственными классом и партией, принимал то или иное решение. Обратный способ рассуждения, говоря его словами, т. е. «стремление искать ответов

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XV, «О революционной фразе», стр. 104—105.

на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины», характеризующий социал-демократов правого крыла, он называл опошлением марксизма и сплошной насмешкой над диалектическим материализмом. Состояние классовых сил и их авангарда, партийных кадров, было предметом неуклонного внимания Ленина. Оставляя в стороне, как не входящее в задачу нашей работы, изложение организационных принципов партийного построения и руководства, мы должны сказать, однако, что проблема партийных кадров и массовых сил находится в теснейшей связи с методологией социального действия. Они, эти кадры, являются суб'ектами социального действия и представляют собою в отношении тактики conditio sine qua non.

В особенности встает о них вопрос, когда речь заходит об апогее социального действия — вооруженном восстании. К этому восстанию нельзя итти напролом, не справившись с состоянием масс, этой революционной армии. «Не всегда, — писал Ленин, — целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра».

В глазах коммуниста в обстановке капиталистических стран восстание не только привлекательно, но и необходимо. Это верно. Но «с одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением» [1]. В известном смысле весь жизненный тактический путь Ленина до Октябрьской революции и есть подготовка этого восстания: подготовка удачной ситуации, подготовка масс, класса, партии.

Останавливаясь еще в 1906 г. на разногласиях большевиков и меньшевиков по вопросу о восстании, Ленин проводил исторический анализ отдельных стадий единого процесса. Первая ступень — 1897 г. Решать тогда вопрос о средствах свержения власти было более чем преждевременно. На крепком ленинском языке итти тогда на восстание было преступлением, авантюрой; говорить и спорить о средствах восстания значило устраивать военный совет в то время, когда нет армии. Нельзя было говорить всерьез

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, «Детская болезнь левизны в коммунизме», стр. 179.

даже о подготовке. Задача момента заключалась пока только в собирании армии. Вот о средствах такого собирания и должна была итти речь. Такими средствами были: содействие политическому развитию и политической организации рабочего класса, а это приводило к необходимости положить начало систематической пропаганде, агитации и организации; одним из таких средств в тот же период должна была быть партийная газета.

Вторая ступень датируется 1902 г. Здесь уже правомерен вопрос о том, как готовиться к восстанию. Формируется революционное настроение, и потому борьба со стихийностью приобретает особо важное значение. Идея подготовки восстания путем назначения и рассылки агентов, которые бы «сидели и ждали» лозунга восстания, нелепа, наивна и представляет собою тип абсолютно утопического своеобразного насаждения революции сверху. Вместо этого необходима складывающаяся на общей работе связь между людьми и организациями, «делающими регулярное дело». Далее, так как в революции вопрос об активных или хотя бы пассивных союзниках является одним из важнейших вопросов, то необходимо закрепление на общем деле связей между пролетарскими и непролетарскими (всеми недовольными) слоями населения. Необходимо повести так работу, чтобы в различных, даже и не связанных друг с другом местах вырабатывалась способность к одинаковым и верным оценкам политического положения, к одинаковому и целесообразному реагированию на политические события. Наконец необходимо фактическое об'единение всех местных революционных организаций.

1905 г. открывает собою третью ступень. Только на этой ступени дается прямой лозунг организации боевых групп и массового вооружения. Горе тем тактикам, которые смешивают одну ступень с другой, предвосхищают тактические лозунги последующих стадий или, наоборот, топчутся на одном месте и застревают на лозунгах уже изжитой стадии.

Последний вид тактической безграмотности характеризовал меньшевиков, которые в 1905 г. в общем пришли к лозунгам 1902 г.; первый вид тактической безграмотности — героев «отвлеченного революционаризма, бунтарства». Эти отвлеченность и бунтарство менее всего характеризуют Ленина и большевиков. В той же статье[1] он пишет: «Мы ставим и ставили всегда этот

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VI, «Революция учит», стр. 289.

вопрос (вопрос о вооруженном восстании. — *И. Л.*) именно не «отвлеченно», а на конкретную почву, различно решая его в 1897, 1902 и 1905 гг.».

Проблема партийных кадров и классовых сил встает все острее и острее по мере нарастания революционной ситуации. Пропаганда, как средство политического воспитания, важная и наиболее доступная в первые периоды собирания кадров, сохраняет свое значение и в дальнейшем, однако она выносится уже вместе с агитацией за пределы партии в широкие массы и в известном смысле отступает на задний план перед задачей прямого действия.

Моменты, наиболее близкие к восстанию, замечательно четко формулированы Лениным в методологическом аспекте. Обращаясь к иностранным коммунистам в 1920 г., он дал в сжатых выражениях поистине гениальную тактическую директиву: «Когда речь идет о практическом действии масс, о размещении — если позволительно так выразиться — миллионных армий, о расстановке всех классовых сил данного общества для последнего и решительного боя, тут уже с одними только пропагандистскими навыками, с одним только повторением истин «чистого» коммунизма ничего не поделаешь. Тут надо считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист, член маленькой группы, не руководившей еще массами; тут надо считать миллионами и десятками миллионов. Тут надо спросить себя не только о том, убедили ли мы авангард революционного класса, а еще и о том, размещены ли исторически действенные силы всех классов, обязательно всех без из'ятия классов данного общества, таким образом, чтобы решительное сражение было уже вполне назревшим, — таким образом, чтобы: 1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам; чтобы 2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим политическим банкротством; чтобы 3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела; вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченные выше,

кратко обрисованные выше условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена»[1].

Тактические требования Ленина, заключающиеся в приведенной только что длинной цитате, отвлеченны в том смысле, что они не приурочены к определенной стране, к определенной хронологической дате. Однако эти тактические положения нисколько не противоречат ленинскому учению о конкретности в тактике пролетариата, ибо они сами при всей их отвлеченности глубоко конкретны. Мы говорили уже не раз о конкретности диалектики материалистических познавательных абстракций, без которых невозможна никакая наука о познании любого комплекса явлений. Тактика, как наука о действии, так же, как мы уже знаем, не может обойтись без действенных абстракций. Приведенная выше цитата и заключает в себе одну из таких и притом наиболее принципиальных абстракций. Она обща, но заключенное в ней «общее» таит в себе богатство всех «особенностей» и «отдельностей»; заключенное в ней политическое «общее» революционно-тактической максимы таит в себе богатство всех «особенностей» различных стран с их национально-культурными и бытовыми чертами и всех «отдельностей» различных общественных классов и групп с их интересами, устремлениями и поведением. Такая абстракция, несомненно, обладает громадной действенной ценностью как по своему существу учения о тактике, так и по своему содержанию учения о восстании.

На этом мы должны закончить по необходимости краткий и беглый очерк основ методологии социального действия в понимании Ленина. Сам он подытожил эти основы в параграфе о «тактике классовой борьбы пролетариата» в своей статье «Карл Маркс», написанной для энциклопедического словаря Граната. Немудрено, что этот параграф был опущен. «Лишь об'ективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, следовательно, и учет об'ективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, «Детская болезнь левизны в коммунизме», стр. 180—181.

вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически. На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту об'ективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного» развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет»[1].

Нужно иметь в виду, что статья «К. Маркс» предназначалась для легального издания и потому Ленин не называет в ней вещи своими именами. Вместо «пролетариат» он пишет «передовой класс», вместо «коммунизм» — «конечная цель движения данного класса», вместо «революция» — «великие дни, концентрирующие в себе по 20 лет». Если произвести эту расшифровку, то приведенная цитата даст краткое представление о принципах учения о тактике, которое развивал Ленин всю жизнь.

В самом конце предшествующей главы мы схематически представили основные моменты его методологии социального знания. Теперь мы можем сделать это же по отношению к основным моментам методологии социального действия; они сводятся к тому, чтобы на основе проверки тактических положений политическими событиями понять классовую ситуацию в ее конкретности, понять историческую ситуацию в ее тенденциях и, исходя из принципов коммунизма, принять определенное тактическое решение.

---

[1] В. И. Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм, Ленинград, 1925, стр. 29.

VII.

ПРОБЛЕМА ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА.

1. Ленин и учение Маркса и Энгельса о государстве. — 2. Историческое место пролетарского государства. — 3. Диктатура пролетариата как продолжение классовой борьбы в новых формах. — 4. Государство буржуазное и пролетарское. — 5. Пролетарское государство и насилие. — 6. Проблема захвата власти. — 7. Организационные вопросы пролетарского государства: демократический централизм, советское избирательное право. — 8. Организационные вопросы пролетарского государства: советы как органы власти.

«Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата».
Ленин, Государство и революция.

1.

Говоря о методологии социального действия, мы не ставили себе задачей рассматривать все отдельные проблемы, на которых оттачивалось острие тактического оружия Ленина, например, аграрную проблему, колониальную проблему и т. п. Все они не составляют предмета нашего исследования.

Тем не менее существует проблема, которая, будучи, конечно, связана с революционной тактикой Ленина, имеет самостоятельное глубоко принципиальное и теоретическое значение и подлежит рассмотрению в нашей работе. Это — проблема государства, конкретнее, проблема пролетарского государства. Теория и практика революционного изменения социального мира, теория и практика переустройства общества упираются в проблему государства. Буржуазное государство — это тот щит, который защищает капиталистическое общество от всяких опасностей, то оружие, которое рукою господствующего класса направляется против всякого, желающего покончить с этим господством.

В логическом ходе нашей работы, после анализа общих основ мировоззрения и метода Ленина, после анализа его социальной

методологии, мы также неизбежно упираемся в эту проблему. Проблема государства есть пробный камень методологии социального знания и действия. Поэтому, стремясь обрисовать философский — в нашем понимании этого слова — облик Ленина, мы должны уяснить себе его решение проблемы пролетарского государства, или, — что то же, — диктатуры пролетариата.

Охарактеризовать учение Ленина о пролетарском государстве на нескольких страницах, быть может, значительно труднее, чем представить его в немногих ярких и боевых с искусительным пафосом словах или чем изложить это учение в об'емистой книге. Первый путь, путь краткой эпитафии, уже выполнен пролетариатом в надгробной надписи, в которой исчерпывающая полнота диалектически претворилась в исчерпывающую краткость: ЛЕНИН. Второй путь, путь обширных монографий, только открывается и может быть пройден лишь в несколько лет. Остается средний путь, путь небольшого очерка, пожалуй, наиболее тернистый, ибо отделить от всегда и везде ценного материала из наследия Ленина материал ценнейший — дело нелегкое. С другой стороны, все мы, и не только активные участники пролетарской революции в России, но и созерцатели ее, настолько впитали в себя учение Ленина о пролетарском государстве, настолько сжились с ним, что оно стало нашим общим достоянием, элементарным обиходом действительности, в котором имя творца учения как бы растворилось полностью.

Как алгебра выводит определенную величину из-под знака радикала, так русская революция вывела, т. е. осуществила, Советскую республику, которая с первых минут февральского «бунта» уже стояла под знаком Ленина. И потому теперь, совершая обратное действие, подводя теорию и практику пролетарского государства под знак Ленина, рискуешь неминуемо навлечь на себя упрек в повторении общеизвестных истин, в «открытии» того, что еще никем не забыто, что еще не сделалось достоянием истории.

Заслуга Ленина была бы таким же «открытием», если бы не было забыто, больше того, если бы не было умышленно и неумышленно погребено учение марксизма о государстве, в частности о пролетарском государстве. Именно потому, что было заброшено и во всяком случае осталось непонятным марксистское учение о государстве в связи с революцией, первым делом Ленина в 1917 г. была марксистская революция в учении о государ-

стве. И прежде чем учение Маркса о пролетарском государстве осуществилось в революции, осуществилась революция Ленина в учении о пролетарском государстве.

Ленин восстановил учение Маркса о государстве; это — азбучная истина. Но он не восстановил, да и не мог восстановить это учение так, как восстанавливает картину реставратор. Ленин — меньше всего реставратор. Мысли Маркса и Энгельса о государстве не были собраны им ни в «трактате», ни в «монографии», ни в «учебнике». Они разбросаны им в десятках произведений на протяжении полусотни лет. Но было бы неправильно думать, что вся заслуга Ленина, — а это уже заслуга, — в том, что он собрал эти мысли в одну книжку, реконструировал марксистское учение о государстве, как археолог реконструирует по нескольким обломкам статую или палеонтолог по нескольким костям — скелет вымершего животного. Ленин — меньше всего реконструктор. Он не только реставрировал и реконструировал марксову теорию государства, но и истолковал ее, развил то, что было в ней заложено.

Ленин истолковал учение Маркса о государстве, — вторая азбучная истина. Но как истолковал? Каутский, Кунов и другие тоже истолковывают это учение. «Открывает ли «истинного» Маркса его (Ленина) истолкование — стало предметом проникнутого политическим пылом спора. Мы знаем, почему этот спор полностью никогда не разрешится, мы ясно видим, что ленинское истолкование служит не филологическим, а исключительно политическим целям. К действию (zum Handeln) призывает ленинское учение о революционном переходном времени 1917 г. еще непосредственнее, чем такое же учение его учителя Маркса, начиная с 1848 г.» [1].

Оставляя буржуазному критику Ф. Ленцу его тайну неразрешимости спора (действительность уже разрешила этот спор), мы должны сказать, что он правильно подметил действенный момент учения Ленина. Именно не «филологическим» целям служит ленинское истолкование учения Маркса, а целям политическим. Всуе законы писать, коли их не исполнять. Всуе писать о понимании Марксом диктатуры пролетариата, если не стремиться перевести ее из возможности в действительность. Моменты «фило-

[1] Friedrich Lenz, Staat und Marxismus. Grundlegung und Kritik der marxistischen Gesellschaftslehre, Stuttgart, 1922.

логической» и логической интерпретации марксизма, которые тоже имеются у Ленина, должны быть подчинены высшему моменту осуществления марксизма в революции.

Ленин не только восстановил и действенно истолковал учение Маркса о пролетарском государстве, но и провел его в жизнь. Этим мы высказываем, вероятно, третью азбучную истину. Но так как все относящееся к ней уже выходит за пределы очерченных нами рамок, в дальнейшем мы ограничимся указанием того, что было подчеркнуто, дополнено и развито Лениным в марксистском учении о государстве в связи с пролетарской революцией.

2.

Бесклассовое коммунистическое общество будущего не появляется на мировой арене как deus ex machina, оно не вылетает, подобно Афине из головы Зевса; его возникновение — не мгновенная химическая реакция, проистекающая из соединения двух разнородных элементов. В долгой и мучительной борьбе рождается оно из недр старого капиталистического общества. Это последнее в самом себе таит зародыш будущего хозяйственного строя, в корне отличного от анархической системы производства строя настоящего. Обе экономических системы персонифицируются в двух основных общественных классах капиталистического общества: буржуазии и пролетариата.

С развитием капиталистического строя, которое на известной ступени является уже скрытой его деградацией, происходит все большее и большее обострение классовой борьбы. В то время как буржуазия стремится беспрерывно воспроизводить капиталистический строй, а в нем самое себя, пролетариат, сплачиваемый теснее и теснее силою самих вещей, стремится этот строй уничтожить и поставить на его место строй планомерного хозяйства, при котором, говоря словами советской конституции, «не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Государство, продукт классового общества, является его «официальным резюме». Господствующий экономически класс именно в государстве конституируется как господствующий. Государство — та организация буржуазии, в которой она воспроизводит себя, тот аппарат, которым она подавляет и угнетает пролетариат, та оболочка общества, которая до поры до времени служит буржуазии гарантией сохранности капитализма.

Неудивительно поэтому, что вся борьба классов есть борьба политическая, что пролетариат все силы свои устремляет на разрыв этой предохранительной оболочки капиталистического общества. А стремясь к коммунизму, к обществу бесклассовому, он тем самым стремится к уничтожению государства вообще. Там, где нет классов, нет об'ективно и нужды в аппарате для подавления одного класса другим. Государство — категория историческая, преходящая. Будущее безгосударственное состояние диалектически вмещает в себя и коммунистический момент прошлого, и развитой технический момент настоящего. Эта азбука марксистской диалектики извращается ренегатами марксизма и служит исходным пунктом их в лучшем случае непонимания учения Маркса и Ленина о государстве.

Один из самых серьезных теоретических противников ленинизма в вопросах государства, Г. Кунов, заявляет: «Если угодно выражаться гегельянски-диалектически, то с правом можно сказать, что, исходя из Гегеля, Маркс хотя и по праву отрицал одну часть гегелевской идеи государства, но застрял на первом отрицании и вовсе не дошел до отрицания отрицания, до разрешения (Aufhebung) своего антитетического понимания в высшее единство, до идеи о государстве, которая связывает понимание государства, как организации господства, с его значением, как великой этнической жизненной общины (Lebensgemeinschaft)»[1]. Здесь не только чудовищное насилие над материалистической диалектикой, но и полное извращение, решительный отказ от теории Маркса. В этом утверждении вечности государства содержится ведь утверждение вечности классового общества, следовательно, вечности капитализма. Так думает не один Кунов, так думают многие социалисты и марксисты в кавычках, и потому первое, что нам хотелось бы отметить, это — ортодоксальность Ленина, его верность теоретическим положениям Маркса по вопросу о расправе с государством, как организацией для подавления одного класса другим.

Мы сказали, что коммунистическое общество в муках рождается из недр общества капиталистического. Эти родовые муки, созерцаемые sub specie aeternitatis, представляются скачком — «прыжком из царства необходимости в царство свободы», но для

---

[1] H. Cunow, Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts- und Staatstheorie. Berlin, 1923, S. 310.

их современников, для, быть может, нескольких поколений их, они представляют собою известный период времени, «период революционного превращения» одного общества в другое, ибо рождение коммунизма означает смерть капитализма.

Ленин, подобно Марксу, не изображает в деталях коммунистического строя, он не дает картины утопии, но всем существом своим решает задачу своего времени. Развившиеся классовые различия давно перешли уже в противоположности, а эти последние — в противоречия. Когда противоречия классовых интересов достигают высшей точки, начинается их разрешение в революции. Противоречия капитализма разрешаются в пролетарской революции ценою уничтожения классов. Этот переходный революционный период имеет свою экономику, первым актом которой является экспроприация средств и орудий производства из рук капиталистов. Экспроприация буржуазии, означающая уничтожение ее, как класса, не может быть проведена до конца в одно мгновение. Рудименты капитализма остаются на известное время в экономике переходного периода, продолжаются в ней, а это означает и рудименты классов. Поскольку же есть классы, постольку не может не быть государства. Экономике переходного периода соответствует его «политика», его политическая надстройка, т. е. государство. Эту неизбежность и необходимость государства переходного периода и подчеркивает в особенности Ленин.

3.

Поскольку, сказали мы, в обществе переходного периода есть классы, постольку не может не быть и государства. Равным образом следует сказать, что поскольку в обществе переходного периода есть классы, постольку в нем не может не быть и классовой борьбы. Логически это второе положение стоит даже раньше первого, ибо государство в известном смысле есть лишь орудие классовой борьбы в руках господствующего класса. Таким образом классовая борьба имеет место и в обществе переходного периода, которое является, собственно говоря, уже подступом к социализму и политической надстройкой которого является пролетарское государство, или диктатура пролетариата.

Теоретики II Интернационала эпохи его упадка смазывают этот характер переходного периода, который они датируют уто-

пическим «завоеванием» мирным путем большинства в парламенте, когда начинает «отмирать» и классовая борьба. Между тем, по мнению Ленина, «марксист — лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата».

Указанные нами «социалисты» если и не отказываются от марксистского термина диктатуры пролетариата, то подменяют его идеей парламентского режима при гадательном большинстве социал-демократов. Основной источник такого непонимания ими диктатуры пролетариата Ленин видит именно в недоведении до конца классовой борьбы. Этот «конец», очевидно, возможен лишь тогда, когда некому будет бороться, т. е. когда не будет самих классов. «Диктатура же пролетариата, — говорит Ленин, — есть продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах»[1].

Таким образом мы вновь встречаемся с категорией продолжения. В данном случае продолжение классов вызывает и продолжение классовой борьбы. Но это продолжение в качественно отличной социально-экономической структуре не есть простое повторение, оно является воспроизведением классовой борьбы в новых формах. Старым остается лишь самое наличие государства, но и это последнее, как известно, становится качественно иным. Из орудия буржуазии оно становится орудием пролетариата.

«Государство, — замечает Ленин, — лишь орудие пролетариата в его классовой борьбе. Особая дубинка, rien de plus!» В этом положении необходимо с одинаковой силой подчеркнуть как то, что государство становится орудием пролетариата (что мы и сделали), так и то, что оно является лишь орудием пролетариата и ничем больше. Поэтому можно и должно говорить как о новой форме государства, что мы попытаемся сделать в дальнейшем, так и о новой форме классовой борьбы, ибо «формы классовой борьбы пролетариата при его диктатуре не могут быть прежними».

Ленин намечает в плане своей, к сожалению, оставшейся ненаписанной, брошюры о диктатуре пролетариата пять новых главнейших задач, стоящих перед пролетариатом, и соответственно пять новых форм борьбы. Прежде всего налицо задача

---

[1] В. И. Ленин, О диктатуре пролетариата (план ненаписанной рукописи), III Ленинский сборник, стр. 511.

подавления в процессе пролетарской революции сопротивления эксплоататоров. Об этом забывают оппортунисты и социалисты в кавычках, а между тем это — первая задача эпохи.

Собственно говоря, сопротивление прежде господствовавших классов начинается еще до их свержения, т. е. тогда, когда они, будучи еще об'ективно господствующими классами, начали уже терять под ногами почву. В процессе российской революции 1917 г. это сопротивление началось, скажем, с июня — июля, когда они действительно принуждены были уже думать скорее о сопротивлении, чем о нападении. После взрыва собственно пролетарской революции сопротивление это обостряется и идет с двух сторон; со стороны, так сказать, внутренней, т. е. внутри того государства, власть в котором только что утрачена, и со стороны внешней, со стороны соседних капиталистических держав.

Уже отсюда следует, по Ленину, особая, высшая ожесточенность классовой борьбы в переходную эпоху. Это понятно, ибо для обоих борющихся классов вопрос идет о том, быть или не быть. Внутреннее, по нашей терминологии, сопротивление эксплоататоров, как намечает Ленин, вслед за жизнью, идет по линии заговоров, саботажа, особого воздействия на мелкую буржуазию. Действительно приходится признать, что все это — новые для капиталистов формы классовой борьбы. Имея в своем распоряжении государственную власть, они и помышлять не могли о заговорах; теперь, особенно на первых порах жизни пролетарского государства, это в их глазах одно из радикальнейших и надежнейших средств получить обратно власть. Равным образом, имея в руках средства и орудия производства, они, по самой природе своей, исключали из приемов классовой борьбы саботаж. Локауты и индивидуальные увольнения рабочих — вот что и теоретически и практически, конечно, при вполне определенных условиях, было ответом на стачки и итальянские забастовки рабочих; теперь буржуазная интеллигенция, оказавшаяся в ином положении, применяет, казалось бы, непривычные ей методы саботажа. Прежде воздействие капиталистов на мелкую буржуазию было по преимуществу экономическим, теперь, с потерей власти, это воздействие парадоксально принимает по преимуществу политический характер: мелкой буржуазии обещают ее приобщение к политической активной жизни путем введения всеобщего избирательного права и т. п., ее политически запугивают гибелью от коммунистического строительства и т. д.

Наконец, внутреннее сопротивление буржуазии выражается и в том, что она, не желая расставаться с властью, начинает гражданскую войну. Гражданская война является неизбежной формой классовой борьбы при диктатуре пролетариата и, говоря шире, в эпоху всякой социальной революции. В своем плане брошюры, говоря о гражданской войне, Ленин многознаменательно ставит в скобках две даты: 1649 и 1793. Стало быть, он имеет в виду две классических гражданских войны, неразрывно связанные с двумя не менее классическими буржуазными социальными революциями: английской XVII века и Великой французской конца XVIII века. Уже в этих двух революциях старый господствующий класс именно в процессе гражданской войны от «внутреннего сопротивления» новому классу переходил к «внешнему сопротивлению», то есть к организованной войне при помощи и поддержке, а то и силами иностранных армий.

Гражданская война «в эпоху международных связей капитализма» приобретает в этом отношении еще более ярко выраженный характер. Она перерастает во «внешнюю» подлинно классовую войну, которую ведут, с одной сторны, молодое пролетарское государство, а с другой стороны, старые буржуазные государства, явно или тайно поддерживающие гибнущую буржуазию революционной страны.

Войны в эпоху империализма и пролетарских революций претерпевают любопытную диалектическую эволюцию. Как, в частности, обстояло дело с Россией? Сперва империалистическая война как продолжение политики буржуазного государства иными средствами. Затем, как антитезис, превращение — стихийное для одних, сознательное для других — империалистической войны в гражданскую. Наконец, как синтез, перерастание гражданской войны, — которую, быть может, правильнее было бы назвать классовой войной, — в войну революционную, т. е. вновь во «внешнюю» войну. Но эта последняя является возвратом к первой, к «тезису», лишь по форме она обогащена и пропитана всем содержанием «антитезиса», т. е. явно и отчетливо выраженным классовым содержанием; она синтезирует как характерные черты внешней войны, так и все особенности войны внутренней, гражданской.

Так обстоит дело с теми группами прежде господствовавшего класса, которые оказывают вооруженное сопротивление диктатуре пролетариата. Но, как мы знаем, капиталисты и пролетарии являются лишь основными классами капиталистического общества,

этого непосредственного предшественника общества переходного периода от капитализма к коммунизму. Кроме них существуют и до пролетарской революции доживают и основные классы феодального общества (правда, уже не в качестве основных): землевладельцы и крестьяне.

Что касается первых, то национализация земли начисто сметает их, и в качестве экономически деклассированных элементов общества они разделяют как об'ективно, так и суб'ективно участь капиталистов.

С крестьянством, а также и с мелкой буржуазией дело обстоит много сложнее. Классовые взаимоотношения пролетариата и крестьянства меняются особенно заметно в зависимости от исторических условий эпохи. Перечисляя в своем конспекте новые формы классовой борьбы при диктатуре пролетариата, Ленин записывает: «Нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства». Это требует пояснений. Еще до буржуазной революции, при господстве помещиков и капиталистов пролетариат и крестьянство являются классами различными, но лишь различными. Их интересы пред лицом помещиков и буржуазии совпадают. Отсюда и политическая линия пролетариата: в союзе со всем крестьянством против царя, помещиков и буржуазии.

Дело меняется на подступах к пролетарской революции и в первую фазу диктатуры пролетариата, когда все внимание должно быть направлено на защиту и укрепление пролетарского государства. В это время сказывается работа капитализма — классовое расслоение крестьянства. Батрак и бедняк оказываются в одном лагере с пролетариатом; середняк выжидает, надежным союзником он не является; кулак открыто переметывается на сторону буржуазии. Конкретный анализ этой внутриклассовой расстановки сил диктует пролетариату, и прежде всего его партии, иную тактику: в союзе с бедняком, при нейтрализации середняка, против всего буржуазного окружения, в том числе и против крестьянина-кулака. Именно в эту пору писал Ленин в своем плане брошюры о «нейтрализации», т. е. об «убеждении, привлечении, пресечении» середняцкой массы.

Но, как это было у нас, с укреплением пролетарского государства, с ликвидацией военных фронтов, следовательно, с почти полным подавлением «внешнего» вооруженного сопротивления капиталистов, коротко говоря, с переходом к новой экономиче-

ской политике, вновь меняется политика пролетариата по отношению к крестьянству, об'ективно меняется, потому что в классовой ситуации, а следовательно, и в формах классовой борьбы произошли реальные изменения. Середняк «выждал», крестьянство в массе своей наряду с пролетариатом становится одним из основных классов общества переходного периода. Отношение между пролетариатом и крестьянством есть отношение различия, а не противоположности, или, тем менее, противоречия[1]. Поэтому пролетариат во главе со своей партией вместе с бедняком и в союзе с середняком идет в деревне против кулака, в городе — против буржуазии. Такова диалектика движения крестьянства в эпоху диктатуры пролетариата. Конечно, и на этой стадии-синтезе перед пролетариатом остается задача, — употребляя выражение Ленина, — «вести» крестьянство, «руководить» им, «увлекать его за собой».

Организованный в господствующий класс, пролетариат должен вести за собой, руководить и т. п. не только крестьянством. Новые задачи встают перед ним и в отношении технической буржуазии, в отношении так называемой буржуазной интеллигенции. Ленин не оставляет без внимания этого четвертого (в его перечне) направления новых форм классовой борьбы. Здесь имеются в виду так называемые «специалисты». Ленин неоднократно подчеркивал, что руками одних только коммунистов построить коммунизма нельзя. Техническая интеллигенция, — хочет она этого или нет, — должна быть использована именно в этом направлении. Но так как она тяготеет к противоположному классу, придатком которого, если не составной частью, она является, то и здесь неизбежна классовая борьба. Диктатура пролетариата облекает эту борьбу в оригинальную, прежде невиданную форму. Ленин по этому поводу кратко замечает: «Не только подавление сопротивления, не только «нейтрализация», но взятие на работу, принуждение служить пролетариату»[2].

Пятой группой задач Ленин считает меры по «воспитанию новой дисциплины»; здесь он имеет в виду работу профессиональных союзов, как школы коммунизма, работу коммунистической

---

[1] Вырезав последнюю фразу из контекста, Л. Авербах позволил себе в статье «О культурной преемственности и пролетарской культуре» («Красная новь», 1929, № 6) сделать ряд недопустимых выпадов по моему адресу, обнаружив вместе с тем теоретическое невежество. Интересующихся нашим ответом отсылаем к журн. «Печать и революция», 1929, кн. 9.

[2] В. И. Ленин, О диктатуре пролетариата, стр. 513.

партии, частные вопросы политики заработной платы и т. д., и т. п. Здесь налицо, несомненно, важнейшие задачи, становящиеся перед пролетариатом во весь свой гигантский рост именно в обществе переходного периода.

Если бы Ленин писал свой план брошюры о диктатуре пролетариата не в начале 1920 г., а, скажем, в начале 1921 г., он бы, несомненно (как это следует из всех дальнейших его устных и печатных выступлений), указал еще на общую форму, которую принимает классовая борьба пролетариата в переходный период. Мы имеем в виду так называемую новую экономическую политику. Она не является чем-то случайным, мысль о чем зародилась в той или иной голове без всякой связи с жизнью. Она с необходимостью заложена в экономике общества переходного периода, в котором элементы социализма, в лице, например, национализированной промышленности, подчас причудливо переплетаются с отживающими свой век, но еще «продолжающимися» элементами простого товарного и капиталистического хозяйства с присущими последним способами обращения хозяйственных благ.

Так называемая новая экономическая политика является именно общей формой классовой борьбы пролетариата данного периода. Она ни в коем случае не «отдаляет» пролетариат и крестьянство от социализма. Напротив, новая экономическая политика, проводимая пролетариатом, организованным в господствующий класс, приближает трудящихся к социализму, поскольку является не просто «отступлением», а известной перегруппировкой сил и новым наступлением пролетариата иным строем и иными методами.

Эта, без сомнения, новая форма классовой борьбы пролетариата возможна лишь тогда, когда пролетариат стоит у власти, и еще точнее, когда он покончил с первым этапом внешних революционных войн (отражение капиталистической интервенции, ликвидация отечественных белогвардейцев и т. п.). Существенным для этой формы борьбы является то, что она осуществляется силами государства переходного периода, силами пролетарского государства. Но что же представляет собою это государство переходного периода?

4.

Государство переходного периода, очевидно, не является простым продолжением, хотя бы и ускоренно развивающимся, госу-

дарства буржуазного, как надстройки над капиталистическим обществом. Если оно — момент развития последнего, то такой момент, когда количественное нарастание дает новое качество.

Над выяснением радикальных отличий пролетарского государства от буржуазного особенно потрудился Ленин. Он в нескольких местах усиленно подчеркивает, что «ввести» коммунизм нельзя, коммунизм приходит сам, но необходимо «ввести» пролетарское государство, как первый шаг, исключительно открывающий возможность появления коммунизма. Чем характеризуется пролетарское государство? Как и всякое государство, оно есть насилие. Понятие государства коррелятивно понятию насилия. Пока есть государство, нет свободы; когда есть свобода, уже нет государства. Государство есть зло, по наследству от буржуазии переходящее к пролетариату. Государство пролетариата не есть для него самоцель, каким было государство для буржуазии, но лишь средство вовсе покончить с государством, как формой общежития, вовсе покончить с разделением общества на классы.

Что такое пролетарское государство? Это — «организовавшийся в господствующий класс пролетариат». Организуясь в господствующий класс, начиная подавление буржуазии, как класса, пролетариат тем самым делает первый шаг к уничтожению себя, как класса, первый шаг к бесклассовому, безгосударственному обществу. Аппарат государства в руках пролетариата, обращаясь против буржуазии, тем самым обращается против государства вообще. Но чтобы этот аппарат работал хорошо по своему назначению, он должен быть хорошо организован. «Технически» пролетарское государство должно быть организовано не хуже, а еще лучше, чем буржуазное. Его функции насилия, подавления противоположного класса должны выполняться более быстро, более метко и с большим полезным эффектом, ибо дело идет не об удерживании подавляемого класса в известных рамках угнетения и о воспроизведении его в тех же рамках, как это делала в своем государстве буржуазия, но о полном уничтожении противоположного класса.

Аппарат государства представляет для пролетариата определенную революционную ценность. В самый момент, когда разражается социалистическая революция, пролетариат первым делом должен захватить власть в свои руки, ибо начинающееся подавление буржуазии невозможно только путем давления «снизу», путем стихийных выступлений масс, но должно совершаться и

«сверху», путем организованного давления со стороны пролетарской государственной власти.

Таким образом на первые годы переходного периода устроение, организация и укрепление государства являются одной из основных задач пролетариата. Теоретик и в то же время реальный политик, Ленин и работает над построением пролетарского государства. Отсюда вовсе не следует, что он признает этот тип государства вечным, что он отказывается в своем коммунистическом мировоззрении от безгосударственного общества будущего. Оно придет тогда, когда «отомрет» пролетарское государство по мере исчезновения классов в обществе

Этого не могут понять буржуазные критики Ленина, «спокойные и беспристрастные» исследователи марксизма, застывающие на его «филологическом» и, надо сказать, произвольном толковании. «В качестве синтеза ленинской социологии замечу я, что в основном он переносит центр тяжести с конечной цели на революционное движение к этой цели», — и далее: — «в то время как Ленин провозглашает, без сомнения, вопреки Марксу (?), революционный путь, «конечная цель» безгосударственного общества удаляется у него в глубь будущего, по сю сторону которого дело идет о том, чтобы воздвигнуть здание пролетарского государства на развалинах революционизированных государств», наконец: «Автор «Государства и революции» таким образом, вопреки собственной воле и мыслям (?), становится из преследователя всякой мысли о государстве государственным человеком и передовым борцом своего собственного государства» [1].

В приведенных положениях, взятых нами у того же критика Ленина — Ф. Ленца, единственно правильно то, что он заметил, какую огромную роль признает Ленин за пролетарским государством. Любопытно, что — буржуа по идеологии — Ленц упрекает Ленина в пристрастии к «государственности», в то время как «социалист» Кунов ставит ему в упрек решительное отрицание этой самой государственности. По Ленцу, Ленин слишком отодвинул в глубь веков безгосударственное общество, оставив его лишь как «литературный постулат»; по Кунову, Ленин слишком придвинул это безгосударственное состояние, в то время как и Марксу уже следовало отказаться от него, хотя бы и в качестве литературного постулата. В чем же дело и почему критики Ленина оказываются

[1] F. Lenz, Staat und Marxismus, S. 163—167.

как будто бы в противоположных лагерях? Вопрос разрешается просто: критикам договориться между собой легко, а на противоположном полюсе марксизма остается Ленин. Вся суть в том, о каком государстве, какого типа государстве идет речь. И Ленц, идеолог буржуазии, и Кунов, идеолог мелкой буржуазии, — против пролетарского государства, за сохранение государства буржуазного. Ленин же, идеолог пролетариата, — за пролетарское государство, как политическую надстройку над экономикой переходного периода, и против государства буржуазного. Ленц не против безгосударственного общества, как литературного постулата, лишь бы было сохранено в действительности буржуазное государство. Кунов не против социализма, лишь бы его пытались осуществить в рамках правового государства, т. е. того же буржуазного. Ленин знает, что ни о каком коммунистическом строе не может быть и речи, пока поле деятельности занимает буржуазное государство, и потому он за его уничтожение.

Ни о каком освобождении трудящихся нельзя говорить, пока существует буржуазное государство, как бы ни расширяло оно демократию. Только «расширение» демократии до степени пролетарского государства служит трудящимся залогом успеха их дела. Но пролетарское государство качественно отлично от буржуазного. Ленин неоднократно подчеркивает принципиально иной тип пролетарского государства. Оно — государство социально высшего типа, как некогда буржуазное государство было социально высшим типом по сравнению с государством феодальным. Для диалектика, рассматривающего общественные явления в их становлении, все это само собою понятно, но это непонятно для людей с метафизической складкой мышления типа Кунова, которые в буржуазной, по существу, демократии видят предел, его же не прейдеши.

При всех «издержках» революции экономика переходного от капитализма периода социально выше экономики капитализма. В той же мере политическая надстройка первого выше политической надстройки второго.

Это расположение государств по лестнице их социальных типов есть ленинское приложение диалектики к вопросам государства, есть дальнейшее развитие и обогащение теории марксизма. Относительно можно говорить, что демократическая республика выше, например, конституционной монархии, такое понимание вполне укладывается в ленинское построение, он так и

расценивает, с точки зрения интересов пролетариата, формы правления внутрибуржуазного, так называемого правового государства, — но не следует забывать, что эти различия имеют свою ценность только внутри определенного *типа* государства, именно государства буржуазного. Для Ленина конституционная монархия, парламентарная монархия, демократическая республика имеют значение, но все это — лишь *формы правления* внутри одной *формы государства*, внутри одной политической структуры общества. Между указанными формами правления разница лишь количественная, между формами государства — разница качественная.

Ленин признает, что демократическая республика есть лучшая из возможных политических надстроек капитализма. «Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике»[1]. Демократическая республика есть «ближайший подход» к пролетарскому государству, но только подход. Между демократической республикой, как формой правления буржуазного государства, и между пролетарским государством — скачок, который совершает пролетарская революция. Буржуазная демократия не может быть ни фактически, ни логически формою пролетарского государства.

5.

Буржуазное государство, вся его машина должна быть сломлена, разбита, разрушена в процессе пролетарской революции, и чем скорее, тем лучше — это неустанно повторяет Ленин в своем учении о государстве. Даже если этим государством является демократическая республика, она должна быть уничтожена не менее безжалостно. Она — детище капиталистического общества, и провозглашаемое ею формальное равенство является лишь скрытой формой, «справедливой» видимостью, за которой скрывается все та же эксплоатация трудящихся. Это разрушение и уничтожение старого государства совершаются, очевидно, насильственным способом, но чем является, по существу, революция, как

---

[1] В. И. *Ленин*, Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, «Государство и революция». стр. 311.

не насилием? Однако в то время как буржуазные политические революции являются в конечном счете насилием меньшинства над большинством, не менее чем дворянские государственные и дворцовые перевороты, пролетарская социальная революция является впервые за все время существования капиталистического строя насилием большинства над меньшинством в интересах этого большинства, а через него и всего человечества.

Нельзя считать насилие абсолютным злом, ибо абсолютного зла нет. Метафизический метод мышления не может охватить революции, ибо революция глубоко диалектична. Пролетарское государство силою вещей не может утвердиться без насилия. «Без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников», — так писал Ленин еще в 1906 г., и такова диалектика революции.

Пролетарское государство не только не может утвердиться без насилия, но и само оно, поскольку оно государство, есть насилие, орудие, как сказано, для подавления. И если буржуазное государство было, по существу, диктатурой буржуазии, в какие бы демократические оболочки оно ни облекалось, то государство пролетариата не может быть не чем иным, как диктатурой пролетариата. Эти два понятия вполне идентичны и могут с полным правом заменять одно другое. Ленину принадлежат подчеркивание и исчерпывающее раз'яснение идентичности этих понятий.

Диктатура пролетариата не «форма правления» пролетарского государства, не специфическая форма российского государства пролетариата и беднейшего крестьянства, но его alter ego, его синоним.

Что такое диктатура? В этом понятии вовсе не кроется тот смысл, что диктатором может быть лишь одно лицо и что, следовательно, нельзя говорить о диктатуре как о политическом господстве класса, как того хочет Каутский. Ленин несколько раз давал определение этого понятия именно в связи с господством класса. Первое определение дано им еще в 1906 г., когда он учитывал опыт первой русской революции. Касаясь роли советов рабочих депутатов в 1905 г., он говорит: «Описанные нами органы власти были в зародыше диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти, никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова,

власть, — это и есть диктатура»[1]. Власть, не признающая никакой другой нормы, кроме своей, есть диктатура. Но в то время как диктатура буржуазии опирается, говоря коротко, на вооруженную силу против масс, диктатура пролетариата опирается на народную массу, на вооруженную силу самих масс.

«Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе итти не может, ибо сломить сопротивление эксплоататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя». За это положение, раз'ясняющее Маркса и Энгельса и оправданное всем опытом Парижской коммуны в 1871 г. и российской революции 1917 г., Ленин подвергся ожесточенной критике и не столько из лагеря буржуазного, сколько из правосоциалистического лагеря Каутского, Кунова и других. Проблема сводится к взаимоотношению диктатуры и демократии. Каутский договорился до «словечка о диктатуре пролетариата, употребленного Марксом однажды в 1875 г., в письме». Он и Кунов согласны видеть в Парижской коммуне диктатуру пролетариата, но ведь Коммуна была избрана на основе всеобщего избирательного права, — значит, никаких из'ятий из этого принципа, из этой культурной ценности быть не может. Диктатура пролетариата и есть действие всеобщего избирательного права: «Оба, Маркс и Энгельс, видят в Парижской коммуне пример пролетарской диктатуры; но являлась ли Парижская коммуна родом советской диктатуры? Нет, ее деятели были избраны на основе всеобщего избирательного права, и это распространение всеобщего избирательного права было оценено Марксом и Энгельсом как положительное достижение Коммуны»[2].

Кунов не хочет понять, что вопрос о построении избирательного права является уже второстепенным по сравнению с принципиальной формой государства как диктатуры пролетариата. Он не хочет видеть, что не всеобщее избирательное право дало основание Марксу назвать Парижскую коммуну диктатурой пролетариата, а ее деятельность, равно как название первого пролетарского государства она получила при всеобщем избирательном праве и вопреки ему потому, что она была принципиально иным типом государства, именно одной из форм государства переход-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, «Победа кадетов и задачи рабочей партии», стр. 122.

[2] H. Cunow, Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie, S. 330.

ного периода. Наконец, Кунов не хочет замечать тех исторических условий, при которых происходили «всеобщие» выборы в Коммуну. К моменту выборов, 26 марта, в Париже почти уже не было буржуазии. Наиболее активная ее часть бежала в Версаль после неудачной попытки завладеть пушками национальной гвардии на рассвете 18 марта. Бегство продолжалось и после аристократической (белогвардейской, — сказали бы мы теперь) демонстрации 22 марта. Тьеровские войска также были уведены из Парижа. Остатки буржуазии были терроризованы и в выборах почти не принимали участия, что видно из количества выбиравших. При двух миллионах жителей Коммуна была избрана 230 тысячами голосов (это соотношение особенно следовало бы Кунову иметь в виду при его рассуждениях о втором принципе формальной демократии: о большинстве и меньшинстве). Наконец, 15 радикалов из общего числа 90 членов Коммуны также вскоре исчезли из Парижа. Только таким образом Коммуна получила пролетарскую власть с небольшой примесью мелкобуржуазных элементов.

Все это мало интересует критика Ленина, для него важно установить, что Коммуна не была советским государством, а значит Советская Россия является не пролетарским государством, осуществившим учение Маркса, но просто «произвольным господством пролетарского партийного меньшинства или, скорей, определенных руководящих групп». Перечислив все мероприятия Коммуны, он замечает: «Конечно, можно сомневаться в полезности и совершенной плодотворности всех этих столь глубоко нарушающих старую систему управления мероприятий при тогдашних разрушенных войной отношениях внутри страны, но во всяком случае они вовсе не устанавливали советской диктатуры».

Критик Ленина сомневается в полезности и плодотворности всех мероприятий Коммуны, а между тем именно эти мероприятия и дали Коммуне название диктатуры пролетариата. Ленин вслед за Марксом обвиняет Коммуну как раз в обратном: в недостаточности этих мероприятий, в недостаточном разрушении буржуазного государства, в слишком мягкой политике по отношению к буржуазии.

Парижский пролетариат не установил советов как органов власти именно потому, что он установил Коммуну как властный орган пролетарского государства. Маркс не говорит ничего о советах, что особенно подчеркивает Кунов, по той же причине, по какой он ничего не говорил о Коммуне до 1871 г., ибо он теоре-

тически указал место диктатуры пролетариата, но не занимался частными вопросами о конкретной форме построения пролетарского государства. Заслуга Ленина именно в том, что он, давая учение о пролетарском государстве, указывал на возможность в зависимости от исторических и местных условий различных форм правления внутри диктатуры пролетариата, как формы государства. В частности для России уже ясно было с 1905 г., что органами власти в пролетарской России будут только советы. Но Ленин вначале не обобщал этой формы власти до степени универсальности. Иное дело, когда ближайшие пролетарские революции, например в Венгрии, показали действительную универсальность и гибкость советов как властных органов трудящихся. Теперь, пожалуй, можно сказать, что русским советам суждено стать таким же прообразом (прообразом, но не обязательно жесткой моделью) пролетарских органов власти, как некогда английский парламент стал прообразом органов власти буржуазии.

Когда противники Ленина и русской революции выступают против советов, а в скрытой форме и против марксова понимания диктатуры пролетариата, они боятся за судьбу буржуазной демократии. Они согласны на расширение ее, на «усовершенствование» буржуазного государства, но они возражают против его разрушения, уничтожения, к чему призывает Ленин. Для последнего демократия не есть предел, его же не прейдеши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Коль дело серьезно идет о такой дороге, нужно быстро подвигаться от этапа к этапу и не задерживаться на этапе, хотя бы и «демократическом». По мысли Ленина, вся буржуазная государственная машина на три четверти, если не больше, должна быть уничтожена и заменена новой, а в известной своей части коренным образом реорганизована.

Отличительная черта Ленина в его учении о государстве состоит в том, что он не замыкается, подобно цеховым юристам, в рамки «науки о государстве», в рамки государственного права. Говоря об одной стороне государственного аппарата, «угнетательской» (самые органы власти и их орудия подавления: постоянная армия, полиция и т. п.), он не забывает и о другой стороне, которая еще более исчезает от внимания государствоведов. Это — «связанный особенно тесно с банками и синдикатами аппарат,

который выполняет массу работы учетно-регистрационной, если так можно выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо отрезать, отсечь, отрубить капиталистов с их нитями влияния, его надо подчинить пролетарским советам... И это можно сделать, опираясь на завоевания, уже осуществленные крупнейшим капитализмом (как и вообще пролетарская революция, только опираясь на эти завоевания, способна достигнуть своей цели)»[1]. Здесь то, что теперь принято называть «консерватизмом» Ленина. По существу, это лишь, признание коммунизма как диалектического высшего единства, в котором в снятой форме должны находиться все предшествующие моменты. Но такой «консерватизм» не распространяется на собственно политический аппарат, не распространяется на буржуазную демократию. Или буржуазная демократия — диктатура буржуазии, или диктатура пролетариата, — третьего нет.

Но для революционного класса нет не только третьего, но и выбора между этими двумя путями. Так называемое рабочее правительство Англии 1924 г. не знаменовало начала пролетарского государства, поскольку им не был сделан шаг к ниспровержению буржуазной демократии, поскольку оно оставалось в рамках парламентаризма. Самый переход количества в качество, момент, когда «исполняется мера» совершенствования парламентарной власти, совпадает уже с революцией. Революция доводит до совершенства буржуазную демократию затем, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Так было в начале 1918 г., когда усовершенствованное до последнего предела открытием Учредительного собрания буржуазное государство было ниспровергнуто государством пролетарским, противопоставившим ему новый орган власти, с'езд советов. Можно сказать, что это — общий закон развития всех успешных революций. Так в конце XVIII столетия усовершенствованное до последнего предела собранием генеральных штатов феодальное государство было ниспровергнуто государством буржуазным, противопоставившим новый орган власти — национальное собрание.

Не в полном уничтожении государства вообще смысл ленинского учения, какой ему хочет навязать Кунов, а в уничтожении государства одного типа и замене его государством принципиаль-

---

[1] В. И. Ленин, Собр, соч., т. XIV, ч. 2-я, «Удержат ли большевики государственную власть?», стр. 231.

но иного типа, в данном случае «отмирающим государством, т. е. устроенным так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать».

Диалектик Ленин не берет явления абстрактно: государство, демократия, но конкретизирует понятия: какое государство, какая демократия? Поставленный конкретно вопрос уже предопределяет ответ: буржуазная демократия оказывается диктатурой против пролетариата, диктатура последнего против буржуазии оказывается демократией для пролетариата и беднейшего крестьянства, ибо, пока существуют различные классы, можно говорить только о классовой демократии. «История знает буржуазную демократию, сменяющую средневековье, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной».

Но очевидно, что демократия для буржуазии, для меньшинства, уже, уродливее, чем демократия для трудящихся, для большинства. Вопрос, значит, ставится так: может ли быть в классовом обществе установлена демократия и для буржуазии, и для пролетариата? При единственно возможном, отрицательном ответе вопрос изменяется так: может ли быть демократия сохранена и для богатых, и для эксплоататоров в исторический период уничтожения их как общественной группы? Но не менее очевидно, что пролетариат не может победить, не подавив насильственно своих противников, а там, где есть насилие, не может быть свободы для насилуемых, не может быть, значит, для них и демократии. Вывод Ленина указывает на это диалектическое развитие демократии: «В демократическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплоататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собой» [1].

6.

Для установления демократии второго типа пролетариат должен завоевать, захватить власть. Вопрос о захвате государствен-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, «Государство и революция», стр. 370.

ной власти имеет не только тактическое значение, но и определенный теоретический интерес, поскольку этим актом пролетариат конституирует себя как господствующий класс, поскольку этим актом кладется основа пролетарскому государству. Ленин практически принимает участие в этом процессе и теоретически следит за ним. Об'ектами его анализа являются, во-первых, Парижская коммуна и, во-вторых, русская революция 1917 г.

«Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве», — таков исходный пункт его наблюдений и принцип его анализа. Революции могут совершаться так, что сопротивление общественной группы, стоявшей у власти, быстро ослабевает и государственная власть почти мгновенно переходит в руки новой господствующей группы. Так было в буржуазную революцию 1917 г. Далее, — второй тип развития революции, — возможно, что господствующий класс не сдается без боя, а класс наступающий еще не настолько силен, чтобы вырвать из его рук власть, но достаточно сорганизован, чтобы выставить уже свои органы власти. Это — состояние двоевластия, в чем Ленин видел особенность Февральской революции. Только что получив известие о февральских событиях, Ленин пишет еще в Швейцарии: «Рядом с временным правительством буржуазии возникло новое, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое *рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это — советы рабочих и солдатских депутатов в Питере». Теоретическое значение этого признания Лениным в советах рабочего правительства (а не организации самоуправления) заключается в том, что органы власти пролетарского государства появляются не на другой день после низвержения буржуазной власти, а в зародышевом состоянии, порождаемые все же *революцией*, они существуют первое время наряду со старой властью, как «власть неофициальная».

Но может ли такое состояние двоевластия продолжаться долго? Две власти в одном государстве, две государственных власти, означают две диктатуры, а диктатура по самому понятию своему есть власть, ни с кем не разделяемая. В наличии временного правительства, с одной стороны, и советов депутатов, — с другой, Ленин усматривал еще в апреле 1917 г. переплетение двух диктатур. И он ставил прогноз: так долго продолжаться не может. «Двух властей в государстве быть не может. Двоевластие выражает лишь переходный момент». Из двух властей одна должна

победить, и, очевидно, победит сильнейшая. Эта победа знаменует начало нового государства. Победа советов в России означала победу пролетарского государства, как победа Национального собрания во Франции 1789 г. означала шаг к победе буржуазного государства.

«Захват» власти пролетариатом вовсе не есть захват в смысле похищения, обмана бдительности сильного противника, его обхода путем хитрости или, наконец, удачного акта небольшой группы заговорщиков. Захват власти пролетариатом есть военная победа, открытая атака на сильнейшего противника, прямое завоевание со стороны большинства. Сравнение, проводимое Куновым, Ленина с Бакуниным, сравнение его с Бланки не выдерживает критики и свидетельствует лишь о непонимании и невежестве сравнивающих в вопросах пролетарского государства. «Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма оборончества, фразы, зависимости от буржуазии» [1].

Категории большинства и меньшинства вовсе не предполагают точного подсчета голосов при выборах в представительные учреждения в условиях диктатуры буржуазии. Базироваться и с к л ю ч и т е л ь н о на итогах выборов значит заниматься «позорной игрой в формальность», значит пытаться, само собой понятно безуспешно, формально-логическим методом охватить диалектическую действительность. Большинство голосов, отданных кандидатам пролетариата, должно быть последним у ч т е н о как показатель возможности и необходимости приступить к более решительным действиям. Большинство в парламенте, как и легальное условие его проявления — всеобщее избирательное право, — есть лишь, — говоря словами Энгельса, — «показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве».

Куновская и ленинская арифметики оказываются различными. Один, боясь ошибиться и опасаясь в самом деле большинства, осторожно п о д с ч и т ы в а е т голоса, полученные трудящимися при выборах, и, найдя все-таки большинство, рекомендует кон-

[1] В. И. Л е н и н, Собр. соч., т. XIV, ч. 1-я, «О двоевластии», стр. 26.

сервировать буржуазное государство; другой учитывает «активное большинство революционных элементов народа обеих столиц» и говорит, что этого достаточно, чтобы увлечь массы. Выводы Ленина, сделанные на канве русской революционной действительности, не есть нечто индивидуальное, только в данной обстановке и в данное время имеющее ценность. Это — формула первого уравнения в задаче о пролетарской революции. Когда он говорит, что «ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет», — слово «большевики» выражает общее понятие, алгебраическую величину авангарда революционного класса.

Ленин анализирует выборы в районные думы в Москве: в июне 1917 г. меньшевики получили 70% голосов, в августе — 18%; соответственно, кадеты — 67 тыс. голосов и 62 тыс.; большевики — 34 тыс. и 82 тыс. (47—49%, а вместе с левыми эсерами — большинство). Эти цифры для Ленина не мертвы, они живут; это — не постоянные величины: одни из них уменьшаются, другие увеличиваются; это — своего рода «арифметика переменных величин». Учитывая всю обстановку текущего момента, он видит, что большевистское число к началу октября увеличилось еще больше, и он заключает, что при таких условиях «ждать» — преступление: «ждать с'езда советов — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции»

Повторяем, у Ленина это — не частная à propos партийная директива, не особенный, не имеющий подобия, «случай» русской революции, но теоретическое положение, намечение момента рождения пролетарского государства, и даже не тактическое указание: «когда должен начаться захват власти», но закон рождения пролетарского государства: «когда этот захват начинается». Таким образом устраняется двоевластие.

Эта ленинская «арифметика избирательных голосов» имеет в основе более глубокую «арифметику классов». Избирательные кампании лежат в плоскости политической надстройки, но ведь последняя теснейшим образом связана с социальным строем. Это можно показать на примере куновской и ленинской арифметик. Первая выставляет требование: «Большинство пролетариата в населении, как условие, то есть диктатура пролетариата допустима лишь когда пролетариат составил большинство населения» [1].

---

[1] В. И. Ленин, Вопрос о диктатуре пролетариата (черновой набросок), IV Ленинский сборник, стр. 433.

Ленин дает к этому следующую табличку:

51% minimum? (etwa)		etwa
40% средних (мелкой буржуазии)		
9% капиталистов		
100%		

Табличка наглядно рисует расположение классов, которое требуется «революционными» теоретиками II Интернационала. «тоже-марксистами», для того, чтобы сметь поставить самый вопрос о взятии власти. Однако эта табличка нежизненная. Как она ни точна, она крайне абстрактна; это, действительно, чистая арифметика, абстрактный математический метод, а не конкретный, учитывающий все жизненные тенденции, метод диалектический. Конкретный подход Ленина к социальным явлениям дает в результате иную табличку. Он спрашивает, он ставит глубокую проблему, облеченную также в арифметическую форму:

а если etwa:	20% пролетариата	
	75% мелкой буржуазии	30 бедных 30 средних 15 богатых
	5% капиталистов	
	100%	

На первый взгляд, если ограничиваться исключительно количественной точкой зрения, вторая табличка снимает вопрос о пролетарской революции: в стране всего 20% пролетариев. Более глубокий, конкретный подход революционного марксиста решает, однако, вопрос о революции в положительном смысле, и ясно почему: 75% мелкой буржуазии (куда Ленин в своей табличке включает, несомненно, и крестьянство) не представляет собой сплошной недиференцированной массы. Капитализм отслоил в ее недрах 30% (от всего населения), говоря коротко, бедняков. Это означает в стране, насчитывающей, скажем, три года разорительной войны и десятки лет помещичьей и капиталистической эксплоатации, что указанные 30% бедняков пойдут за 20% пролетариата; это означает, что 30% средних (если не все, то частично) или сами будут «выжидать», будут «держать нейтралитет», или могут быть умелым революционным руководством «нейтрализованы».

Таким образом «оматериализованная» арифметика дает требуемое «педантами» большинство революционных элементов, которое, однако, эти «педанты» усматривать не желают. Они, по здесь

же приводимому выражению Ленина, «новое и существенное, конкретное отметают, а жуют зады о «пролетариате» вообще»[1].

Нетрудно видеть, что вторая ленинская табличка на языке классового строения государства выражает как раз то, что на языке чисто политическом дала августовская избирательная кампания в Москве.

Этот принцип нащупывания большинства не в цифрах, а в реальном соотношении сил и в среде самого революционного класса, как один из устоев ленинского учения о пролетарском государстве, был выведен им из опыта Парижской коммуны, в которой в конце концов формальное большинство было за мелкой буржуазией. И, тем не менее, Энгельс называл ее диктатурой пролетариата по делам ее, имея в виду идейно-руководящее участие представителей пролетариата в революционном правительстве Парижа[2]. Точно так же и Советская Россия не перестает быть диктатурой пролетариата, если на ее с'ездах советов формальное большинство оказывается за трудовым крестьянством.

Указанный принцип был заострен и отточен при октябрьском захвате власти и еще раз проверен с успехом на практике при устранении второго, запоздавшего двоевластия, при ликвидации Учредительного собрания. Выборы в столицах, в промышленных районах, в армиях Северного фронта, находившихся под идейным воздействием пролетариата, дали подавляющее большинство большевистских депутатов. Значительное количество их пришло вообще из армии, т. е. из крестьянской среды, ставшей во время войны более сознательной, и из губерний Северо-западного края, опять-таки находившихся под идейным влиянием пролетариата Питера и Москвы. Это было большинство, достаточное для устранения нового двоевластия и увлечения за собой и руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями. И двоевластие было устранено.

Тут же осуществился и тот принцип, о котором мы говорили выше: революция «совершенствует» старое государство, доводит его верховный орган до высшего предела, когда «исполняется мера», чтобы вовсе уничтожить его.

---

[1] В. И. Ленин, Вопрос о диктатуре пролетариата, стр. 494.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VI, «Парижская коммуна и задачи демократической диктатуры», стр. 281.

7.

В предшествующем мы сосредоточили все внимание на самом основном в учении Ленина о государстве: на противоположения пролетарского государства государству буржуазному, на необходимости первого, как условия для достижения конечной цели трудящихся, и на важнейшем моменте всякого учения о государстве, именно вопросе о власти. Разработка детальной конструкции пролетарского государства, то или иное построение того или иного орудия его, аппарата, учреждения не входят в задачу Ленина — теоретика государства; это — дело Ленина-политика, Ленина — «государственного человека», наконец, Ленина — председателя Совета народных комиссаров. Однако теоретическое обоснование основных политических, публично-правовых, — как сказали бы государствоведы-профессионалы, — устоев пролетарского государства не является деталью, мелочью, о которых теоретик не может и не должен высказывать общих принципиальных соображений. Мы могли бы сказать, что эти устои не носят столь общеобязательного характера, как диктатура пролетариата, это conditio sine qua non переходного от капитализма периода, что они допускают варианты в зависимости от места и времени, но должны добавить, что пролетарское государство налагает на них свой особый отпечаток, дает определенные директивы, уклонение от которых принципиально невозможно. Стараясь быть менее всего юристом, мы все же вслед за Лениным должны в нескольких словах наметить эти общие нормы государственного права переходного периода.

Прежде всего вопрос о государственном строении... Каким принципиально должно быть пролетарское государство, государство революции, — единым централизованным или федеративным децентрализованным? В данном контексте нас, конечно, не интересует отличие принципа федерации от принципа конфедерации. По этому вопросу Ленин-теоретик следует за Энгельсом, Ленин-политик останавливается на одной из возможностей, не альтернативных, а директивных, указанных также Энгельсом.

С точки зрения пролетариата и пролетарской революции, Ленин, как и Маркс и Энгельс, отстаивает принцип демократического централизма, единую и нераздельную республику. Федеративная республика возможна как исключение, ибо она, в сущности, является помехой развитию-отмиранию пролетарского государ-

ства, помехой развитию коммунизма и скорее способствует идеалу анархизма.

Пролетарское государство должно быть сильным, мощным, должно обладать единой волей и единым центром действий. Ему приходится вести ожесточенную вооруженную борьбу с капиталистическим окружением; оно представляет собою, по крайней мере на первых порах, вооруженный и окруженный лагерь. Команда должна подаваться решительная и с уверенностью в ее выполнении; команда эта должна исполняться беспрекословно. Опыт Коммуны 1871 г. подтвердила в этом отношении русская революция. Корректив к крайности централизма вносится его демократизмом: выборностью вышестоящих органов власти органами нижестоящими вплоть до полноправных граждан. Этот принцип применялся Лениным в партии до революции, он же переходит в пролетарское государство после революции.

Но принципиально централизованное пролетарское государство допускает исключения ввиду особых условий. Единственным, пожалуй, таким условием является наличие внутри одного государства нескольких наций. Ленин вслед за основоположниками марксизма не отмахивается от национального вопроса; напротив, при наличии различных наций он допускает из'ятие из принципа единства. Принципы пролетарского государства, в глазах Ленина, не прокрустово ложе, в которое должны быть так просто, «ради самого принципа», уложены нации. Больше того, провозглашается и Лениным-политиком проводится в жизнь требование самоопределения наций. «Мы не сторонники мелких государств, — пишет Ленин в 1917 г., признавая за Украиной так же, как и за Финляндией, право на отделение, — но д р у ж б у нельзя навязывать; ее можно завоевать дружественным же расположением, но ее нельзя захватить».

Иное дело, когда пролетариат двух наций, совершив в двух национально-территориальных единицах революцию, соединяется в одном, таким образом, более крупном и сильном, пролетарском государстве. Поскольку налицо национальные различия, постольку подобное государство, очевидно, конституируется как государство федеративное.

Вопрос о федерировании не стоит в прямой связи с вопросом о большей или меньшей «свободе» в государстве. Единое государство, построенное на основе демократического централизма, может предоставить больше «свободы», чем, скажем, федерация

наподобие бывшей германской империи, т. е. когда автономная от общефедеральной власти местная власть сама не демократична. Эту точку зрения высказывает Ленин в 1917 г. в небольшой статье с показательным заглавием: «Один принципиальный вопрос». Итак, централизованное государство может быть демократическим, федеративное может им не быть; федерация пролетарских государств, как из'ятие из общего правила вследствие национальных различий государств, из которых каждое будет построено по принципу демократического централизма, будет самым демократическим государством, предоставит трудящимся больше всего свободы, поскольку можно говорить о свободе при государственной форме общежития.

Более конкретно поставленный вопрос о демократии соприкасается с вопросом о системе избирательного права. Очевидно, что в сколько-нибудь крупном государстве прямое народоправство невозможно. Значит, органы власти и в пролетарском государстве должны строиться по типу представительных учреждений. Опять-таки иное дело, как именно строятся эти учреждения, как они многочисленны, сколь широкие массы привлекаются к участию в них, какова пропорция между делегатами и делегирующими.

Представительные учреждения переходят как форма по наследству от буржуазного государства к пролетарскому, подобно тому, как они, тоже лишь как форма, перешли от сословно-представительной феодальной монархии к буржуазной парламентарной республике.

«Без представительных учреждений, — пишет Ленин, — мы не можем себе представить демократии, даже пролетарской демократии; без парламентаризма, — добавляет он, о чем речь будет ниже, — можем и должны, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не «избирательная» фраза для уловления голосов рабочих» [1].

Представительные учреждения, как органы власти, — форма; тип государства определяет их содержание. Но представительные учреждения предполагают определенно построенную избирательную систему. Ленин считает вопрос об избирательном праве част-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, «Государство и революция», стр. 335.

ным, не принципиальным; по его мнению, «теория, т. е. рассуждение об общих (а не национально-особых) классовых основах демократии и диктатуры», не должна заниматься таким специальным и второстепенным вопросом, как проблема избирательного права. Его мысль такова: для пролетариата, как для класса, вопросы избирательного права в такой же мере зависят от обстоятельств места и времени революции, как для буржуазии вопрос, скажем, о саботаже пролетарской власти.

«Лишение буржуазии избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до Октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплоататоров избирательных прав. Эта составная часть диктатуры явилась на свет не «по плану» какой-либо партии, а выросла сама собой в ходе борьбы»[1]. Приведенные слова требуют раз'яснения. Детальное построение избирательной системы, ее «техника», действительно, не является принципиальной проблемой. Конструкция и техника самих выборов в Советской Венгрии отличались от таковых же у нас. Но избирательное право и в пролетарском государстве имеет свои принципиальные, теоретические стороны. Заслуга русской революции, между прочим, в том, что она эти стороны оттенила и подчеркнула.

Ленин прав, когда он говорит, что наша система возникла стихийно. Действительно, выборы в советы рабочих депутатов происходили по фабрикам и заводам на общих собраниях рабочих без какого бы то ни было «избирательного закона» и т. п., сами собой рушились такие перлы избирательного права буржуазного государства его классической эпохи, как недопущение женщин, высокий возрастной ценз, ценз оседлости, хотя бы и минимальный. Но ведь не эти достижения характеризуют в существенном советскую избирательную систему, а именно лишение права голоса буржуазии, из'ятие ее в этом отношении из сферы публичных прав. Это из'ятие возникло, действительно, стихийно: выбирали в свой совет рабочие, выбирали своих депутатов; не выбирал предприниматель, не его посылали рабочие. Не следует возводить в принцип небольшой опыт Парижской коммуны, большее основание имеет обобщение опыта революции с таким гран-

---

[1] В. И. Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Петроград, 1919 г., стр. 48.

диозным размахом, как российская, практика которой после опыта Советской Венгрии и собственных нескольких лет жизни по праву может быть возведена в теорию.

Советская избирательная система существенно характеризуется лишением буржуазии избирательных прав, т. е. разрушением принципа всеобщего избирательного права. Подавляемая при диктатуре пролетариата буржузия не может не ущемляться и в своих политических правах, а одним из таких прав и является всеобщее избирательное право. В последнем счете, конечно, безразлично, каким способом буржуазия будет отставлена от пролетарских представительных учреждений, как органов власти, но всякое ее отсюда из'ятие фактически будет из'ятием всеобщего избирательного права из сферы государственного оборота. Оно возвратится в общество тогда, когда оно не будет уже публично-правовой институцией, т. е. в общество безгосударственное. Пролетарское же государство в данном случае является диалектическим антитезисом, поскольку оно «возвращается» к цензовому избирательному праву, именно к трудовому цензу.

Ленин прав, когда он из'емлет из теоретического рассмотрения детали пролетарского избирательного права. При несомненном возникновении новых пролетарских государств в них возможны различные построения избирательных систем, — теория революции не есть застывшая догма, — но также несомненно, что опыт и достижения Советской России будут учтены западно-европейским пролетариатом, как показывает пример самой системы советов.

8.

Эти советы, впервые ставшие органами власти пролетарского государства в Октябрьской революции, теоретически считаются Лениным продуктом русской революции. Советы, с точки зрения Ленина, не единственная «форма правления» пролетарских государств, хотя в самой России они выявили себя таковыми уже в революцию 1905 г. Быть может, в какой-либо иной стране революционный класс создаст иную форму для пролетарской диктатуры (форму, — содержание ее в общем будет повсюду одинаково), ибо органы власти стихийно создаются революцией.

Таким образом Ленин не определяет положительно властные органы пролетарского государства, но дает это определение в отрицательной форме, он говорит, чем н е м о г у т быть такие органы.

Они не могут быть парламентами буржуазных государств. «Представительные учреждения (в пролетарском государстве) остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет».

Ленин видит характерный признак парламентарной системы в так называемом разделении властей. Этому принципу он не находит места при диктатуре пролетариата. Буржуазия считает для себя более удобным провести разделение в л а с т е й; пролетариат находит для себя возможным провести лишь распределение ф у н к ц и й внутри единой власти, но считает необходимым соединение властей. По существу, конечно, и «разделение властей» не может означать наличие нескольких различных государственных властей; это — лишь юридическая формальная организация буржуазного государства. В Северо-американских соединенных штатах, где, казалось бы, принцип разделения властей проведен наиболее последовательно и до конца, все «власти» соединены в руках одного класса капиталистов. Пролетариат же даже внешне, формально, не дробит своей власти.

Отказ от принципа разделения властей знаменует соединение в пролетарских представительных учреждениях власти законодательной и исполнительной; власть с у д е б н а я также принадлежит им, и они из с е б я только выделяют соответственные подорганы. Российские советы были законодательными и исполнительными учреждениями еще тогда, когда они были «неофициальными» органами власти. Эти советы, в одно и то же время законодательствующие и проводящие в жизнь свои законы, по мысли Ленина, должны заменить парламентарно-представительные учреждения; об этом он пишет еще до захвата власти в апреле 1917 г. в проекте изменений программы партии.

Отделение исполнительной, административной, «управленческой» функции от парламента знаменует превращение его в учреждение «говорящее», каково и само филологическое значение слова «парламент». Парламенту, в лице его членов, принадлежит лишь законодательная инициатива, обсуждение и принятие того или иного законопроекта. Непосредственное применение закона на практике, проверка его на опыте из'емлется при системе разделения властей из функций членов парламента; как правило, им запрещается даже совмещение депутатства с выполнением иной государственной работы. В этом качестве парламента, как «гово-

рильпи». Ленин видит зло, равно как и в депутатском иммунитете. Эти принципы так называемого правового государства отметаются Лениным. Не «говорящими» только должны быть органы власти при диктатуре пролетариата, а и «работающими». Члены советов и их высших соединений должны, кроме депутатских полномочий, стоять на той или иной практической работе, сопряженной с известными правами и обязанностями. Депутат не может почитаться лицом неприкосновенным, застрахованным от своих избирателей на весь срок своих депутатских полномочий. Ленин выставляет требования, провозглашенные еще Великой французской революцией, права отзыва депутатов в любое время. Таким образом парламентаризм заменяется Лениным иной системой властных учреждений — советской системой.

Как пролетарское государство является высшим типом государства по сравнению с буржуазным, так, следовательно, советская республика является высшим типом республики по сравнению с парламентарной. «Не парламентарная республика, — пишет он сейчас же по приезде в Россию весной 1917 г., — возвращение к ней от советов рабочих депутатов было бы шагом назад, — а республика советов рабочих, батрацких, крестьянских депутатов по всей стране снизу доверху». Советская государственность признается им вообще высшим типом государственности, за которой и при которой начинается отмирание государства, как таковою. «Выше, лучше такого типа государства, как советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало, и мы до сих пор не знаем».

Совмещая законодательные функции с исполнением законов, советы совмещают в себе выгоды парламентаризма, представительных учреждений с выгодой непосредственной и прямой демократии. «По сравнению с буржуазным парламентаризмом, это — такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение». Как видим, Ленин здесь уже не считает советов «особо-национальной», специфически российской формой диктатуры пролетариата. Он не выставляет советов, как некий императив для всякого пролетарского государства, но он признает именно за этой формой всемирно-историческое значение.

В своих тезисах об учредительном собрании Ленин еще больше конкретизирует это их значение. Третий пункт тезисов, искаженный при цитировании Каутским, гласит: «Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры про-

летариата республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной, буржуазной республикой при учредительном собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму» [1]. Здесь оттеняется еще одна черта советов: как классовые и массовые органы, они единственно способны наиболее безболезненно для общества в целом проводить политику пролетарской диктатуры.

Советы являются органами этой диктатуры; они не органы самоуправления трудящихся, не органы местного самоуправления вообще, вернее, не только органы самоуправления, но и органы управления, органы власти. Еще в недрах старого государства, при своем рождении, при указанном нами двоевластии, советы являлись уже органами борьбы за власть. Создавать советы значит создавать органы непосредственной борьбы пролетариата за власть... Эта мысль принадлежит Ленину 1906 г. Уже тогда он понял и оценил истинное значение и назначение советов, уже тогда, кстати сказать, он проектировал Учредительное собрание как «совет советов».

Советы теряют всякий смысл, если они отказываются от власти, от борьбы за власть. Это — их жизнь, специфическая жизнь одной из форм рабочего движения. Не борющиеся за власть советы — не советы. «Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности советы могут, только взяв государственную власть, ибо иначе им нечего делать, иначе они либо простые зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки».

Жизнь советов — борьба, борьба есть движение вперед; «иного пути нет у этих учреждений, которым нельзя ни итти назад, ни стоять на месте, а можно только существовать, идя вперед». Если таким образом советы являются своеобразным фактором движения вперед, а революция и есть ускоренное движение вперед, то революция невозможна без советов, как и советы без революции. И в глазах Ленина революция разделяет судьбы советов: «если бы народное творчество революционных классов не создало советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным».

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XV. В данном конспекте нас не могут интересовать оттенки, вкладываемые в понятия «республика советов» и «советская республика».

Нужно сказать, что большинство наших выдержек о советах, как органах власти при диктатуре пролетариата, относятся ко времени до Октябрьской революции, а это значит, что в указанной принципиальной оценке советов Лениным руководили не узкопартийные взгляды (большевики в то время не составляли большинства в советах), а классовое чутье и марксистский анализ теоретика и политика в одно и то же время.

Даже после событий 3—5 июля, когда, казалось бы, советы изменили революции, Ленин, подчеркивая, что «власть сейчас нельзя уже мирно взять», что вне этого взятия победы революции быть не может, указывает: «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу советов, это так. Это не вопрос о советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и с предательством данных советов»[1]. Тем более ясным представлялся вопрос к концу 1917 г., когда большинство в советах уже доказало свою революционность захватом власти. Советская власть, очевидно, не могла означать министерство из партий советского большинства, а могла быть только властью советов. Уже оформившееся пролетарское государство, знаменующее смерть старых по типу органов власти, предопределяло тем самым и смерть Учредительного собрания, которое тянуло вспять, отразив группировки I с'езда советов и как бы проспав группировки II и III с'ездов.

Российские советы, пройдя горнило небывалой по размаху пролетарской революции, выявили себя на практике как действительно универсальные прообразы пролетарских властных органов. Коминтерн уже и в теории смотрит на них как на органические факторы пролетарских революций на Западе и как на будущие органы власти пролетарской диктатуры вообще.

Больше того, значение советов не только в том, что они — указанные органы власти, но и в том, что они являются отображением всей культуры общества переходного периода от капитализма к коммунизму. Эта культура, как и вообще существеннейшая проблема культуры в постановке Ленина, требует, однако, специального рассмотрения.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, «К лозунгам», стр. 18.

VIII.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ.

1. Содержание культуры. — 2. Культурные формации. Культура, класс и нация. — 3. Пролетарская революция как предпосылка коммунистической культуры. — 4. Преемственность культурных формаций. — 5. Отношение Ленина к лозунгу пролетарской культуры. — 6. Марксизм и буржуазная культура. — 7. Проблема культурной революции.

1.

Ленин, — мыслитель и боец, для которого вся жизнь была школой определенной борьбы и борьбой определенной школы, — служил делу создания новой культуры, культуры бесклассового, коммунистического, гармонического, — если употребить старинное выражение утопистов, — общества. Такова была цель. Но если для утопистов XIX века ц е л ь парализовала д в и ж е н и е, практически устраняла его, если для ревизионистов движение было всем, а цель исчезала в абсолютном н и ч т о, то у диалектика Ленина цель обусловливала движение, а движение существовало для цели. И так как сама цель — коммунистическое общество с его культурой — слагается из совокупности движений, действий, то именно на движение — революционную борьбу рабочего класса — были устремлены все силы Ленина. В известном смысле эта борьба, ее практика и теория, — ибо без революционной теории не может быть и революционного движения, — сама превращалась в цель: следует помнить диалектический принцип, выдвинутый еще Л. Фейербахом, — всякое средство (революционная борьба), прежде чем стать средством (средством в отношении коммунистического строя), само должно стать целью. В этом лежит обоснование той, поистине, заботливости, с которой Ленин сооружал из кирпичей марксизма свое здание учения о тактике пролетариата, об его партии, о государстве, о культуре.

Первоочередность повседневной политической борьбы, а после Октябрьской революции — хозяйственного строительства пролетарского государства не дала Ленину возможности с равномерной полнотой и детальностью воздвигнуть все части этого здания. Учение о государстве, о тактике рабочего класса, о коммунистической партии в основах своих представлено исчерпывающе; книга о материализме и эмпириокритицизме, а также примыкающие к ней работы со всей полнотой решали положительные и полемические по тому времени задачи философии марксизма; гениальные заметки по диалектике невольно заставляют догадываться о той глубине действенной философской мысли, которая должна была бы обнаружиться в произведениях, если бы Ленин имел больше досуга. Примерно то же самое приходится сказать и в отношении проблемы культуры в целом.

Как мыслитель и как личность — крупнейшая фигура в истории культуры, Ленин задумывался над вопросами культуры тогда, когда они развитием исторического процесса выдвигались на очередь политического дня. Его высказывания по этим вопросам, неизменно конкретные и актуальные, рассыпаны на протяжении едва ли не двух десятков лет. Данные по различным поводам и в различной связи, они, однако, обнаруживают единство в исходных пунктах и цельность в мировоззрении. Хронологически они сгущаются в последние годы жизни Ленина, когда, по ликвидации фронтов классовой войны, перед Советским Союзом естественно встали на очередь культурные задачи. Будучи сопоставлены друг с другом, эти высказывания позволяют набросать картину ленинского решения культурной проблемы. Взятые вместе, они вызывают глубочайшее сожаление о том, что Ленину не пришлось изложить эти свои мысли примерно так, как он сделал с учением марксизма о государстве: мы имели бы классическую книгу диалектического материализма, посвященную проблеме культуры. Цель последующих строк и составляет задача собрать воедино, сопоставить и осмыслить высказывания Ленина о культуре.

Но прежде всего возникает вопрос о том, какое содержание вкладывал сам Ленин в понятие «культура». Обычное и наиболее распространенное толкование разумеет под этим понятием науку, литературу и искусство. Таков об'ем «духовной» культуры в отличие от культуры материальной. Об'единяющее обе эти стороны определение дает М. Н. Покровский. «Культура есть

совокупность всего созданного усилиями человека, в противоположность тому, что даром, без усилий с нашей стороны, дает нам природа».

Бесспорно, это верно и хорошо сказано, если поставить себе целью дать наиболее общее определение. Ограничиваясь областью «духовной» культуры, мы и приходим к науке, литературе, искусству, или, если сказать более широко, к идеологической надстройке.

Однако подчеркнутый т. Покровским момент «усилий человека» не следует понимать слишком узко, т. е. относить к области духовной культуры только то, что создано сознательными усилиями, стараниями, сознательным творчеством и деятельностью человека. При таком ограничительном толковании выпадают из области культуры привычки, навыки, обычаи, т. е. то, что может быть охвачено понятием быта и нравов. Принимая момент «усилия», деятельности, следует уяснить себе, что не всегда это сопровождается моментом сознания или, лучше сказать, сознательности, отдавания себе отчета в творимом и претерпеваемом. Это отсутствие уяснения производимого и происходящего в области духовной культуры отнюдь не связывается обязательно с первобытными, примитивными эпохами, в которых указанный момент, конечно, имеет место в значительной степени: народный эпос, первобытное искусство и т. д. Несвязанное с сознательностью изменение привычек, навыков, обычаев происходит и в более развитых общественных структурах. Словом, «духовную» культуру создают не только сознательные и осознаваемые усилия человека, но и усилия, этими признаками не сопровождающиеся, т. е. усилия, которые для самого суб'екта лишены видимости и качества усилий.

«Быт», «привычки, навыки, идеи», «привычки, вошедшие в плоть и кровь», «привычки, навыки, убеждения», даже «предрассудки и привычки» — вот те понятия, которые особенно часто и упорно употребляет Ленин, когда он касается проблемы культуры. Не только и не столько наука, литература и искусство, сколько именно навыки, из глубины жизни, а не из книг, почерпнутые и вкоренившиеся представления, искусство в смысле уменья естественно что-либо совершать и привычки как-либо поступать, — вот что, по Ленину, составляет суть культуры.

Так понимаемая культура, очевидно, относится к надстройке общественного процесса, а не к его базису, но логически не

совпадает с тем, что называется идеологической надстройкой: она шире идеологий, которые составляют лишь часть культуры. Необходимо привлечь еще общественную психику и общественный быт в целом, т. е. то, что, говоря схематически, ближе к базису, чем идеологическая надстройка. Общественный быт составляет, собственно говоря, лишь иную сторону социальной экономики и классовой структуры общества. Поэтому, быть может, правильнее было бы говорить о культурной надстройке, наряду с надстройкой, например, политической. Даже больше: те или иные государственные, социально-политические организации и учреждения сами должны быть отнесены к культуре в широком смысле этого слова; парламенты или советы рабочих депутатов, синдикаты предпринимателей или профессиональные союзы сами являются образцами культуры политической, связывающей культуры материальную и духовную. И если в будущем бесклассовом, коммунистическом обществе этот род специфической государственной культуры исчезнет, то останется соответствующая будущей социальной структуре культура в ленинском понимании этого слова.

2.

Марксистское понимание общества, как мы знаем, глубоко конкретно. Нет и не может быть общества вообще. Общество вообще, если мы даже прибавим лишнее слово — человеческое общество — есть абстракция. Марксизм выдвинул понятие общественной структуры. Общество есть совокупность производственных отношений, притом вполне определенных. Совокупность феодальных производственных отношений дает феодальное общество, совокупность капиталистических производственных отношений дает капиталистическое общество — категории конкретные, определенные, отчетливые.

Культура, культура «вообще», есть точно так же голая и пустая абстракция, некая вневременная и внепространственная сущность, оперировать с которой подстать лишь самым безнадежным идеалистам. Культура, как надстройка, об'ективно и логически разделяет участь социального базиса, а значит, и общества в целом. Поскольку мы имеем право говорить лишь о той или иной общественной структуре, формации, постольку мы стоим перед соответствующей данной социальной формации куль-

турой. Первый шаг к необходимой и живительной конкретизации понятия культуры мы делаем тогда, когда определяем ее по создавшей ее общественной структуре: культура феодальная, культура капиталистическая, культура коммунистическая. Культура, как культурная надстройка общества, находящегося на определенной ступени развития, уже не есть абстракция. «Культуры» различаются по своим типам точно так же, как по типам различаются и «общества».

В связи с обсуждением проблемы пролетарской культуры Ленин писал в начале 1923 г.: «нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п.» [1]. Здесь типы культур названы по имени господствующего класса той или иной общественно-политической формации: крепостническая культура — это культура феодального общества, чиновничья — культура эпохи абсолютных, бюрократических, полицейских государств; наконец буржуазная — культура капиталистического общества.

Этой связи культур с породившими их социальными отношениями и процессами никогда не следует упускать из виду. Иначе мы за культурой в кавычках, за цивилизацией в кавычках можем не заметить истинной природы культуры. Культура и цивилизация в общежитейском, мы бы сказали идеализированном, понимании, очевидно, исключают всякую возможность насилия, угнетения, грубого произвола. Такая идеальная культура возможна лишь в будущем коммунистическом обществе; капитализм же по самой природе своей есть насилие эксплоататоров. И поэтому капиталистическая «культура» не может не содержать в себе отношения угнетения и эксплоатации. Действительность есть синтез явления и сущности. Видимость цивилизации современного общества должна быть поставлена в связь с его эксплоататорской сущностью, и только тогда мы будем иметь истинное представление о действительности капиталистической культуры. С точки зрения будущей коммунистической культуры, с точки зрения класса, который борется за ее осуществление, эта капиталистическая культура может оказаться совершенно «некультурной».

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, «Лучше меньше да лучше», стр. 125.

Истина капиталистической культуры обнаруживается во всей своей полноте тогда, когда эта культура переживает кризис, стоит пред лицом угрожающей ей опасности, когда она испытывает «неприятности»; таким же образом и буржуазное государство выявляет истинное свое лицо в минуты и дни опасности, т. е. во время революционных взрывов. «Народное бедствие, — пишет Ленин по поводу голода в царской России, — показывает сразу настоящую суть всего нашего якобы «цивилизованного» общественного строя: в других формах — в другой оболочке при иной «культуре» этот строй есть старое рабство, — рабство миллионов трудящихся ради богатства, роскоши, тунеядства «верхних десяти тысяч»[1]. С точки зрения передового класса капиталистического общества, «некультурная», отсталая страна подчас оказывается более культурной, более передовой, чем признанная передовая цивилизованная страна. Это имеет место, например, в тех случаях, когда в колониальных или полуколониальных странах вспыхивает революция или восстание, а какая-либо великая империалистическая и культурная держава стремится подавить восстание или поддержать контрреволюцию, как это всегда бывает, весьма «некультурными» способами. В статье с парадоксальным, казалось бы, заглавием «Отсталая Европа и передовая Азия» Ленин берет именно такой случай. Подобно русскому правительству в революцию 1905 г., Юаньшикай заключает заем у европейских держав, суммы от которого должны пойти, между прочим, и на подавление революционного движения. «А если китайский народ, — пишет Ленин, — не признает займа? В Китае ведь республика, и большинство в парламенте против займа. О, тогда «передовая» Европа закричит о «цивилизации», «порядке», «культуре» и «отечестве». Тогда она двинет пушки и задавит республику «отсталой» Азии в союзе с авантюристом, изменником и другом реакции Юаньшикаем!»[2].

Конкретное понятие капиталистической культуры может ли быть конкретизировано дальше и глубже? Несомненно, может и должно быть, ибо еще не раскрыто все богатство его различных и противоположных определений. На той стадии, которой мы достигли, понятие это еще бедно содержанием. Поскольку в капиталистическом обществе имеются разнообразные нации со

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 1-я, «Голод», стр. 53 и 54.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 30 и 31.

своими привычками, навыками и даже идеями, со своими особенностями и предрассудками, постольку мы должны не закрывать глаза, а вбирать в поле своего зрения национальные особенности культуры. Но наряду с культурой нации, вернее внутри национальной культуры, мы должны видеть и культуру класса, или культурные особенности классов.

Момент классового строения общества весьма осложняет и вместе с тем обогащает проблему культуры. Это становится очевидным, как только мы попытаемся в условиях развитого капитализма сочетать при нашем контексте понятие нации и понятие класса. «Национальная культура буржуазии есть факт», — как говорит Ленин — национальная культура пролетариата есть nonsens, потому что культура пролетариата при развитом капитализме есть уже социалистическая культура, хотя бы пока в своих элементах, ибо в развернутом виде она может быть только при соответствующем экономическом базисе.

Национальную культуру при капитализме имеет буржуазия. Пролетариат при капитализме, оставаясь русским, польским, еврейским, таит в себе уже элементы будущей социалистической культуры, которая разовьется при социализме и дальше при коммунизме, т. е. тогда, когда пролетариат, как класс, разольется в коллективистическом обществе трудящихся. Такова глубокая мысль Ленина.

«В каждой национальной культуре, — говорит он, — есть, хотя бы не развитые, элементы демократической (писано в 1913 г. — *И. Л.*) и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплоатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная), притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии» [1].

Спросят, почему буржуазная культура является господствующей при капитализме? По той же причине, по какой сама буржуазия является при капитализме господствующим классом. В 1913 г. Ленин, очевидно, не читал той рукописи «Немецкой идеологии».

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIX, «Критические заметки по национальному вопросу», стр. 43.

которая была впервые опубликована Д. Б. Рязановым в 1924 г. Но марксизм, который поистине «вошел в плоть и кровь» Ленина, который стал его «культурой», привел его буквально к тем же формулировкам, какие мы находим у Маркса и Энгельса по поводу идей, входящих, по Ленину, в область культуры. Это место столь значительно, что мы позволим себе полностью привести его, тем более что в нем дается исчерпывающее обоснование, между прочим, и мысли Ленина.

«Мысли господствующего класса, — говорится в «Немецкой идеологии», — являются в каждую эпоху господствующими мыслями, т. е. класс, являющийся господствующей материальной силой общества, является в то же время его господствующей духовной силой. Класс, могущий распоряжаться средствами материального производства, располагает в то же время благодаря этому средствами духовного производства, так что благодаря этому он господствует в то же время в общем над мыслями тех, у которых нет средств для духовного производства. Господствующие мысли представляют не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, представляют выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения, т. е. отношения, которые и делают один какой-нибудь класс господствующим, т. е. представляют мысли его господства. Индивиды, представляющие господствующий класс, среди прочих вещей обладают и сознанием и, следовательно, мыслят; само собою разумеется поэтому, что, поскольку они господствуют в качестве класса и определяют все содержание какой-нибудь эпохи, они это делают всем существом, т. е. господствуют, между прочим, в качестве мыслящих существ, в качестве производителей мыслей, регулируя производство и распределение мыслей своего времени, и, значит, их мысли являются господствующими мыслями эпохи» [1].

Итак при капитализме господствующей является буржуазная культура. Эта культура, далее, оказывается национальной и националистической. Последнее суждение логически обратимо: при капитализме национальная культура есть культура буржуазии. Этот класс, стремясь сохранять и вечно воспроизводить свое господствующее положение, тем самым стремится сохранять и воспроизводить национальную культуру; поэтому-то национальная куль-

[1] «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1, стр. 230.

тура буржуазии по природе своей есть националистическая, шовинистическая культура. Шовинизм сказывается в том, что буржуазия пытается и пролетариату навязать чуждый ему национализм, пытается навязать ему свою националистическую культуру. «Национальная культура буржуазии, — пишет Ленин, — есть факт (причем, повторяю, буржуазия везде проводит сделки с помещиками и попами). Воинствующий буржуазный национализм, отупляющий, одурачивающий, раз'единяющий рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии, — вот основной факт современности» [1].

Если, таким образом, о национальной культуре говорят и ее проповедывают клерикалы и буржуа, то пролетариат, носитель зачатков иной, исторически более высокой культуры, противопоставляет лозунг интернациональной культуры всемирного рабочего движения. «Только такая культура означает полное, действительное, искреннее равноправие наций, отсутствие национального гнета, осуществление демократии». Помещики и буржуазия под флагом «национальной культуры» фактически проводят свои антипролетарские стремления. В борьбе с ними трудящиеся осуществляют и создают интернациональную, истинную культуру, которую, как говорит Ленин, «давно подготовляли проповедники свободы и враги угнетения».

Все толки о независимой, свободной, чистой культуре в капиталистическом обществе суть пустые разговоры. «Абсолютная свобода литературы и искусства есть буржуазная или анархическая фраза, ибо «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания» [2]. Поэтому практическая задача партии пролетариата состоит в том, чтобы разоблачать это лицемерие, обнаруживать воочию классовый характер капиталистической национальной культуры. Такая тактика проводится вовсе не для того, чтобы взывать к неклассовым литературе и искусству, ибо последние об'ективно возможны лишь в бесклассовом обществе. Эта тактика проводится для того, чтобы лицемерно свободной литературе, а фактически связанной с бур-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 44.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, «Партийная организация и партийная литература», стр. 23.

жуазией, противопоставить литературу, открыто связанную с пролетариатом.

Такую литературу уже можно назвать свободной, ибо она будет основана не на зависимости, подчас трудно прощупываемой и незаметной, от экономически господствующего класса, а на сочувствии трудящимся, она будет обусловлена не реакционным принципом консервирования капитализма, а идеей социализма, идеей будущего действительно свободного общества. «Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)».

Забегая несколько вперед, мы хотели бы указать, что Ленин избегает выражений: «пролетарская культура», «пролетарская литература»; он говорит о литературе, открыто связанной с пролетариатом. Это проистекает вследствие того, что логически и социологически правильным и отчетливым будет противопоставление культур капиталистической и коммунистической («социалистической» — в более ранних произведениях Ленина). Противопоставление же культур буржуазной и пролетарской способно повести к недоразумениям, затемняющим выдержанную концепцию Ленина. Буржуазная культура есть культура буржуазии при капитализме и «на подступах» к нему, т. е. тогда, когда буржуазия уже становится экономически господствующим классом, «вызревает», по выражению Н. И. Бухарина. Если вспомнить, что мысли господствующего класса являются господствующими мыслями общественной формации, то станет ясным, что «буржуазная культура» и означает культуру капиталистическую, связанную, как было сказано, с национализмом. Выражение «пролетарская культура» в таком случае без крупных оговорок никак не может быть противопоставлено первому выражению, ибо оно означает не что иное, как элементы коммунистической культуры, т. е. культуры, в развернутом виде составляющей надстройку уже над бесклассовым обществом. Поэтому искусственное «культивирование» пролетарской культуры означает консервирование классовой культуры, в то время как тенденция исторического процесса, активным носителем и двигателем которого является

пролетариат, развивается к бесклассовому, коммунистическому обществу с бесклассовой же культурой[1]. Если капиталистическая культура и есть культура буржуазная, то коммунистическая культура не есть культура пролетарская, ибо при коммунизме нет уже пролетариата в современном смысле слова. Следовательно понятие культуры пролетариата при капитализме логически не может быть поставлено на одну доску с культурой буржуазии в капиталистическом обществе.

Отличительной чертой Ленина является, как известно, конкретное единство теории и практики. Теоретическая мысль, положение неразрывно сопровождаются практическим выводом, лозунгом действия, максимой политического поведения. Так обстоит дело и в данном случае. Национальной буржуазной культуре должен быть прежде всего ясно противопоставлен лозунг интернационализации культуры рабочего класса. Этот лозунг есть лишь призыв к осуществлению и воплощению того, что уже об'ективно содержится в действительности. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе»[2]. Политика рабочего класса, очевидно, пойдет по пути изживания национально-культурных особенностей, ибо и они своей каплей увеличивают силу капитализма, раз'единяя и разбивая силы трудящихся. «Кто хочет служить пролетариату, тот должен об'единять рабочих всех наций, борясь неуклонно с буржуазным национализмом и «своим и чужим». Кто защищает лозунги национальной культуры, — тому место среди националистических мещан, а не среди марксистов».

Отсюда понятна та суровая и резкая критика, которой подверг Ленин идею «культурно-национальной автономии». Примерно к концу 1913 г. защита культурно-национальной автономии нашла себе представителей в социал-демократии, связанной с царской Россией. С первого взгляда эта идея как будто подкупала своей защитой угнетенных национальностей. Последним при осуществлении идеи культурно-национальной автономии как будто да-

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIX, «Критические заметки по национальному вопросу», стр. 45.

[2] Там же, стр. 44.

вались возможности сохранить свою культуру от руссификации, «свободно» развивать культурно-национальные запросы и удовлетворять духовные потребности. Однако такова была лишь видимость. Последовательное проведение этой идеи разрывало бы на части единое тело пролетариата данного государства. Так как актуальнее всего стоял вопрос о национальной школе, то этому делу и посвящено большинство высказываний Ленина в указанную эпоху. Перед ним стояла царская Россия, и однако он требовал от социал-демократии отказа от принципа культурно-национальной автономии. Вместо этой «мертвой утопии националистических мещан» он требовал политической независимости, в другой связи— политической автономии, «территориально-национальной автономии», как тогда говорили. Но вопросы общеполитические не входят в задачу настоящего очерка; здесь мы ограничиваем себя лишь культурной проблемой.

Политическое требование полного равноправия наций остается, но если социал-демократия не может еще осуществить национальное федерирование страны, то требование культурно-национальной автономии отнюдь не является шагом вперед. «Интересы рабочего класса — как и вообще интересы политической свободы — требуют... самого полного равноправия всех без исключения национальностей данного государства и устранения всяческих перегородок между нациями, соединения детей всяческих наций в единых школах» и далее: «Вредный проект национализации еврейской школы показывает, между прочим, как ошибочен план так называемой «культурно-национальной автономии», т. е. из'ятия школьного дела из рук государства и передачи его в руки каждой нации в отдельности. Совсем не к этому должны мы стремиться, а к соединению рабочих всех наций в борьбе против всякого национализма, в борьбе за истинно демократическую о б щ у ю школу и за политическую школу вообще» [1].

Таких суждений Ленина, относящихся к одному 1913 г., можно было бы привести множество; ограничимся еще только одним, где подчеркивается стремление сторонников культурно-национальной автономии искусственно оторвать культурную надстройку от экономического базиса, т. е. реакционная попытка пойти вразрез историческому процессу в целом. «Если экономика, — писал Ленин, —

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2-я, «Национализация еврейской школы», стр. 185.

сплачивает живущие в одном государстве нации, то попытка разделить их раз навсегда для области «культурных» и в особенности школьных вопросов нелепа и реакционна. Напротив, надо добиваться соединения наций в школьном деле, чтобы в школе подготовлялось то, что в жизни осуществляется» [1].

Не только мелкая буржуазия, но и крупная и помещики, раскусив суть дела, ухватились за мысль о выделении еврейской детворы в особые национальные школы. Этим воочию была доказана классовая сущность идеи «культурно-национальной автономии», что и было зафиксировано резолюцией летнего (1913 г.) совещания ЦК РСДРП с партийными работниками.

Значит ли все это, что партия пролетариата хочет создать «безнациональную» культуру, литературу, лишенную всех признаков той или другой нации? Значит ли это, что литература, носящая в себе бытовые черты той нации, на почве которой она выросла, должна быть выброшена за борт? Конечно, такой вывод был бы слишком поспешным и неправильным. Не всякое отношение к привычкам, навыкам, идеям, выросшим в условиях определенной исторической эпохи, есть «культивирование» их. Во-первых, литература и искусство не исчерпывают, как мы уже знаем, содержания культуры; во-вторых, нарочитое культивирование национальной и националистической литературы, несомненно, не совпадает с естественным и историческим ходом развития общества, а следовательно, и самой литературы. Никто не говорит о том, что, например, произведения славянофилов XIX века или В. Соловьева и его школы должны быть сожжены, но несомненно, что то культивирование их, которое имеет место сейчас в зарубежной эмигрантской литературе у «неославянофилов», есть глубоко-реакционное явление, впадающее непосредственно в прямое черносотенство. Если угодно, эта «национальная» литература перестала уже быть национальной русской литературой. Когда наши эмигранты-«неославянофилы» пишут о «раздвоении» и «воссоединении» бедной российской, «евразийской» души, то они прежде всего уже не отражают современной культурной надстройки Советского Союза и, конечно, творят грязное идейно-реакционное дело. Наша же исторически сложившаяся классическая литература, отражавшая безрадостную и, казалось бы, безнадежную

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2-я, «О культурно-национальной автономии», стр. 273.

действительность помещичье-царской России, как раз и может быть об'ективно оценена и, так сказать, использована только трудящимися, освободившимися от пережитков националистической культуры. Толстой, — говорит, например, Ленин, — «дал художественные произведения, которые всегда будут читаемы и ценимы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов» [1].

Навыки, привычки, идеи пролетариата при капитализме отличаются от навыков, привычек, идей буржуазии; первые по природе своей интернационалистичны, в то время как вторые — националистичны. Но интернациональность не есть безнациональность. Безнациональной культуры, пока есть нации, быть не может, как не может быть и бесклассовой идеологии, пока есть классы. Необходимо иметь в виду этот пункт ленинского учения о культуре. «Да, — пишет Ленин в своей полемике с представителем Бунда, — интернациональная культура не безнациональна, любезный бундист. Никто этого не говорил. Никто «чистой» культуры ни польской, ни еврейской, ни русской и т. д. не провозглашал, так что ваш пустой набор слов есть лишь попытка отвлечь внимание и заслонить суть дела звоном слов». Мы знаем уже, что «суть дела» в том, что при капитализме наряду с господствующей буржуазной культурой в среде пролетариата зарождаются и развиваются элементы культуры социалистической. Так вот, — говорит Ленин, — «ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации» [2]. Таким путем еще при капитализме из недр буржуазно-национальных культур вследствие общего хода экономического развития общества складываются и развиваются мало-помалу элементы интернациональной культуры будущего, культуры социалистической.

Конечно дело осложняется, когда перед нами отсталые страны и народы, органически связанные со страной, переживающей уже эпоху переходного периода от капитализма к коммунизму, иначе,

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2-я, «Л. Н. Толстой», стр. 115.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIX, «Критические заметки по национальному вопросу», стр. 43.

страны с отсталой культурой, но с диктатурой пролетариата при поддержке более развитой страны. Пролетариат, осуществляющий свою диктатуру, вообще осторожно подходит к культуре наций. Задача его в данном случае состоит в том, чтобы ф о р м у национальной культуры пропитать с о д е р ж а н и е м культуры пролетариата. Общая тенденция интернационализации культуры таким образом сохраняется, хотя формы и остаются на весьма долгое время национальными. Следует еще раз подчеркнуть, что интернациональность не есть безнациональность. Весь вопрос сводится лишь к степени окраски национальным колоритом интернациональной по тенденции культуры переходного периода от капитализма к коммунизму.

3.

Элементы социалистической культуры, будут ли они принадлежать к области материальной или к области, обычно именуемой духовной культурой, не составляют еще социалистической культуры в целом. Последняя, как надстройка, может найти свое осуществление лишь при соответствующем социальном базисе. Отдельные части не составляют целого, однако целое составляется из отдельных частей. Это положение диалектической логики вполне применимо к культуре. Социалистическая и коммунистическая культура составляется из тех элементов, зарождение и первоначальное развитие которых приходится еще на капиталистическую эпоху.

Но может ли социалистическая культура вырасти из капиталистической мирно и без всяких социальных и политических потрясений? Ответ содержится в решении следующей задачи: может ли коммунизм тихо и мирно без социальных потрясений вырасти из капитализма, или, иначе, можно ли мирным путем врасти в коммунизм? Отрицательный ответ на второй вопрос является вместе с тем и отрицательным ответом на первый вопрос. Здесь не место распространяться об экономических, вообще социально-исторических основаниях этого марксистского ответа. Коммунистический строй, даже в первой своей фазе, не может наступить без уничтожения буржуазного государства в процессе пролетарской революции. Эта революция является первым творческим актом, полагающим начало переходному от капитализма к коммунизму периоду. Захват трудящимися массами государственной

власти, превращение буржуазного государства в государство пролетарское есть в отношении дальнейшего нарастания коммунизма conditio sine qua non.

Неизбежные и необходимые трансформации, претерпеваемые политической надстройкой капиталистического общества, не стоят в абсолютной изолированности от надстройки культурной. «Элементы» социалистической культуры сами должны быть уже настолько развиты, чтобы привести пролетариат к выводу о необходимости довольно жестоко расправиться с «политической культурой» капитализма. Но могут ли эти элементы дать нечто большее? На поставленный вопрос приходится вновь отвечать отрицательно. Пролетарская революция есть тот порог и в отношении культуры, только после преодоления которого возможно действенное развитие социалистической культуры.

Здесь мы неизбежно сталкиваемся с освещенной Н. И. Бухариным проблемой «вызревания» коммунизма в недрах капитализма и с его же правильной постановкой вопроса «о пределе аналогий в развитии пролетарского и буржуазного обществ». Только последний правильно было бы свести, в целях большей логической ясности, к вопросу о «пределе аналогий в развитии коммунистического и капиталистического обществ». Совершенно верно, что полной аналогии мы констатировать не в состоянии. В то время как накануне буржуазной социальной революции (например, Великая французская революция) буржуазия уже созрела как социально и экономически господствующий класс, и дело шло лишь о политическом господстве, — пролетариат накануне своей социальной революции экономически господствующим классом не является. Он может быть назван так лишь в том условном смысле, что он является действительным суб'ектом производства, но «суб'ектом распределения» он в капиталистическом обществе быть не может. Линия развития буржуазии такова: фактическое экономическое господство, а затем господство политическое; линия развития пролетариата обратна: сперва захват государственной власти, конструирование себя в качестве господствующего политически класса, а затем (вопрос, конечно, не в сроке — моментально или на другой день) уже господство экономическое, господство над средствами и орудиями производства.

Такую же картину мы имеем и в области культуры. Коммунистической культуры рабочий класс в недрах капитализма выработать по об'ективным причинам не может. Культура господ-

ствующего класса — буржуазии — есть ведь господствующая культура, и иной при капитализме представить нельзя. С другой стороны, рабочий класс навсегда обречен оставаться с «элементами» коммунистической культуры, если он не создает себе реальных предпосылок дальнейшего развития ее, предпосылок в виде захвата государственной власти и утверждения диктатуры пролетариата. Таким образом и со стороны процессов, совершающихся в экономике, и со стороны культурного развития он упирается в необходимость пролетарской революции. Она является тем salto vitale, от успеха которого зависит дальнейшее развитие как производительных сил общества, так и «цивилизации».

Но тут является какой-либо «друг народа», «тоже-марксист», и говорит: позвольте, для созидания социализма или даже для вашей пролетарской революции также необходим определенный, и притом весьма высокий, культурный уровень. Иначе революция превратится во всеразрушающий, губительный и гибельный акт. Ваши рабочие, к сожалению, этим уровнем не обладают. Благоволите поэтому с вашей революцией повременить.

Положение усугубляется еще в том случае, когда вопрос идет о стране, по сравнению с другими странами экономически отсталой. «Отсталость» пролетариата такой страны укрепляется «отсталостью» буржуазии. Политическая зрелость трудящихся может быть невелика, забитость и темнота крестьянства, воспроизводимая и «культивируемая» господствующим классом, низкий уровень общего образования в среде рабочего класса, — все это является как бы иллюстрацией «некультурности» тех масс, которым предстоит совершить революцию. Не благоразумнее ли в самом деле «повременить» с революцией, пока рабочий класс не подрастет культурно, пока он не усвоит грамотности политического управления, пока не станет столь же «культурным», ну, как, скажем, стоящая у власти буржуазия?

Приведенные взгляды являются точкой зрения «педантства всех наших мелкобуржуазных демократов», по выражению Ленина. Эта точка зрения в иную эпоху и в иной формулировке повторяет теорию крепостников-помещиков первой половины XIX века и, еще раньше, второй половины XVIII века. Тогда тоже шли разговоры о несвоевременности и преждевременности освобождения крестьян. Крестьяне-де некультурны и неграмотны, — говорили крепостники; если их освободить, то они, пожалуй, и сами не будут знать, что́ им делать со своей свободой.

Необходимо раньше сделать крестьян нравственными, грамотными, культурными, а потом уже освободить их от крепостной зависимости. Эта теория была лишь лживым и лицемерным прикрытием классовой политики помещиков. Ложь ее заключалась в том, что при сохранении крепостного права крестьянин никогда не мог бы удовлетворить тем качествам, которых от него требовали. Об'ективная историческая логика требовала преодоления этого порочного круга. Попытками преодоления были крестьянские восстания и бунты. Выход же из этого порочного круга был дан закономерным историческим развитием экономики.

Но уже А. Н. Радищев великолепно понимал истинную подоплеку крепостнической теории. Ни о каком просвещении крестьян, — говорил он, — не может быть и речи, пока сохраняется их настоящее положение. А отсюда видно уже было решение проблемы. Оно заключалось в формуле: сперва освобождение, затем просвещение. Эту же формулу повторял и другой радикал павловской и александровской эпох — И. П. Пнин. Только «освобождение» могло создать необходимые предпосылки, при наличии которых можно было говорить об относительном просвещении крестьян.

В широком смысле слова та же самая проблема встает и при самом развитом капитализме. Рабочий класс «некультурен», поэтому он не имеет права даже мечтать о пролетарской революции: сперва просвещение, культура, затем освобождение, революция, — говорят мелкобуржуазные педанты, «тоже-марксисты».

В решении этой проблемы Ленин продолжает традиции Радищева. Ни о каком просвещении, ни о какой культуре не может быть и речи, пока не созданы необходимые к этому предпосылки в форме пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Специфическое и, так сказать, менее выгодное положение России, «стоящей на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной (войной 1914—1917 гг.) окончательно втягиваемых в цивилизацию», нисколько не меняет дела. Напротив, для трудящихся такой страны тем более нужно завоевание необходимых материальных предпосылок. Встретив революционную ситуацию, созданную империалистической войной, они должны были пойти на ту борьбу, которая давала шансы на завоевание условий, «для дальнейшего, — как говорит Ленин, — роста цивилизации».

В заметке «О нашей революции», по поводу «Записок» Н. Суханова, Ленин недвусмысленно спрашивает: «Если для создания

социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?»; и следом за этим дальше: «Для создания социализма, — говорите вы, — требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического процесса недопустимы или невозможны?» [1]. Таким образом единственные предпосылки культурного роста трудящихся могут быть завоеваны ими лишь в процессе пролетарской революции.

4.

Только в процессе этой революции, по установлении диктатуры пролетариата, культурная проблема встает перед трудящимися во весь свой гигантский рост. На политическую культуру буржуазного государства рабочий класс реагирует быстро и решительно: государственная машина буржуазии разрушается, ломается, уничтожается, вместо нее воздвигается политическая культура государства переходного периода: советы депутатов, профессиональные союзы, получающие новые задания, и т. д. и т. п. В области чисто культурной надстройки дело обстоит несколько иначе. Здесь также можно было бы установить предел аналогий. Культура не может быть «реорганизована» с сегодня на завтра, не может быть создана декретным творчеством или введена мерами революционного насилия. Медленнее или быстрее она может лишь вырасти на базисе известных экономических, вообще социальных отношений и процессов.

В революции не приходится говорить о «преемственности» власти в буржуазно-формальной постановке юристов. «Преемственность» здесь выражается только в том, что на другой день после пролетарской революции мы вновь встречаемся с государ-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, «О нашей революции», стр. 119—120.

ственной властью, но эта власть уже принципиально иная. В самой «преемственности» наступил перерыв, и перед нами государственная власть уже иного качества. Но культура и на другой день после революции остается той же, что была накануне. И если «в последующие дни» она начинает уже претерпевать изменения, то рост и характер этих изменений по интенсивности и проявлению не могут сравняться с трансформациями политической надстройки.

Привычки и навыки сказываются во всех отраслях государственной жизни. Навыки и уменье известных частей буржуазного аппарата должны быть использованы пролетариатом, ставшим у власти. Ленин говорит, например, о «связанном особенно тесно с банками и синдикатами аппарате, который выполняет массу работы учетно-статистической». Этого аппарата, по мнению Ленина, разбивать нельзя и не надо. Его нужно только вырвать из подчинения капиталистам. «От него надо отрезать, отсечь, отрубить капиталистов с их нитями влияния, его надо подчинить пролетарским советам».

Таким образом ряд навыков, привычек, «умений», знаний, — того, что, по Ленину, входит в содержание культуры, — созданных капитализмом, должен быть усвоен классом, господствующим в переходную к коммунизму эпоху, притом, необходимо заметить, ряд таких элементов культуры, которыми по самому положению своему трудящиеся массы не могли овладеть при капитализме. «Без наследия капиталистической культуры нам не построить социализма. Не из чего строить коммунизм, как из того, что нам оставил капитализм», — говорил Ленин в отчете ЦК РКП VIII с'езду [1].

В самом деле, взгляд на переходную эпоху, как на абсолютно несвязанную с капитализмом, исключающую все, что «запятнано буржуазным происхождением», как на отрицающую все без исключения достижения капитализма по принципу: что может быть хорошего из Назарета! — такой взгляд есть анти-историческая, метафизическая точка зрения.

В области философии Гегель первый указал, что вся история философии представлялась бы колоссальной нелепостью, если бы она происходила в такой форме: второй философ опроверг первого, третий опроверг второго, четвертый — третьего и т. д. Диа-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 105

лектика, в согласии с опытом, утверждает единую нить развития, утверждает, что результат — ничто без пути, ведущего к этому результату и создающего его. Более высокая общественная формация опирается на менее высокие, более высокая общественная структура в «снятой» форме содержит в себе менее развитые структуры. Это — азбука марксизма.

Указанные положения имеют место и в отношении культурной надстройки. Прежде чем «снять» капиталистическую культуру, необходимо взять из нее ее положительные моменты. «Все дело в том, — обращается Ленин к союзам молодежи, — что вместе с преобразованием старого капиталистического общества учение, воспитание и образование новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми». И вместе с тем «учение, воспитание, образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом» [1].

Глубоко ошибается тот, кто думает, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что было создано в капиталистическую эпоху, того, что накоплено человеческим знанием. «Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм».

Неразрывная культурная нить — вот что выдвигается здесь Лениным. Можно говорить о под'еме культуры, что и будет означать постепенное преодоление феодальной и капиталистической культуры, о под'еме, нарастающем параллельно развитию общества, в одном с ним направлении, но не следует говорить об изобретении принципиально иной культуры, хотя бы слово «изобретение» и не фигурировало открыто. Принципиально иная культура будет иметь место лишь в развитых фазах коммунизма.

Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме. Эти знания он подверг критике, проверил их на рабочем движении, но не отмахнулся от них, не отбросил их. «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не являет-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, «Задачи союзов молодежи», стр. 314.

ся выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»[1]. Как видит читатель, Ленин прослеживает здесь генезис пролетарской культуры далеко в глубь веков, значительно дальше капиталистического общества. Свою культурную нить он ведет от феодализма через эпоху абсолютных бюрократических государств к капитализму. «Все эти пути и дорожки подводили и продолжают подводить к пролетарской диктатуре».

Если так, если пролетарская, т. е. в потенции коммунистическая культура исторически опирается на более ранние культуры, то невольно встает вопрос об использовании этих культур, о характере этого использования и пределах его, а равным образом и об использовании того людского материала, который являлся основным носителем капиталистической культуры. Наука и техника для богатых — таково об'ективное положение дел при капитализме: «капитализм дает культуру только для меньшинства». Но, как писал Ленин еще в конце 1897 г., «по мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем». Отсюда первая практическая задача, быть может, не столько углубление, сколько расширение культурного охвата. В культурный обиход нужно в возможно короткий срок втянуть громадные отсталые массы, скажем, крестьянства[2].

Капитализм давал культуру только для меньшинства, а ныне из этой культуры необходимо построить социализм, ибо другого материала сейчас у нас нет. Пролетарская революция уже создала реальные предпосылки культурной революции, установив советскую власть. Но этого еще мало. Нужно расширение культуры и под'ем ее. «Советский аппарат, — говорит Ленин, — значит, что трудящиеся об'единены так, чтобы весом своего массового об'еди-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 317.

[2] В октябре 1920 года Ленин набросал проект резолюции с'езда Пролеткульта. Там мы читаем: «Всероссийский с'езд Пролеткульта самым решительным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области работы Наркомпроса и Пролеткульта, и т. п.» («Красная новь», 1926, № 3, стр. 226).

нения раздавить капитализм. Они его и раздавили. Но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство—в руках специалистов и в их головах»[1].

В последнем обстоятельстве и заключается громадная трудность для класса, только что ставшего у власти в целях уничтожения всяких классов. Сам он достаточной для коммунизма культурой еще не обладает, хотя только он один и способен вывести человечество к коммунизму. Образованнее его и, если угодно, культурнее оказываются представители противоположного класса и группы, примыкающей к нему, между тем эти последние никак не могут быть признаны проводниками на пути к коммунизму. Они, «культурные люди, поддаются политике и влиянию буржуазии, потому что они восприняли всю свою культуру от буржуазной обстановки и через нее. Вот почему они на каждом шагу спотыкаются и делают политические уступки контрреволюционной буржуазии»[2].

На противоположной стороне, у рабочего класса, тоже есть своя наука; это — наука агитатора, пропагандиста, «человека, закаленного дьявольски тяжелой судьбой фабричного рабочего или голодного крестьянина»; эта наука учит выносливости, учит оказывать железное упорство в классовой борьбе; все эти качества нужны в эпоху диктатуры пролетариата, но их мало. Для победы коммунизма «надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру».

Должно синтезировать культурные качества рабочего класса, добытые им в долгой и упорной борьбе, с наукой, техникой, искусством буржуазии.

Рабочий класс сам должен впитать эти достижения буржуазной культуры, а не смотреть из чужих рук, не полагаться вечно на «спецов». Бесспорно, это так. Но на первых порах, в первые годы и, может быть, десятилетия, он не может обходиться без старых носителей культуры, и притом не только в смысле использования их на практической работе, т. е. используя их вместо себя, но и в смысле получения от них знания. Идеолог Пролеткульта

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVI, «Успехи и трудности советской власти», стр. 72.

[2] Там же, стр. 75.

В. Плетнев в своей статье «На идеологическом фронте» («Правда», 27 сентября 1922 г.) писал: «Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата, учеными, художниками, инженерами и т. п., вышедшими из его среды». Ленин подчеркнул при чтении слова «только» и «его» и на полях кратко ответил т. Плетневу: «Архификция»[1]. У кого же учиться, как не у старых буржуазных «специалистов», если они были монополистами науки, техники и искусства?! Отсюда максима политического поведения — учись у врагов твоих. Они, несомненно, будут оказывать идейное сопротивление. Это сопротивление самое глубокое и самое мощное, по выражению Ленина, но в этом-то и заключается трудность. «Задача — как соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой, бывшей до сих пор достоянием немногих, задача, еще раз скажу, — говорит Ленин, — трудная. Здесь все дело в организации, в дисциплине передового строя трудящихся масс»[2].

5.

После Октябрьской революции Ленин особенно охотно подчеркивает трудность перевоспитания масс. По его мнению, сломить внешние препятствия, разрушить буржуазную государственную машину было сравнительно легко. Культурная же революция, которая становится после захвата власти на очередь, дается гораздо тяжелее. Рабочий класс остро чувствует всю тяжесть работы «в деле организации и обучения, в деле распространения знаний, в деле борьбы с тем наследством темноты и некультурности, дикости и одичалости», которая ему досталась и которую он вынес из капитализма вследствие своего там положения.

Если до революции он подвергал уничтожающей критике «цивилизованное варварство», говорил о «насилии капиталистической культуры», указывал на ее отрицательные стороны, на ее эксплоататорский и «оглупляющий» рабочий класс характер, то теперь, после пролетарской революции, он указывает на то положительное, что в ней было, — на культуру точных знаний, на уменье интеллигенции работать на пользу господствующего класса, на «грамотность» в широком смысле слова этого господствующего класса.

---

[1] Сборник «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата», стр. 12, М., 1925.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 70.

В такой тактике Ленина нет противоречий. Он и после революции прекрасно понимал враждебность капиталистической культуры по отношению к коммунистическому движению, прекрасно сознавал мизерность этой культуры пред лицом культуры коммунистической, но он не менее хорошо видел, что некоторые стороны этой первой культуры должны быть усвоены пролетариатом. Отсюда еще раз требование критического овладения культурой буржуазии, директива учиться у врагов.

В своем докладе XI партийному с'езду Ленин говорил: «Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) не оказались ли подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников коммунистов, потому что у них нет достаточного искусства управлять» [1].

Здесь Ленин мимоходом высказывает опасение, что культура «побежденных» может подчинить себе культуру «победителей», т. е. что ставший у власти рабочий класс, вместо того чтобы взять от капиталистической культуры нужное и полезное, может оказаться в плену у нее в целом. Этого же не должно быть. Таким образом вновь констатируется трудность проблемы — итти «на выучку» к буржуазии, но так, чтобы буржуазная культура в целом не победила.

Быть может эта трудность сравнительно легко преодолевается простым противопоставлением старой, «отжившей» культуре культуры новой, специфически пролетарской, которая и должна быть спешно, как бы по заказу, изготовлена в особых лабораториях и мастерских? Ряд товарищей склонялся и склоняется к такому решению вопроса. Ленин не на их стороне [2]. Дело обстоит не так просто. Речь идет не о том, чтобы нарочито изготовить специаль-

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, «Доклад о деятельности ЦК РКП», стр. 43.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVI, «Успехи и трудности советской власти», стр. 74.

ную культуру, панацею от всех зол культуры буржуазной. К этому вопрос не может быть сведен. Прежде всего коммунисты идут к тому, чтобы плоды буржуазной науки, техники, «плоды тысячелетнего развития цивилизации не доставались кучке людей, пользующихся этим для того, чтобы выделяться и обогащаться, а доставались поголовно всем трудящимся»[1]. Таким образом речь идет прежде всего о демократизации, если так можно выразиться, науки, знания.

Но не лучше ли сразу перейти к пролетарской науке? — скажем, к пролетарской математике, к пролетарскому естествознанию, к пролетарской философии? Такие сочетания слов неприемлемы для Ленина[2].

В самом деле, не играя словами, мы не можем сочетать таким образом указанные понятия. Сравнивая, например, естествознание XVIII века с естествознанием XX века, мы можем говорить о ненаучности первого с точки зрения второго. Но в данном случае мы не должны упускать из виду исторической перспективы. Сравнивая далее, например, две каких-либо теории по одному и тому же предмету внутри естествознания одной и той же эпохи, мы вновь можем говорить о научности одной и ненаучности, ошибочности другой. Та, которая для своего времени будет наиболее адекватно отражать об'ективное явление природы, и будет научной теорией. Взгляды на строение материи в XVIII веке и взгляды на строение материи в XX веке, очевидно, не тождественны. Можно ли сказать, что первые должны быть названы буржуазными или феодальными, а вторые — пролетарскими? Если не играть словами, то — нельзя. Ту же картину имеем мы и в примере с витализмом и дарвинизмом.

Мы имеем право говорить о том, что при прочих равных условиях естествознание в руках буржуазии боится выводов науки, не рискует делать их или лицемерно их скрывает, но почему эти выводы должны быть названы пролетарскими? Классовые инте-

---

[1] К словам В. Плетнева из его статьи в «Правде» «На идеологическом фронте»: «Творчество новой пролетарской классовой культуры — основная цель Пролеткульта» Ленин добавляет на полях ироническое и многознаменательное: «Ха-ха!» См. сборник «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата», стр. 6, М., 1925.

[2] Не считая удобным полемизировать здесь с Л. Авербахом (см. «Красная новь», № 6 за 1929 г.) по поводу его «возражений», указываем на наш ответ: «Печать и революция», 1929, кн. 9.

ресы надевают на глаза буржуазии, иногда сознательно для нее, иногда бессознательно, шоры. И в этом смысле Ленин говорил о партийности в науке и философии. Как мы уже знаем, «Мировые загадки» Геккеля в свое время бурно раскололи научный лагерь и вообще читающее общество на две партии. Противники Геккеля рекрутировались из реакционных слоев общества, так или иначе связанных с клерикализмом. Защитниками Геккеля являлись прогрессивные слои. Но был ли здесь спор двух «наук», одной, скажем, буржуазной, а другой — пролетарской или полупролетарской? Нет, просто одно направление было научным, и за него стояли представители пролетариата (хотя они и не разделяли геккелевской точки зрения агностицизма), другое было ненаучным, и за него цеплялись клерикалы. Следовательно мы можем говорить о проявлении классовой точки зрения в естественных науках и в том смысле, что, например, буржуазия при капитализме придерживается, и не может не придерживаться, по известным вопросам, реакционной, ненаучной точки зрения, но не в том смысле, будто существуют две естественных науки, одна буржуазная естественная наука, а другая — пролетарская.

Примерно то же самое мы наблюдаем и в сфере наук общественных. В политической экономии, скажем, две школы: теория предельной полезности и теория трудовой стоимости. Первая вербует своих сторонников среди буржуазии; точка зрения пролетариата — вторая школа. Так распределяются классы в идеологической борьбе. Мы даже говорим иногда о «буржуазной политической экономии». Но если брать не две последовательно идущих, а одну историческую эпоху, скажем, современность, то правильно ли будет утверждать наличие двух наук политической экономии? Одна, так сказать, политическая экономия для буржуазии и ее обихода, а другая — для пролетариата и его обихода. Такая постановка вопроса неправильна. Одно направление неизбежно оказывается ненаучным, другое — воплощает в себе истину науки данной эпохи, данной социальной формации. И почему же марксистская политическая экономия является только наукой пролетариата и для него? Марксистская политическая экономия, выдвинутая наиболее прогрессивным классом, является об'ективной наукой, она, так сказать, существует и для пролетариата и для буржуазии, поскольку она наиболее адекватно отражает экономическую действительность капитализма. Поэтому-то Ленин и заявлял, что уж если называть науки по имени класса, если гово-

рить о пролетарских науках, то он знает из таковых только одну, именно марксизм, как метод, позволяющий отражать наиболее адекватно (в чем первая задача науки) отдельные стороны и «разрезы» действительности.

Конкретно, в России с лозунгом пролетарской культуры выступили еще в первом десятилетии XX века последователи философии эмпириокритицизма. В политическом отношении они, как известно, одно время составляли довольно компактную группу «отзовистов». Лозунг «пролетарской культуры» был выставлен ими в политической платформе. Ленин, который к тому времени основательно проштудировал философские произведения эмпириокритиков, пытавшихся махизм сочетать с марксизмом, и дал беспощадную и глубокую критику их взглядов, — Ленин писал в 1910 г. об этой платформе: «Пролетарская наука» выглядит здесь тоже «грустно и некстати». Во-первых, мы знаем теперь только одну пролетарскую науку — марксизм. Авторы платформы почему-то систематически избегают этого единственно точного термина, ставя везде слова «научный социализм...» Во-вторых, если ставить в платформу задачу развития «пролетарской науки», то надо сказать ясно, какую именно идейную, теоретическую борьбу нашего времени имеют здесь в виду и на чью именно сторону становятся авторы платформы» [1].

Далее Ленин вскрывает эмпириомонистическую подоплеку платформы «отзовистов». Философия Маха и Авенариуса, оказывается, выдается за пролетарскую философию. Между тем пролетариат является носителем единственно истинной философии, диалектического материализма.

Здесь не место вдаваться в критику эмпириокритицизма и его ревизионистского проявления на русской почве у русских махистов. Нам следует подчеркнуть только, что в марксизме Ленин видел критерий истины. «Всем известно, — пишет он там же, — что на деле под «пролетарской философией» имеется в виду именно махизм, и всякий толковый социал-демократ сразу раскрывает «новый» псевдоним; и далее: на деле именно борьбу с марксизмом прикрывают все фразы о «пролетарской культуре».

Самая идея создания «пролетарской культуры» была выдвинута у нас эмпириокритиками, в частности А. Богдановым. После

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2-я, «Заметки публициста», стр. 20—21.

Октябрьской революции были предприняты уже практические шаги к такому созданию. Учитывая то обстоятельство, что возникновение Пролеткульта проходило у нас в значительной степени под знаком Богданова, Ленин в своем проекте резолюции с'езда Пролеткульта писал: «Весь опыт новейшей истории — и в особенности более чем полувековая революционная борьба пролетариата всех стран мира со времени появления «Коммунистического манифеста» — доказали бесспорно, что только миросозерцание марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата» [1]. Со всей силой приходится поэтому подчеркнуть в нашем очерке о культурной проблеме в постановке Ленина, что последний весьма скептически отнесся к подобной затее. В указанной выше статье В. Плетнев писал: «Рухнула основа владычества буржуазии, ее экономическая и политическая власть, свергнутая силами пролетариата. Но жива еще и кусательна буржуазная идеология; и мы, не ожидая ее неизбежного по закону диалектики крушения, должны подготовлять элементы пролетарской культуры, создавать классовые идеологические надстройки». Ленин отмечает эти подчеркнутые им слова и пишет на полях: «Вот каша-то!» [2]. После всего изложенного выше, надо думать, такое отношение понятно. В конкретных высказываниях Ленина по этому поводу красной нитью проходит действительно практическая и актуальная постановка вопроса. Единство теории и практики обнаруживается еще раз. Проблему культуры он понимает опять-таки очень широко, он не исчерпывает ее вопросами науки и искусства, хотя и об этом специально идет у него речь. Говоря об улучшении государственного аппарата, он замечает уже в начале 1923 г.: «Мы невольно склонны проникаться этим качеством (недоверием и скептицизмом) по отношению к тем, кто слишком много и слишком легко разглагольствует, например, о «пролетарской» культуре; нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур до-буржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего.

---

[1] «Красная новь», 1926, № 3, стр. 225—226.

[2] «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата», сборник, стр. 11, М., 1925.

Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенько на ус» [1].

Теоретические воззрения Ленина приводят его к грустному практическому выводу. Мы «болтали» о пролетарской культуре, о соотношении ее с культурой буржуазной и упустили из виду «полуазиатскую бескультурность, из которой мы не выбрались до сих пор».

Некоторые витали и витают «в эмпиреях» пролетарской культуры и забывают о таком грозном факте, как массовая неграмотность. Такие мысли заносит Ленин в свои «Странички из дневника». Если мы по праву говорим о политическом просвещении масс, то не следует забывать, что оно требует во что бы то ни стало повышения культуры. Таким образом, по Ленину, суть дела лежит не в надумывании пролетарской культуры, а в под'еме, повышении культуры, того ее уровня, которым обладают массы.

Ведь может случиться (так и случилось), что то, что преподносится массам как пример и достижение «пролетарской» культуры, не только не содержит в себе зародышей, элементов социалистической культуры, но попросту отдает культурой буржуазии упадочного периода. Ленин говорит об обилии «выходцев из буржуазной интеллигенции, которые сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматривали как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии и в области культуры»; он говорит о тех условиях, когда «самое новейшее кривляние выдавалось за нечто новое, и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверх'-естественное и несуразное» [2].

6.

Из предыдущего видно, что не в изобретении некоей специальной культуры видел Ленин задачу пролетариата в процессе социальной его революции. Здание социализма приходится строить из кирпичей капитализма, ибо другого материала долгое время взять будет неоткуда. Но и капиталистическая культура не мо-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, «Лучше меньше да лучше», стр. 125.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVI, «Приветственная речь на I Всероссийском с'езде по внешкольному образованию», стр. 190.

жет попросту консервироваться. При критическом усвоении и разборе ее наследия необходимо руководствоваться определенным критерием, методом, который помогал бы оценить по достоинству составные части и элементы культуры капитализма, указывал бы, что следует выбросить и что взять себе, способствовал бы отделению в данном случае «важного от неважного», как говорил Ленин по другому поводу.

Таким орудием, по его мнению, в руках рабочего класса является марксизм. Капиталистическая культура должна быть подвергнута анализу с точки зрения диалектического материализма. Формула: капиталистическая культура плюс марксизм, отнюдь не является арифметическим равенством. Результат не есть простая сумма. Удачнее было бы сравнение с химической реакцией, но, само собою разумеется, лишь с оговорками, лишь с учитыванием того, что сложные культурные процессы для своего оформления требуют длительных периодов времени.

Если принять это далеко не совершенное сравнение, то мы сможем сказать, что при марксистском анализе капиталистической культуры некоторые ее элементы выигрывают, обогащаются содержанием; другие, быть может, только сохраняются; третьи «нейтрализуются», а четвертые «выделяются» и тем самым выкидываются из культурного обихода общественной действительности.

Так, например, религия и культ, которые, несомненно, входят в состав культуры капитализма, «выделяются» и должны быть из'яты из культурного обращения. Об отношении Ленина к религии и о мыслях его по поводу борьбы с ней можно было бы написать специальный очерк; здесь же мы должны ограничиться констатированием того, что максима из'ятия религии из культурной надстройки продиктована марксизмом. Диалектический материализм = марксизм, как метод мышления, приводит к изгнанию религии; марксизм, как мировоззрение, не содержит в себе ни грана религиозного мировоззрения.

Религия есть, действительно, такое наследие культуры капитализма, от которого необходимо отказаться, и чем скорее, тем лучше. «Экономическое угнетение рабочих вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс» [1].

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, «Социализм и религия», стр. 47.

Религия и является «одним из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством». Религия и является в руках господствующего при капитализме класса средством для затемнения духовной жизни масс. Такое положение вещей не может сохраняться дальше. Марксизм об'являет религии войну, причем отдает себе ясный отчет во всех трудностях этой борьбы. И если победа далека, то уже сознание необходимости борьбы с религией, первые шаги этой борьбы есть положительное достижение пролетариата. «Раб, — говорит Ленин в этой же связи, — сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за свое освобождение, наполовину перестает уже быть рабом».

Мы оставляем в стороне конкретные изгибы тактики в этой борьбе и потому не касаемся ленинского учения о том, что религия может быть признана частным делом по отношению к государству, но не может быть признана частным делом по отношению к партии пролетариата. Борьба с религиозными верованиями, как идейная борьба, конечно, есть не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

Все и всяческие, — начиная с самых махровых положительных религий с их таинствами и догматами и, через сектантские, теистические и деистическе толки, кончая самыми утонченными и «культурными», — все оттенки религиозной мысли, открыто мистические или сдобренные идеалистической философией, получают у Ленина принципиально одинаковую оценку, продиктованную точкой зрения революционного марксизма. Замена православной мистики мистикой «богоискательства» в принципиальном отношении нисколько не меняет дела, и потому с последней должна быть начата не меньшая, если не большая, борьба.

Если в XVIII веке деисты критиковали отдельные позитивные исторически сложившиеся религии, если богоискательство критикует современное, скажем, ортодоксальное православие, то само «богоискательство» подвергается критике с точки зрения «богостроительства». А «богоискательство, — писал в свое время М. Горький, — надобно на время отложить, это занятие бесполезное: нечего искать, где не положено. Не посеяв, не пожнешь. Бога у вас нет, вы еще не создали его. Богов не ищут — их создают; жизнь не выдумывают, а творят». В этом весьма характерном положении одно религиозное и «культурное» устремление хотят сменить не чем иным, как другим религиозным и еще более «культур-

ным» устремлением. Богоискатель ищет бога, богостроитель стоит в стороне и посмеивается: чудак ищет то, что еще не положено; бога нельзя найти, ибо его нет. Однако вместо единственно напрашивающегося вывода о том, что поиски, а следовательно, и всякие мысли о боге необходимо оставить, богостроитель вещает о том, что сперва нужно положить, а потом уже искать; «богов не ищут — их создают», заканчивает он. Но каким образом, создав бога, к этому созданному богу следует относиться как к богу? В чем же принципиальное различие этих двух религиозных, именуемых достижениями культуры, устремлений? Ленин отвечает на вопрос в чрезвычайно резкой форме: «Богоискательство отличается от богостроительства, или от богосозидательства, или боготворчества и т. п., ничуть не больше, чем желтый чорт отличается от чорта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против всяких чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположство — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а построяемый боженька — все равно), а для предпочтения синего чорта желтому, — это во сто раз хуже, чем не говорить совсем» [1].

Так обстоит дело с религиозной прослойкой капиталистической культуры при прикосновении к ней марксизма. Конечно значительно более сложная картина открывается перед нами, коль скоро речь зайдет о науке. О необходимости усвоения культуры знания говорилось уже достаточно. Выкинуть за борт науку или повести против нее скрытую сапу, значит впасть в самую грубую вульгаризацию культурной проблемы, значит опуститься на мутное дно енчменизма, значит фактически отказаться от всяких мыслей о социалистическом обществе.

Но усвоение науки капиталистического общества вовсе не означает некритического перенимания, заучивания или рабского подражания всем и всяческим писаниям буржуазных ученых. Здесь также нужно уметь отделить «важное от неважного», научное от псевдонаучного. Точка зрения революционного марксизма должна проникать собою этот поистине «естественный отбор». Таково общее решение вопроса, какое уместно дать здесь, ибо мы не можем в настоящем контексте говорить детальнее о различии естественных и общественных наук. Но в плоскости общей постановки

[1] Письмо к М. Горькому от 14 ноября 1913 г.

вопроса на основании того, что было сказано, ясно, что Ленин был далек от мысли «пролетарского» построения арифметики или инженерного искусства.

Несомненно, что универсальное и последовательное применение марксистского метода в общественных науках обещает в этой области своего рода научную революцию. Именно таково то преобразование и колоссальное обогащение, которое «грозит» со стороны марксизма научной прослойке капиталистической культуры, «грозит» потому, что целый ряд теорий, по существу псевдонаучных, безжалостно выбрасывается за борт науки. Наиболее «потерпевшими» оказываются системы философии, политической экономии, социологии, этики и т. п.

Марксизм делает науку «партийной» в широком смысле этого слова, т. е. он разграничивает реакционные и прогрессивно-научные направления. Все, что так или иначе тянет к религии, к консервированию и воспроизводству капитализма, все, что не является истиной для своего времени, — все это составляет реакционное крыло науки, и пролетариат, как наиболее прогрессивный класс современного общества, не может с этим солидаризироваться. Все, что является истиной, т. е. выдерживает испытание в свою очередь на опыте и в процессе классовой борьбы испытанного марксизма, все это является прогрессивным, и с ним солидаризируется пролетариат. Называя буржуазных по воззрениям профессоров экономистов «учеными приказчиками класса капиталистов», а соответствующих им профессоров философии — «учеными приказчиками теологов», Ленин говорит: «Задача марксистов — и тут и там (в области философии и в области политической экономии) суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести своюлинию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»[1].

Итак, марксизм есть та призма, сквозь которую необходимо рассматривать и затем «пропускать» всю капиталистическую культуру. Этот логический прием соответствует, ибо идет параллельно,

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. X, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 290.

историческому процессу нарастания коммунистической культуры, нарастающей параллельно рождению коммунистического общества. Марксизм = диалектический материализм есть, как известно, теория коммунизма. Марксизм, между прочим, есть методология действия, методология борьбы. Он был порожден классовой борьбой пролетариата и сам знаменует борьбу. Вне борьбы он немыслим. Поэтому в дальнейшее развитие ленинской мысли следует сказать, что преодоление капиталистической культуры при помощи марксизма не мыслится без актуальной, практической борьбы.

Нужно учиться и учиться, — говорил Ленин, — нужно усвоять культуру точных знаний, науку капиталистического общества, нужно учиться коммунизму. Но все это слишком обще. Это не значит, что нужно выучить коммунистические учебники. Зло, которое досталось в наследство от старого, это разрыв между книгой и практикой жизни. «Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит» [1].

Научная культура может быть достигнута лишь в процессе действительной, практической, а не только теоретической борьбы. В процессе же жизненной борьбы могут быть «сняты» и элементы капиталистической культуры. Когда в наши дни в качестве элемента «пролетарской» культуры усиленно подчеркивается солидарность внутри рабочего класса, то это ни в коей мере не должно затушевывать более важный и конститутивный элемент жизненной борьбы. Именно в такой плоскости только и может быть найдено решение преодоления религии, как составной части культуры капитализма. «Борьбу с религией (здесь можно было бы сказать — с капиталистической культурой во всех ее реакционных элементах. — *И. Л.*) нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии» [2].

Обретение моральных quasi-ценностей считалось положительным достижением цивилизации. Имеется целый ряд попыток построить этику в качестве точной, нормативной науки. При

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, «Задачи союзов молодежи», стр. 315.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1-я, «Об отношении рабочей партии к религии», стр. 253.

прикосновении марксизма все эти построения разлетаются, как карточные домики. И в этом смысле этическая прослойка культуры исчезает. Но понятие нравственности реконструируется на совершенно иных основаниях. Внеклассовая мораль в классовом обществе есть очевидный nonsens. Классовая мораль на основе классовой борьбы есть факт. И если идеалистические системы лицемерно скрывают это, то марксизм заявляет об этом открыто. «Мы говорим, — пишет Ленин, — что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». При таком исходном пункте «нравственность — это то, что служит разрешению старого эксплоататорского общества и об'единяет всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов. Коммунистическая нравственность — это та, которая служит этой борьбе, которая об'единяет трудящихся против всякой эксплоатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества» [1]. На этом примере с моралью видна роль, которую Ленин отводил классовой борьбе пролетариата в деле критического усвоения и преодоления капиталистической культуры и в процессе перехода к культуре коммунистической. На этом примере видно, что о нравственности можно говорить, если угодно, как о культурной «ценности», но содержание этого понятия и его обоснование являются, очевидно, совершенно иными, чем те, какие имеют место в сфере культуры буржуазии.

В выдавании классовой морали за мораль универсальную, бесклассовую есть своя логика, логика господствующего при капитализме класса. Эта же логика приводит в буржуазном государстве к формальной презумпции об аполитичности армии, презумпции, невыполнимой и потому никогда не выполняемой. «Аполитичная» армия привлекается правительством к подавлению, например, рабочих «беспорядков» или крестьянских «бунтов», чем воочию вовлекается в самую гущу политики. Не лучше обстоит дело, как известно, с «аполитичностью» или «неполитичностью» просвещения. Связь политического аппарата с просвещением и культурой в целом существует весьма тесная — достаточно вспомнить о буржуазной прессе, школе или о церкви, — только связь

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, «Задачи союзов молодежи», стр. 323.

эта затушевывается. Буржуазной правде пролетариат должен противопоставить свою правду о политическом характере просвещения. Он не скрывает этого характера просвещения, иначе ведь и не может быть, пока мы имеем государство как форму общежития. «Мы на всей линии своей просветительской работы не можем стоять на старой точке зрения об аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой» [1]. Но что значит политическое просвещение в эпоху диктатуры пролетариата? Не вдаваясь в подробности содержания его, мы можем сказать, что характер его предопределяется задачами диктатуры пролетариата, задачами общей политики нового господствующего класса, поставившего себе целью уничтожение всяких классов. В общекультурном разрезе это означает поднятие культурного уровня, действенную помощь в деле усвоения положительных сторон капиталистической культуры и преодолевания ее отрицательных сторон. Внешнее политическое просвещение в эпоху диктатуры пролетариата означает то, что руководство всей культурно-просветительной работой осуществляется политической партией пролетариата. Именно она выполняет *воспитательную задачу* диктатуры пролетариата.

Да и как же может быть иначе? Мы говорили, что коммунистическая культура может нарастать и выявляться лишь при условии, что культура капитализма будет преодолена в призме *марксизма* и пропущена сквозь горнило *классовой борьбы* пролетариата. Но носителем марксизма, вождем в классовой борьбе и является *политическая партия* пролетариата, выступающая в этой борьбе под знаменем марксизма. Таким образом политическая партия пролетариата — вот тот третий момент, который не может не стоять на пути превращения, метаморфозы,— длительной и болезненной, — культуры капитализма в культуру коммунизма, момент, который, по существу, является живым синтезом первых двух моментов — марксизма и борьбы.

Политическая партия пролетариата, руководящая его классовой борьбой и вооруженная революционным марксизмом, облегчает и направляет процесс развития новой коммунистической культуры, процесс перевоспитания масс, процесс создания нового действительно культурного человека.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, «Речь на совещании политпросветов», стр. 178.

7.

«Настоящая культура», «действительная культура» особенно занимает Ленина в последние годы жизни. Для него эти как будто тоще абстрактные определения являются не чем иным, как синонимом коммунистической культуры. Только при коммунизме, как определенной системе хозяйства, определенной общественной формации, может, наконец, осуществиться та культура, о которой лишь мечтали утописты.

Какова будет во всей конкретности эта культура — ответить сейчас нельзя. Будут ли будущие поэты воспевать фабричные гудки и трубы или солнце, ручейки и весеннюю зелень? Самая постановка такого вопроса, с марксистской точки зрения, неправомерна и неправильна, как нелеп избитый «каверзный» вопрос о том, будет ли каждый человек при коммунизме иметь золотые часы. Детальнейшее описание распорядка жизни, регламентирование удовольствий и тому подобных сторон коммунизма ничуть не лучше вычерчивания планов утопических фаланстеров.

Подобно тому как ни один марксист не говорит о возможности заранее вырешенного и разработанного во всех мельчайших подробностях «введения» высшей фазы коммунизма, — ибо «ввести» ее вообще нельзя, — подобно этому ни один марксист не может говорить сейчас о деталях коммунистической культуры. Лишь в общих, но верных чертах можно говорить, что она «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного».

Верный своему широкому пониманию культуры, Ленин определяет культуру коммунизма весьма широко и в то же время поразительно скромно. Он говорит о том времени, «когда люди настолько *привыкнут к соблюдению основных правил общежития* и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*». Именно это добровольное, без всякого принуждения «соблюдение основных правил общежития» и характеризует, по Ленину, культуру коммунизма и будущего человека.

На первый взгляд такая характеристика представляется бедной содержанием. Но нужно вдуматься в марксистско-ленинское учение о капитализме, об эксплоататорской его основе, о «наси-

лии капиталистической культуры», и тогда будет ясным, что в эту эпоху, как и вообще в эпоху классового строения общества, нет и не может быть «элементарного соблюдения основных правил общежития». О них, об этих правилах, действительно, говорят на протяжении веков, но самые предпосылки их осуществления достигаются лишь в процессе пролетарской революции. До нее правила эти остаются моральными прописями, а самое требование их выполнения звучит утопией и притом лицемерной. Пролетарская революция дает предпосылки к проведению их в жизнь, но только предпосылки. Лишь отмирание самой пролетарской демократии, знаменующее отмирание государства вообще, т. е. исчезновение классового строения общества, означает постепенное развертывание этих входящих в плоть и кровь человека правил общежития. Отмирание пролетарской демократии и создание новой действительной культуры образуют, собственно говоря, два параллельных процесса, развивающихся на основе завоеваний диктатуры пролетариата. «Демократия, — говорит Ленин, — начнет отмирать в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплоатации, люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством»[1].

Согласно указанному положению, демократия отмирает в силу привычки к соблюдению элементарных правил общежития. Но эти привычки сами создаются в процессе своеобразного развития пролетарской демократии. Поэтому мы вправе говорить о параллельности обоих процессов. В другом месте той же работы («Государство и революция») Ленин пишет: «Когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимо-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 369—370. Во всей ленинской литературе, насколько нам известно, А. Деборин первый указал и подчеркнул учение Ленина об «элементарных правилах общежития» как характерной черте коммунистической культуры.

верно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием... что необходимость соблюдать несложные основные правила всякого человеческого общежития скоро станет привычкой. И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем и к полному отмиранию государства»[1].

Таким образом, если предпосылки появления коммунистической культуры обусловлены актом пролетарской революции, то развернутая фаза ее обусловлена параллельными, равномерно нарастающими процессами в политической и культурной надстройках общества переходного периода. Своеобразное развитие первой и поднятие второй взаимно дополняют и взаимно нуждаются друг в друге. Вот почему в самых последних своих статьях об улучшении советского аппарата Ленин касается вопросов культуры, а иногда, как он сам говорит, и ставит именно эти вопросы.

Речь идет, например, о том, как реорганизуемому Рабкрину работать по улучшению государственного аппарата. Казалось бы, и об'ект реформы и производитель реформ, оба относятся к политической надстройке, и проблема культуры в целом здесь ни при чем. Между тем вопрос тесно переплетается именно с культурной надстройкой, он не может быть разрешен, если на помощь не будет привлечена последняя. «Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, — пишет по этому поводу Ленин, — потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д.»[2]. Такие шедевры старой государственной машины, как волокита и взятка, опять-таки не могут быть изгнаны средствами одной политики, законодательства и т. п. «Эту болячку нельзя вылечить военными победами и политическими преобразованиями, а можно вылечить только одним под'емом культуры», — замечает Ленин по этому поводу.

При такой постановке вопроса становится понятной вся важность поднятия или под'ема уровня культуры, вся необходимость

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 380—381.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, «Лучше меньше да лучше», стр. 125.

культурной революции, которой поистине требует Ленин в своих последних статьях и выступлениях. Политическая и социальная революция пролетариата уже налицо. Очередь за наиболее трудной, наиболее тяжело дающейся культурной революцией, наиболее трудной потому, что идейное сопротивление привычек самое упорное, самое жестокое, — ведь дело идет о поднятии уровня масс, об их перевоспитании.

Нужно создать такой аппарат, который был бы способен, будучи гибким, отмирать, прокладывать путь бесклассовому обществу. Для этого нужны два элемента. «Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены... Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами»[1]. Отсюда ленинская директива: учиться, учиться и еще раз учиться, причем, конечно, учиться по-ленински, т. е. не только по книгам и из книг, но из жизни, по книге классовой борьбы, по книге практики, «учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом».

Политическая борьба, социальная революция, завоевание власти, вооруженная защита пролетарского государства, — все эти этапы пройдены. Эти моменты борьбы пролетариата — уже «снятые» моменты, снятые в том смысле, что они, сохраняя свою актуальность, уступают первое место борьбе за культуру, культурной революции. «Центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную работу». Не «поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничанье», а действительное, руководимое марксизмом поднятие культурного уровня широких многомиллионных масс стоит теперь на очереди.

«Мы живем теперь, — говорил Ленин еще в конце 1920 г., — в исторический момент борьбы с мировой буржуазией, которая во

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, стр. 126.

много и много раз сильнее нас. В такой момент мы должны отстаивать революционное строительство, бороться против буржуазии и военным путем и еще более путем идейным, путем воспитания, чтобы привычки, навыки, убеждения, которые рабочий класс вырабатывал в продолжение многих десятилетий в процессе борьбы за политическую свободу, чтобы вся сумма этих привычек, навыков и идей служила орудием воспитания всех трудящихся» [1].

Сумма привычек, навыков, идей, это и есть, по Ленину, культура в широком смысле слова, как мы говорили в самом начале главы. Сделать эти привычки, навыки и идеи созвучными коммунизму, это и есть величайшая задача «культурной революции». По частному поводу, о кооперации, Ленин говорит, что нам осталось только одно: сделать население настолько «цивилизованным», чтобы была понятна вся выгода от поголовного кооперирования. «Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы». Таким образом в этом единственно исторически верном направлении мы вновь упираемся в необходимость культурной революции. Без нее невозможен коммунизм. Как некогда буржуазная социальная революция открыла дверь капиталистическому обществу и буржуазному государству, как пролетарская революция открыла дверь обществу переходного периода и временному пролетарскому государству, так теперь культурная революция трудящихся, отправляясь от социальной революции и опираясь на последнюю, приоткрывает дверь коммунистической общественности с ее бесклассовой, «действительной», «настоящей» культурой.

Дело насаждения коммунизма в недостаточно культурной стране безрассудно. Столь же безрассудно требование культурной революции трудящихся до завоевания ими власти. Но, завоевав власть, они оказываются пред лицом этой самой культурной революции. Такова диалектика истории. Совершение культурной революции, как уже не раз указывалось нами, сопряжено с громадными трудностями. Ленин вполне отдает себе в них отчет, — но он не забывает и о том, что это последние трудности: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, стр. 180.

нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»[1]. Последняя фраза этого итогового положения Ленина напоминает нам о материальном базисе культурной надстройки, а следовательно, и культурной революции.

Эта материальная база дана у нас прежде всего в виде национализированной государственной промышленности. В области производственных отношений она дана в союзе рабочих и крестьян, этих двух основных классов общества переходного периода. Их политическим орудием является диктатура пролетариата, направляемая коммунистической партией, которая руководствуется принципами марксизма-ленинизма. Все эти элементы в связи с культурной революцией и должны в своем развитии привести страну к коммунистическому строю с его коммунистической культурой.

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, «О кооперации», стр. 145.

ПОЯСНЕНИЯ [1]

Абсолют — безусловное, ни от чего независимое, противоположное относительному; у метафизиков-идеалистов — вневременная и внепространственная основа всех вещей. Марксистское решение проблемы, «абсолютное — относительное» дано в тексте.

Абстракция — отвлечение от ряда признаков и выделение в общей форме одного признака; напр., *движение* есть абстракция определенного признака от всех *движущихся* вещей. Таким образом создаются абстрактные, отвлеченные понятия. Соотношение абстрактного и конкретного раз'яснено в тексте.

Авенариус, Рихард (1843—1896) — немецкий философ, основатель эмпириокритицизма, философского направления, имеющего своими истоками Беркли и Юма. Идеалистическая философия Авенариуса и Маха оказала сильнейшее влияние на ряд философствующих марксистов, с ревизионизмом которых боролись В. Ленин, Г. Плеханов, А. Деборин и Л. Аксельрод. Из сочинений Р. Авенариуса на русском языке: «Философия, как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил», 1898; «Человеческое понятие о мире», 1901; «Критика чистого опыта», 1908. Об Авенариусе см.: Г. Плеханов в собр. соч., т. XVII, А. Деборин «Введение в философию диалектического материализма», Л. Аксельрод «Против идеализма».

Агностицизм — философское направление, считающее источником познания ощущения, как воздействия внешних вещей, но утверждающее, что вещи, как они существуют сами по себе, не познаваемы. Агностицизм разбивается человеческой практикой. У ряда естествоиспытателей агностицизм в философии сочетается с здравым материализмом в области конкретных исследований. Критику агностицизма см.: Ф. Энгельс «Развитие социализма от утопии к науке» и его же «Людвиг Фейербах».

---

[1] Настоящие пояснения включены в работу по предложению издательства. Их задача — пояснить философские термины, дав их элементарное, иногда первоначальное значение. Сведения о философах классиках и об авторах философских работ также претендуют быть лишь самыми краткими и элементарными. Кроме того даны переводы иностранных выражений, употребляемых Лениным или другими авторами. Вообще же иностранные слова, вошедшие в русский литературный язык, не об'яснены. Это же относится к ряду имен, а также понятий, раз'ясненных в тексте книги. Само собою разумеется, что словарик отнюдь не претендует быть энциклопедическим или философским словарем.

Адекватный — равный, соответственный; адекватное знание — знание. соответствующее предмету.

Alter ego — другое «я», напр., диктатура пролетариата — alter ego пролетарского государства, т. е. по существу оба понятия означают одно и то же.

Анализ — разложение, расчленение сложного, в противоположность *синтезу*, воссоединению. Диалектический метод стоит на точке зрения единства анализа и синтеза.

A priori — до опыта, прежде опыта, независимо от опыта. По Канту, только априорное познание всеобще и необходимо; такое представление ведет к теоретико-познавательному идеализму; противоположное — *a posteriori*, из опыта возникшее. Все познание человека апостериорно.

Argumentum ad hominem — логически несостоятельный довод, взывающий не к существу дела, а к личности, к сторонним обстоятельствам.

Беркли, Джордж (1684—1753) — английский философ и епископ, отбросивший материалистическую установку опыта и через чистый сенсуализм пришедший к точке зрения суб'ективного идеализма, т. е. к утверждению, что существует только суб'ект, «Я», как совокупность ощущений. Сочинения Беркли на русском языке: «Трактат о началах человеческого знания» (1905) и «Опыт новой теории зрения» (1913). О Беркли см. А. Деборин «Введение в философию диалектического материализма».

Бернштейн, Эдуард — немецкий социал-демократ, близко стоявший к Ф. Энгельсу, в конце XIX века об'явил о необходимости произвести «ревизию» марксизма, чем положил начало ревизионизму. Бернштейн отошел от марксизма и в настоящее время, не имея с ним ничего общего, фактически пребывает в буржуазном лагере. В свое время против Бернштейна выступили Каутский и Плеханов.

Бюхнер, Людвиг (1824—1899) — немецкий врач и философ, главный представитель так называемого естественно-научного или метафизического материализма второй половины XIX века, социал-реформатор, плодовитый пропагандист механического материализма, но теоретически беспомощный. Главная работа: «Сила и материя» (есть русские переводы). О Бюхнере см. Ф. Энгельс «Людвиг Фейербах».

Вещь в себе или вещи в себе — вещи, предметы, как они существуют сами по себе, независимо от человеческого сознания. С точки зрения Канта, вещь в себе непознаваема. Критика непознаваемости вещи в себе дана в тексте.

Витализм — воззрение, утверждающее субстанциальное отличие живого от неживого, видящее сущность явлений жизни в некоей витальной или жизненной силе; витализм об'ясняет жизненные явления, исходя из принципа телеологии или целесообразности, и является идеалистическим направлением.

Вольтер, Франсуа (1694—1778) — один из крупнейших представителей французской литературы эпохи просвещения, глава деистов того времени, ожесточенно и резко нападавший на католическую церковь, но не порывавший с идеей бога. В области философии Вольтер не шел дальше сенсуализма Локка. На русский яз. Вольтера много переводили в XVIII веке. О Вольтере см.: В. Засулич (Н. Карелин) «Вольтер» (1898).

Галилей, Галилео (1546—1642) — крупнейший ученый XVII века, механик-астроном и физик, много претерпевший от инквизиции за приверженность и дальнейшее развитие теории Коперника, основоположник механистического

мировоззрения нового времени. Подробное изложение его знаменитого «Диалога о двух главнейших системах мира» см. у Н. Любимова «История физики».

Гегель, Георг (1770—1831) — крупнейший немецкий философ, завершивший развитие классического немецкого идеализма. Абсолютный идеалист, Гегель, однако, дал, по выражению Энгельса, «энциклопедию диалектики». Диалектика Гегеля была усвоена Марксом и Энгельсом, у которых она путем материалистической переработки получила научную основу. Из сочинений Гегеля на русск. яз.: «Курс эстетики» (1859—1860); «Энциклопедия философских наук» (1861—1864, кроме того часть I — 1929); «Феноменология духа» (1913); «Наука логики» (1916). О Гегеле см.: К. Фишер «Гегель»; Плеханов «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (собр. соч., т. VII); А. Деборин «Маркс и Гегель» в сборнике «Философия и марксизм».

Геккель, Эрнст (1843—1918) — немецкий зоолог и дарвинист; формулировки Геккеля эволюционной теории в биологии удовлетворяли Энгельса больше, чем формулировки Дарвина. В области философии Геккель пытался обосновать монизм, который являлся по существу изуродованным, вследствие непоследовательной теории познания, материализмом. Главные произведения Геккеля имеются на русском языке.

Гельвеций, Клод-Адриан (1715—1771) — один из французских материалистов XVIII века, занимавшийся главным образом социально-историческими и этическими проблемами. Историзм Гельвеция выгодно отличает его от Гольбаха. На русском яз. см.: «Об уме» (1917). О Гельвеции см.: Плеханов «Очерки по истории материализма»; И. Вороницын «Гельвеций» (1926); А. Троицкий «Этические взгляды Гельвеция» в «Трудах Ин-та красн. проф.» (1923).

Гипостазирование — олицетворение. У спиритуалистов — утверждение идеи или силы в качестве нематериального существа, личности.

Гносеология — учение о познании, теория познания как часть философии.

Гольбах, Поль (1723—1789) — французский философ, механистический материалист, упорный пропагандист атеизма и глава, наряду с Дидро, материализма XVIII века. По-русски см.: «Система природы» (1924); «Разоблаченное христианство» (1924); «Здравый смысл» (1923); «Краткий богословский словарь» (1925). О Гольбахе см.: Г. Плеханов «Очерки по истории материализма»; И. Альтер «Философия Гольбаха» (1925).

Даламбер, Жан (1737—1783) — французский математик и представитель литературы эпохи просвещения, до 1757 года был соредактором «Энциклопедии» Дидро; Даламбер является предшественником современного позитивизма. По-русски в 1797 г. вышел т. I его сочинений; кроме этого см. в вып. I «Родоначальников позитивизма» его «Предварительное рассуждение» к «Энциклопедии», где дана классификация наук в духе Ф. Бэкона.

Дарвин, Чарльз (1809—1882) — английский естествоиспытатель, научно обосновавший эволюционную теорию в биологии; в области философии Дарвин не шел дальше агностицизма. По-русски: «Иллюстрированное собрание соч. Дарвина» тт. I—VIII (1907); о Дарвине см.: К. Тимирязев «Ч. Дарвин и его учение»; сборник «Марксизм и дарвинизм», 2-е изд.

Деизм — философское направление, оформившееся в Англии XVII века. Деизм отрицает все положительные религии (напр., христианство, магометанство), считая единственно правильной «естественную» религию без культа, ри-

сующую бога не как сверхмировую личность, а как некий разум, проявляющийся в мировых процессах. Деизм может быть связан как с идеализмом, так и с материализмом. В последнем случае, в XVII и XVIII веках, он был лишь «наиболее удачным и легким способом отделаться от религии» вообще. Современный нам материализм может быть связан только с атеизмом.

Декарт, Рэнэ (1594—1650) — один из основателей философии нового времени; рационалист в области теории познания, он был дуалистом, считая одинаково субстанциями как тело (материю), так и душу (дух). Это не мешало ему быть чистым механическим материалистом в области физики. По-русски см.: «Рассуждение о методе» («Философия Декарта» Н. Любимова, 1886 г.); «Метафизические размышления» (1901); «Сочинения», т. I (1914). О роли Декарта: К. Маркс «Святое семейство».

Демокрит (ок. 460—350 до наш. летоисчисл.) — величайший материалист древнего мира. Демокрит учил, что существуют лишь атомы и пустота: атомы различаются по форме и положению; ничего не исчезает и ничего не появляется из ничего; все изменения причинно обусловлены. Отрывки из Демокрита см.: А. Деборин «Книга для чтения по истории философии», т. I (1924); о Демокрите: Пикель «Великий материалист древности» (1924).

Детерминизм — точка зрения, утверждающая закономерную связь всего сущего на основе причинной обусловленности явлений, в противоположность ненаучной точке зрения *телеологизма*, т. е. связи явлений по принципу целесообразности. О различии механического и диалектического понимания детерминизма, см. Ф. Энгельс «Диалектика природы» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. II).

Deus ex machina — бог из машины; традиционная развязка многих древнегреческих пьес — появление бога, не связанное с предыдущим ходом пьесы.

Дидро, Дени (1713—1784) — один из крупнейших французских материалистов XVIII века, редактор «Энциклопедии», выражавшей идеи радикальных слоев общества предреволюционной Франции. Диалектические моменты мышления характеризуют Дидро больше, чем какого-либо другого материалиста XVIII века. См. «Избранные сочинения», тт. I—II (1926); о Дидро см.: И. Луппол «Дени Дидро» (1924).

Дицген, Иосиф (1828—1888) — немецкий философ-материалист и социалист, рабочий-самоучка. Философия И. Дицгена представляет собой разновидность диалектического материализма при наличии ряда неудачных трактовок и положений. По-русски см.: «Аквизит философии и письма о логике» (1906); «Экскурсии социалиста в область теории познания» (1907); «Сущность головной работы человека» и др. О Дицгене см. статьи Ф. Меринга и Г. Плеханова.

Дюринг, Евгений (1833—1921) — немецкий философ-позитивист, пытался создать особую, по существу мелкобуржуазную, социалистическую партию. Притязание его на собственную универсальную систему всех наук и утверждение своей «системы социализма» в противовес научному социализму Маркса и Энгельса вызвали со стороны последнего уничтожающую критику; см. Энгельс «Анти-Дюринг». На русск. языке сочинения Дюринга: «Ценность жизни» (1894); «Курс национальной и социальной экономии» (1893); «Великие люди в литературе» (1897).

Идентификация — отождествление, полное приравнивание.

Имманентный — внутренне присущий, пребывающий в чем-либо, в противоположность *трансцендентному*, выходящему за пределы чего-либо. В области теории познания имеет специальное значение *имманентная* философия — идеалистическое направление, утверждающее полную имманентность сознанию данных опыта, т. е. усматривающее всю действительность в содержании сознания. У современных имманентов (Шуппе, Шуберт-Зольдерн и др.) моменты философии Юма сочетаются с априоризмом Иммануила Канта.

Кант, Иммануил (1724—1804) — первый по времени из классиков немецкого идеализма. Философия Канта — трансцендентальный идеализм: сознанию до всякого опыта присущи чистые формы созерцания (пространство и время) и рассудка (единство, существование, причинность и пр.); эти априорные формы делают возможным самый опыт. В опыте нам даны лишь явления, вещи же сами по себе для нас остаются непознаваемыми. На русск. яз. есть все основные работы Канта. О Канте см.: Ф. Паульсен «Имм. Кант» (1899); Г. Плеханов, собрание сочинений, том XI; А. Деборин, «Введение в философию диалектического материализма» и «Диалектика Канта» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга I).

Quantité négligeable — ничтожная величина, которой можно пренебречь.

Категория — буквально с греческого — сказуемое, т. е. то, что высказывается о чем-либо. В философию понятие категорий в сознательной форме было введено еще Аристотелем, для которого они были схемами утверждений относительно бытия. Понятие категории в истории философии неоднократно менялось. Для марксиста категории являются абстракциями от действительных исторических явлений и процессов.

Quasi — так сказать, с позволения сказать; употребляется для придания несколько пренебрежительного оттенка тому слову, которому предшествует.

Conditio sine qua non — условие, без которого абсолютно невозможно какое-либо явление, событие.

Конкретный — буквально «сращенный», совмещающий в себе многоразличные определения; о соотношении конкретного и абстрактного см. в тексте.

Конфессионализм — признание того или иного вероисповедания; в отличие от деизма означает принятие той или иной положительной религии.

Коррелат, коррелятивный — соотносительный.

Ланге, Фридрих (1828—1875) — немецкий философ, один из ранних неокантианцев, автор двухтомной работы (есть два русск. перев.) по истории материализма, написанной с неокантианской точки зрения. Кроме того см. по-русски его «Рабочий вопрос».

Мах, Эрнест (1833—1916) — немецкий ученый и философ, создавший наряду с Авенариусом эмпириокритическое направление в философии. Мах оказал большое влияние на ряд философствующих марксистов, что привело к махистскому ревизионизму в марксизме. Богданов, Луначарский, Берман, Суворов, Юшкевич и т. п. в той или иной мере прошли через школу Маха. Им противостояли диалектические материалисты-ортодоксы: Плеханов, Ленин, Деборин,

Л. Аксельрод. На русск. яз. сочин. Маха: «Научно-популярные очерки» (1901); «Анализ ощущений» (1908); «Познание и заблуждение» (1909); «Принцип сохранения работы» (1909).

Младогегельянцы — одно из направлений в немецкой философии ближайших лет после смерти Гегеля (1831), когда началось разложение его школы. Правые гегельянцы примыкали, главным образом к его системе и олицетворяли реакционные моменты его философии. Кроме правых определился «центр» и затем «левые» гегельянцы, примыкавшие к методу Гегеля и пытавшиеся развивать революционные моменты его учения. Вскоре выяснилось, что и младогегельянцы не являются однородной группой. Из младогегельянцев вышли и братья Бауэры с их суб'ективной «критической критикой», и Макс Штирнер с его анархизмом («Единственный и его достояние») и философским нигилизмом, и материалист Л. Фейербах и, наконец, К. Маркс и Ф. Энгельс. См. Энгельс «Людвиг Фейербах» и Г. Плеханов «От идеализма к материализму» (собр. сочинений т. XVIII).

Молешотт, Яков (1822—1893) — один из естественнонаучных, метафизических материалистов наряду с Л. Бюхнером и К. Фохтом. На русском яз. подцензурный перевод «Круговорот жизни» (1866).

Монизм — философское направление, видящее во вселенной лишь одну субстанцию. В этом смысле монистическим может быть как материализм, так и идеализм. Собственно монизмом назвал свою натурфилософскую систему Геккель, рассматривавший материальные и духовные явления как две стороны одного начала.

Натурфилософия — философия природы; немецкая «школа натурфилософов» означает обычно последователей Шеллинга. Об отношении Ф. Энгельса к этим натурфилософам (Л. Окен, Нис фон-Эзенбек, Карус и др.) см. «Анти-Дюринг», предисловие к 2-му изд.

Неокантианцы — философы, возродившие во второй половине XIX века идеализм Канта. Внутри неокантианства существует несколько направлений, главные из них: 1) марбургская школа (Г. Коген, Наторп, Кассирер) с логически методологическим уклоном и 2) школа Виндельбанда и Риккерта, пытающаяся провести непроходимую границу в обосновании естественных и общественных наук. Некоторые философы марбургской школы пришли к «этическому социализму». Влияние неокантианства на марксизм привело к специальной разновидности ревизионизма: вначале Э. Бернштейн и К. Шмидт, затем М. Адлер и К. Форлендер и др. С неокантианским ревизионизмом боролся в конце XIX века Г. Плеханов.

Nonsens — бессмыслица, абсурд.

Онтологизм — онтология — учение о сущем, означает обычно гипостазирование понятий, представление о них, как об об'ективных сущностях, своего рода об'ективный идеализм.

Ортодокс — правоверный в противоположность гетеродоксу — еретику; связь этого слова с исключительно религиозно-церковным значением утрачена. Ортодоксальный марксизм, напр., — чистый марксизм, без примеси других учений.

Оствальд, Вильгельм — один из крупных современных философов-энергетистов (разновидность идеализма). Пользовался влиянием на рубеже XIX и XX веков. На русск. яз. см. его «Философия природы».

Пифагорейцы — последователи древне-греческого философа Пифагора (VI века до наш. летоисчисл.). Пифагор сущность бытия видел в числе: все подчинено числу. Идеалистическая школа пифагорейцев привела в неопифагореизме к мистике чисел.

Платон (430—348 до наш. летоисчисл.) — знаменитый греческий философ, родоначальник об'ективного идеализма. Основные работы Платона имеются на русском языке.

Пнин, И. П. (1773—1805) — радикальный литературный деятель главным образом эпохи Павла I, издавал «С.-Петербургский журнал», в котором давал переводы французского материалиста Гольбаха. О Пнине см. И. Луппол «Русский гольбахианец конца XVIII века» («Под знаменем марксизма», № 3 за 1925 г.).

Позитивизм, или позитивная (положительная) философия связана с именем О. Конта. Позитивисты настаивают на слиянии философии с наукой, отказываясь от всякой метафизики. Однако для них такой «метафизикой» является и материализм, — единственная база для науки. Отождествление философии с наукой приводит у них к распылению философии, как общей методологии, между отдельными частными науками.

Позитивные науки — науки, изучающие отдельные группы явлений, напр., механика, физика, химия и т. п.

Постулат — требование, положение, которое принимается за истину, не будучи доказано.

Радищев, А. Н. (1749—1802) — радикальный мыслитель, автор «Путешествия из Петербурга в Москву», в котором выявил себя защитником освобождения крестьян, и философского трактата «О человеке, о его смертности и бессмертии», в котором он определился как непоследовательный материалист. О Радищеве, как философе, см. И. Луппол «Трагедия русского материализма XVIII века» («Под знаменем марксизма» 1924 г.).

Рационализм — теоретико-познавательное направление, оформившееся в новое время в XVII веке (Декарт, Спиноза, Лейбниц); характеризуется усматриванием источника познания в разуме (а не в опыте) и формальным логизированием явлений и процессов действительности.

Ревизионизм в марксизме — направление, выдвинувшее задачей пересмотр принципов научного коммунизма Маркса и Энгельса, а также и их философских принципов. Как следствие ревизионисты, отходя от революционной точки зрения, скатываются в лагерь буржуазии.

Релятивизм — учение, утверждающее относительность всякого познания в зависимости от суб'екта познания, а также и относительность всего сущего. О соотношении релятивизма и диалектики см. в тексте.

Rien de plus — ничего больше.

Raison d'être — основание существования.

Сен-Мартен, Луи (1743—1803) — французский философ-мистик, выступавший против материализма и всей деистической литературы эпохи просвещения, родоначальник наших масонов «мартинистов».

Сенсуализм — теоретико-познавательное направление, полагающее источник познания в ощущениях. «Чистый» сенсуализм, отрывающий ощущения от предметов, вызывающих их, приводит к идеализму типа Беркли, подробнее см. в тексте.

Силлогизм — процесс логического заключения, вывода из двух посылок: бо́льшей, из которой берется сказуемое, и меньшей, из которой берется подлежащее. Кроме того для вывода необходим общий средний термин; силлогизм в самой простой форме:

Бо́льшая посылка: все люди смертны.
Меньшая посылка: я — человек.
Вывод: я смертен.

Скептицизм — философское направление (их существовало в истории несколько), отрицающее достоверность познаний и признающее возможным лишь воздерживаться от суждения.

Солипсизм — точка зрения, — к которой приводит суб'ективный идеализм, — утверждающая, что существует только «Я», т. е. один суб'ект познания, содержанием сознания которого исчерпывается все сущее.

Софистика — философствование, опровергающее истину или обосновывающее ложь неверным доказательством, имеющим, однако, видимость истинного доказательства.

Спекулятивный — умозрительный. Спекулятивная философия — умозрительная, отвергающая опыт или не прибегающая к нему.

Спенсер, Герберт (1820—1903) — английский философ-позитивист, пытавшийся теоретически обосновать эволюционизм Ч. Дарвина. В области теории познания Спенсер — эмпирик и агностик. Основные работы Спенсера имеются на русском языке. О Спенсере см. Л. Аксельрод «Критика основ буржуазного обществоведения и исторический материализм» (1925).

Спиноза, Бенедикт (1632—1677) — голландский философ, крупнейший мыслитель нового времени, преодолевший дуализм Декарта в материалистическом монизме с единой субстанцией — природой и двумя атрибутами (существенными, неот'емлемыми свойствами): протяжением и мышлением. Все главные произведения Спинозы имеются на русском языке.

Спонтанейный — самопроизвольный, самостоятельный, в самом себе имеющий определение.

Sub specie aeternitatis — с точки зрения вечности, стало быть независимо от времени; иногда в общежитии — с точки зрения значительно позднейшего времени.

Схоластика — школьное знание, школьная философия. В собственном смысле слова схоластика — философия IX—XV веков, выросшая в монастырских школах и бывшая действительной служанкой богословия. Круг вопросов и аргументация схоластиков были ограничены рамками христианской религиозной мысли. Кроме того материалом для философствования схоластиков до начала XIII века служил Платон, а с начала XIII века — приспособленный к христианской церкви Аристотель.

Трансцендентальный — относящийся к познанию. Трансцендентный — выходящий за пределы познания.

Très bien — очень хорошо.

Фейербах, Людвиг (1804—1872) — немецкий философ-материалист, сперва ученик Гегеля, затем одно время глава младогегельянцев, имевший на них громадное влияние. Маркс 1843—1845 гг. пережил фейербахианский период в своем развитии. Материалистические работы Фейербаха на русск.

языке: Сочинения, тт. I — III (1923—1926). О Фейербахе см.: Ф. Энгельс «Л. Фейербах»; А. Деборин «Л. Фейербах» (1929).

Фидеизм — точка зрения некоторых философов и ученых, так или иначе и в той или иной степени принимающих религиозные воззрения; фидеизм может быть охарактеризован как деизм XIX и XX веков.

Фихте старший, Иоганн-Готлиб (1762—1814) — второй по времени представитель немецкого классического идеализма. Отбросив «вещь в себе» Канта и приняв его априоризм, Фихте пришел на этой почве к суб'ективному идеализму. Диалектические моменты в философии Фихте носят крайне абстрактный характер; это — диалектика чистого суб'екта. Основные работы Фихте имеются по-русски. О Фихте см. А. Деборин «Диалектика у Фихте» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. III).

Форлендер, Карл — немецкий социал-демократ и профессор философии, пытающийся «примирить» Канта с Марксом путем низведения коммунизма и материалистической диалектики Маркса до этического формализма и теоретико-познавательного идеализма Канта.

Фохт, Карл (1817—1895) — один из естественно-научных метафизических материалистов второй половины XIX века.

Шмидт, Конрад — немецкий социал-демократ, ревизионист неокантианского направления.

Штаммлер, Рудольф, — неокантианец, ревизовавший с этой точки зрения исторический материализм. Основная работа «Хозяйство и право» имеется в русском переводе.

Эмпиризм — в тесном смысле слова — теория познания, основывающаяся на данных опыта. В этом смысле диалектический материализм исходит от эмпиризма. Специфическое значение: эмпирик ограничивается фактами, боясь, или считая «метафизическими», абстракции и обобщения, и не поднимается до теоретического мышления. Задача науки состоит в применении рационального метода к данным опыта.

Эмпириокритицизм — философское направление, данное Р. Авенариусом и Э. Махом и восходящее от них к Беркли и Юму.

Эмпириомонизм — философия А. Богданова, разновидность эмпириокритицизма.

Эмпириосимволизм — философия П. Юшкевича, разновидность эмпириокритицизма.

Энергетизм — идеалистическое направление, отрицающее материальную субстанцию и признающее об'ективно сущей лишь энергию без материального носителя. Крупнейший энергетик — В. Оствальд.

Юм, Давид (1711—1776) — английский философ, эмпирик и скептик, отрицавший за причинной связью об'ективный характер и определявший ее природу, как результат нашей привычки или психологических ассоциаций.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

302

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.